Б. И. Дунаевъ.

Пр. Максимъ Грекъ
и
Греческая идея на Руси въ XVI вѣкѣ.

«Attende, ubi veritas albescit.»

Историческое изслѣдованіе
съ приложеніемъ текстовъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціей въ началѣ XVI ст.
по документамъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

МОСКВА.
Синодальная типографія.
1916.


Резервъ
Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл:
инв: 9879
шк:
полка:
мѣсто:
№ 9879/4



Б. И. Дунаевъ.

ПР. МАКСИМЪ ГРЕКЪ

и

ГРЕЧЕСКАЯ ИДЕЯ НА РУСИ ВЪ XVI ВѢКѢ.

«Attende, ubi veritas albescit.»

Историческое изслѣдованіе

съ приложеніемъ текстовъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціей въ началѣ XVI ст.

по документамъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

МОСКВА.
Синодальная типографія.
1916.

Отдѣльный оттискъ изъ 2 выпуска IV тома Трудовъ Славянской Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Максимъ Грекъ и греческая идея на Руси въ XVI-мъ вѣкѣ.

Дѣйств. чл. Об. Б. И. Дунаева.

Максимъ Грекъ пріѣхалъ въ Россію уже вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ, вполнѣ сформировавшимся борцомъ, съ опредѣленными идеями, а, можетъ быть, и планами своей дѣятельности.

Надъ изученіемъ историческаго облика Максима, какъ извѣстно, трудилось не мало лицъ. При этомъ изслѣдователи вначалѣ въ одинъ голосъ спѣшатъ отмѣтить сильное вліяніе Запада, а въ частности Савонаролы, на складъ личности Максима Грека. Нѣкоторые же договариваются и до болѣе опредѣленныхъ положеній. Такъ, одинъ изъ нихъ говоритъ: „Видно, что личность Савонаролы произвела глубокое впечатлѣніе на Максима и, конечно, имѣла большое вліяніе на образованіе его характера: и въ Максимѣ мы видимъ ту же ревность по вѣрѣ и ту же смѣлость въ обличеніи пороковъ, какимъ онъ удивлялся въ Савонаролѣ“ [1]).

Но въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи начинается какое-то сплошное недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что высказанныя только-что положенія совершенно игнорируются, и мы не имѣемъ даже попытокъ понять личность Максима внѣ тѣсныхъ рамокъ тогдашней русской дѣйствительности. Послѣ переѣзда его черезъ русскій рубежъ, изслѣдователи уже видятъ въ Максимѣ только типичнаго дѣятеля нашего 16-го вѣка. Отсюда и рядъ ихъ собственныхъ же недоумѣній. Чтобы быть послѣдовательными, мы обратимся, въ мѣру возможности, къ первоисточникамъ. Для этого выслушаемъ показанія самого Максима. Обратимся къ разсказанной имъ: „Повѣсти страшной и достопамятной“.

„Флоренцыа градъ, разсказываетъ Максимъ, есть прекраснѣйшій и предобрѣйшій сущихъ въ Италіи градовъ, ихъ же самъ видѣхъ; въ томъ градѣ монастырь есть мниховъ, отчина глаголемыхъ по латински предикаторовъ, еже есть Божіихъ проповѣдниковъ; храмъ же священныя сея обители святѣйшаго апостола и евангелиста Марка получивъ призирателя и предстателя. Въ сей обители игуменъ бысть нѣкій священный инокъ, Іеронимъ званіемъ, латининъ и родомъ и ученіемъ, преполонъ всякіа премудрости и разума богодохновенныхъ писаній и внѣшняго наказанія, сирѣчь философіи, подвижникъ презѣленъ и божественною ревностію довольно украшаемъ; сей премногій разумомъ богодохновенныхъ писаній и болій божественною ревностію, уразумѣвъ граду сему двѣма богомерскимъ грѣхомъ злѣйше порабощену сущу, сирѣчь богомерскимъ содомитскымъ беззаконіемъ и безбожнаго лихоиманіа и безчеловѣческимъ рѣзоиманіемъ, ревностію Божіею разжегся, совѣтъ совѣтовавъ добръ и богоугоденъ, сирѣчь учительнымъ словомъ, еже отъ божественныхъ писаній, пособити граду оному и истребити отъ него въ конецъ нечестіа сіа и, сіе совѣтовавъ, начатъ учити въ церкви люди Божіа всяческими премудрыми ученіи и изъясненіи книжными во храмѣ святаго

---

[1]) Порфирьевъ: «Ист. Р. Сл.» ч. I, стр. 512.

Марка евангелиста, собираемымъ къ нему часто многимъ слышателемъ благороднымъ и правымъ жителемъ града того, и возлюбленъ бывъ отъ всего града; помолиша его въ той самой соборной церкви, пришедшу учити ихъ Божію слову и закону, и онъ возлюбилъ ихъ совѣтъ и изволеніе, со усердіемъ подъятъ иже по Бозѣ сицевъ подвигъ: по вся недѣли и нарочиты праздники и во вся дни всея святыя четыредесятницы собираяся въ соборную церковь, предлагаше имъ учительное слово отъ высокаго сѣдалища, стоя на два часа, есть егда и множае простирая поученіе, и толико возможе слово, яко большая часть града возлюби крѣпкая и спасительная ученіа его отступити совершенно коемуждо своея многовременныя злобы и лукавства и возлюбити вмѣсто всякаго блуда и студодѣяніа и нечистоты плотскіа всяко цѣломудрія и чистоту, неправеднаго же лихоимца и рѣзоимца немилосерда видѣти бѣ абіе праведнѣйша и милостива и человѣколюбца бывша, и нѣкимъ отъ сицевыхъ подражающимъ Закхея начальника мытаремъ, иже во евангеліи, злѣ и неправеднѣ собрана бывша ими имѣнія расточающимъ добрѣ сущимъ въ нужахъ руками учителя своего, и да не, вся по ряду исправленіа его глаголя, стужаю прочитающимъ списаніа сіа, множае града того преложишася отъ всякіа злобы ихъ во всякій образъ добродѣтели достохвальныя. Едино же нѣкое исправленіе похвально, содѣяно бывше единою женою убогою, повѣмъ любителемъ добродѣтели, изъ негоже и имъ же возмогутъ разумѣти силу богодохновенныхъ ученій мужа оного. Сынъ убогія оноя вдовицы обрѣтъ на улицы повержену мошну камчату, въ ней же бяше златицъ пятьсотъ, отнесе къ матери своей, и она видѣвши не возрадовалася о семъ, яко таковымъ обрѣтеніемъ избыти хочетъ послѣдняго убожества своего, ниже скрыла у себе, но абіе отнесла ю ко священному учителю граду и рече: „се, преподобнѣйше отче и учителю, виждь мошну сію—найде сынъ мой повержену на улици, возми ю и, яко же вѣсть преподобіе твое, да обрящетъ потерявшаго ея и отдаждь ему свое, да не скорбь имѣетъ неутѣшимую человѣкъ о семъ". И учитель, удивився правдолюбному нрову вдовицы и, благословивъ ея, отпустилъ. Во единъ же день уча въ церкви, по скончаніи ученіа, возопи: „аще кто погубилъ имѣніа, да станетъ въ среди, и да глаголетъ количество погубленнаго имѣніа и качество мошны и день дондеже погубилъ имѣніе, и возметъ свое". И представъ погубивый имѣніе и сказавъ учителю и день и число и образъ мошны: „се имаши, рече, твое, о юноше, и убогую сію вдовицу, якоже произволяеши, утѣши, понеже избавила тебе многія, ея же имѣлъ еси, скорби".

Той, изъемъ 100 златицъ, далъ ей со всякою радостію. Колико похвал(ь)нѣйши вдова сія паче хвалимыя во евангеліи двухъ ради лѣптъ, ихъ же вергла въ даръ Божій, понеже она убо во своихъ си и малыхъ показала свое боголюбное, сія же въ чужихъ и многихъ показала свое правдолюбное и человѣколюбное. Имамъ убо и ина нѣкая сицева достопамятна исправленіа богоугоднаго онаго ученіа повѣдати вамъ, но да не сытостію писаніа сего стужаю ушесѣмъ вашимъ, волею сихъ миную, нынѣ же къ концу пятолѣтнихъ ученій его обращу стремленіе словесное. Понеже убо полграда добрѣ, якоже Богу угодно, исправися имъ, а другая половина пребываше не точію преслушая и противляяся Божественнымъ оного поученіемъ, но и враждоваше ему и досажаше безчестно и навѣтоваше ему толико, яко замазати брусокъ человѣческимъ каломъ, на немъ же обычай опиратися руками стоя и изливая людемъ струя ученіемъ, онъ же Спасову кротость и долготерпѣніе ко всѣмъ подражая, вся терпяше доблественнѣ, многихъ исправленіе жадая, сего ради ни самѣхъ, иже во властехъ церковныхъ суть, а не апостолоподобнѣ живутъ и о паствѣ Спаса Христа не пекутся,

якоже лѣпо, ниже тѣхъ хваляше, но безъ страха обличаше прегрѣшенія ихъ и глаголаше часто: „аще бы мы жительствовали достойно Евангелію Спаса Христа, вся убо всяко иновѣрныя языки обратилися бы ко Господу, зряще наше равноангельно житіе, и было убо бы намъ сіе во спасеніе велико и наслаженіе вѣчныхъ благъ, нынѣ же супротивно евангельскихъ заповѣдей живуще, и ниже себе исправляемъ, ниже иныхъ ко благочестію руководити печемся; что ино слышати чаемъ отъ праведнаго Судіи развѣ сего[1]): „Горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣри, яко затворяете царство небесное предъ человѣки, сами не входите, и хотящая внити возбраняете имъ".

Сія глаголя не обинуяся и еще жъ жесточайшими сихъ словесы зазирая удивляемому у нихъ папѣ и сущимъ о немъ кардиналемъ и прочему причту ихъ, большія ненависти и вражды вину далъ на себе возненавидѣвшимъ изначала священныхъ его ученій, еретика бо его и хульника и лестьца нарицаху, аки отверзша уста своя на священнаго ихъ папу и всея церкви римскія. Дойде же и до Рима сицевый о немъ слухъ и папу и сущаго о немъ причта зѣло смутилъ, *яко и соборную ихъ заповѣдь послати ему*, заповѣдующи ему не учити люди Господня, уподобившися глаголющимъ въ дѣяніи св. апостолъ: „Но да не на множае распрострется въ людехъ, прещеніемъ запретимъ имъ не глаголати къ тому о имени семъ ни единому отъ человѣкъ".

Такова убо совѣтоваша они и тако ему заповѣдаша, приложивше въ соборномъ ихъ писаніи, яко аще не престаетъ прочее, и проклятъ будетъ отъ нихъ, яко еретикъ; онъ же не точію не послушалъ беззаконныхъ совѣтъ сицевый, но наипаче разжеся божественною ревностію и соборное ихъ посланіе неправедно и Богу неугодно обличаше, аки не повелѣвающе ему не учити во церкви вѣрныхъ. И сего ради множае пребываше обличая ихъ беззаконія, уже бо, якоже лѣпо есть мыслити мнѣ, судивъ себѣ и умрети за благочестіе и Божію славу, аще потребно будетъ. Въ нихъ же бо аще возгорится огнь ревности, яже по Бозѣ, не точію имѣній стяжаній, но и самое житіе презрѣти творитъ. И свидѣтель неложенъ самъ Господь, глаголя:[2]) „Желаніемъ возжелѣхъ сію Пасху ясти съ вами", сіе же глагола, елма хотяше вкусити, яко человѣкъ, смерти за славу Бога и Отца своего за человѣческое спасеніе. И самъ Христовъ теплѣйшій рачитель и ревнитель Павелъ, глаголя:[3]) „Желаю разрѣшитися и со Христомъ быти"; и паки[4]): „Мнѣ же еже жити Христосъ есть и еже умрети пріобрѣтеніе".

Елма же иже о папѣ не престаху претяще ему и всякимъ образомъ оттрѣзающе учительнаго сѣдалища, такожде и онъ пребываше, не послушая ихъ и неправдованія ихъ обличая, смерти его предати совѣщаша, еже и сотвориша тѣмъ образомъ: избравше нѣкоего зенераля, именемъ Іакимъ[5]), зѣльнаго по ихъ совѣту, послаша и вооруживше его областію папиною низложити его отъ власти игуменскія и, испытавшу его, смертію осудитъ, яже огнемъ, аки непокорива и досадителя и клеветника апостольскія римскія церкви. Пришедъ же онъ во градъ Флоренскій и показавъ большимъ града начальникомъ грамоты папины, поставилъ его на судилище и мучительски испыташе его и оному

---

[1]) Матѳ. **23**, 13.

[2]) Лук. **22**, 15.

[3]) Фил. **1**, 23.

[4]) Фил. **1**, 21.

[5]) Интересная подробность, свидѣтельствующая о томъ, что Максимъ находился во Флоренціи до самаго конца, такъ какъ онъ передаетъ такія подробности суда.

со дерзновеніемъ отвѣчающу противу всѣхъ лукавствъ неправеднаго испытателя и судіи не могущу обвинити его,—свидѣтели лживи отъ части беззаконныхъ и непокоршіяся ученіомъ его восташа на оного преподобнаго и неповиннаго казателя града ихъ, носяща нань тяжчайша ихъ и неправедныхъ оглаголаній, имъ же повинувшеся неправедніи они судіи, сугубою казнію осудиша его и ины два священныя мужи, споспѣшники его, на древѣ повѣсивше, таже огнь возгнѣтивше подъ нимъ, сожгоша ихъ.

Таковъ конецъ житію преподобныхъ онѣхъ тріехъ инокъ и таково имъ возмездіе о подвизѣ, яже за благочестіе отъ непреподобнѣйшаго ихъ папы Александра,—тогда бѣ Александръ, иже отъ Испаніи, иже всякимъ неправдованіемъ и злобою превзыде всякого законопреступника.

Азъ же толико совѣтенъ бывати неправеднымъ онѣмъ судіамъ отстою, яко и прикладовалъ бы убо ихъ съ радостію древнимъ защитителемъ благочестію, аще не быша латыня вѣрою, ту же бо ревность древнимъ теплѣйшу за славу Спаса Христа и за спасеніе и исправленіе вѣрныхъ позналъ есмь въ преподобнѣхъ онѣхъ иноцѣхъ,—*не отъ иного слышалъ, но самъ ихъ видѣвъ и въ поученіихъ ихъ многажды прилучився*,—не точію же ту же древнимъ ревность за благочестіе познахъ въ нихъ, но еще и ту же имъ премудрость и разумъ и искуство богодохновенныхъ писаній и внѣшнихъ познахъ въ нихъ и множайше инѣхъ во Іеронимѣ, иже на два часа, есть когда и больши стоя на сѣдалищѣ учительномъ видяшеся, изливая имъ струя учительна преобильно, не книгу держа и пріемля оттуду свидѣтельства показательна своихъ словесъ, но отъ сокровища великіа его памяти, въ ней же сокровенъ былъ всякъ богомудренъ разумъ искуства святыхъ писаній".

Читая эти проникновенныя слова, посвященныя Савонаролѣ изъ далекой Россіи, невольно чувствуешь, что они продиктованы неподдѣльной искренностью, любовью и безграничнымъ преклоненіемъ передъ свѣтлой личностью великаго учителя.

Поэтому эти строки должны служить исходнымъ пунктомъ для всякаго изслѣдователя дѣятельности Максима. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ Максимъ подпалъ вліянію знаменитаго флорентійскаго пророка и почему это вліяніе было такимъ сильнымъ.

Чтобы отвѣтить на это, мы должны окинуть бѣглымъ взглядомъ біографію Максима. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ чрезвычайно мало достовѣрныхъ свѣдѣній о его жизни до пріѣзда въ Россію. Мы имѣемъ: 1) три краткихъ извѣстія о Максимѣ Грекѣ. 2) три подробныхъ сказанія о немъ 3) Двѣ надписи у гроба Пр. Максима Грека и житіе его, составленное Моховиковымъ. Вотъ какія свѣдѣнія почерпаемъ мы изъ житія: въ немъ разсказывается, что Максимъ съ малыхъ лѣтъ любилъ ходить въ церковь, становился съ пѣвцами „и малымъ своимъ младенческимъ разумомъ и гласомъ пояше и канонархизаше и вси людіе, зряше на него и удивлястася, что сіе будетъ". Когда ему исполнилось пять лѣтъ, онъ сталъ просить родителей своихъ отдать его „святому Писанію изучитися". Родители сперва отговаривали его, совѣтовали помедлить, но потомъ, уступая просьбамъ отрока Макарія (такъ звали въ міру Максима), отдали „нѣкоему философу именемъ Фарзису во Фрязской землѣ, во градѣ Паризіи". Здѣсь онъ пробылъ 11 мѣсяцевъ и, изучивъ всю „фарисію", отправленъ былъ философомъ Фарсисомъ во Флоренцію къ мудрѣйшему брату своему философу Гаврасу. Въ 9 мѣсяцевъ изучилъ Макарій всю науку и у этого философа и отправился домой къ родителямъ, съ которыми прожилъ 15 мѣсяцевъ. Родители его померли, а Макарій, продавъ все

имущество и роздавъ нищимъ, а рабовъ отпустивъ, отправляется „до града Италіи, и ту бо изучися многимъ философіямъ и премудрости и во иныхъ градѣхъ многихъ преходя"[1]).

Хотя разсказъ этотъ и крайне фантастиченъ и успащенъ невѣроятными подробностями, тѣмъ не менѣе узоръ вышитъ по исторически вѣрной канвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Максимъ долженъ былъ получить строго религіозное воспитаніе. Задыхаясь подъ тяжестью турецкаго деспотизма, греки, естественно, должны были искать утѣшенія въ религіи. Но эта пламенная и наивная вѣра, которой Максимъ былъ обязанъ обстановкѣ своего дѣтства, должна была вскорѣ подвергнуться тяжелому испытанію, къ которому Максимъ оказался совершенно неподготовленнымъ. Это обстоятельство, какъ и многое другое, заставляетъ думать, что Максимъ весьма юнымъ прибылъ въ Италію, въ поискахъ за образованіемъ. Здѣсь его ждала совершенно противоположная дѣйствительность. Въ то время въ Италіи казалось, что даже самый воздухъ былъ отравленъ тонкимъ ядомъ свободомыслія и скептицизма. Я приведу характерный отзывъ одного изъ современниковъ о тогдашней Италіи—итальянца Беневіени: „Несправедливость и грѣхъ размножились въ Италіи, говоритъ онъ, потому что страна эта потеряла христіанскую вѣру. Обыкновенно думаютъ, что все на свѣтѣ, а въ особенности человѣческія дѣйствія, не имѣютъ другой причины, кромѣ слѣпого случая. Иные думаютъ, что все управляется движеніемъ небесныхъ тѣлъ. Отрицаютъ будущую жизнь, издѣваются надъ религіей. Мудрецы міра сего считаютъ вѣру предметомъ очень обыкновеннымъ, годнымъ только развѣ для женщинъ и глупцовъ. Нѣкоторые же видятъ въ ней лишь призракъ человѣческаго воображенія. . . . . Вся Италія, а особенно Флоренція, преданы безбожію. . . . Даже женщины отвергаютъ вѣру Христову; всѣ и мужчины и женщины вернулись къ обычаямъ языческимъ, занимаются изученіемъ языческихъ писателей, астрологіею и всякимъ невѣріемъ"[2]).

Все это должно было породить въ душѣ юнаго Максима страшный разладъ. Готовый на муки за вѣру, онъ въ то же время чувствовалъ себя безсильнымъ въ борьбѣ съ проникающимъ въ его существо ядомъ невѣрія и скептицизма. Онъ чувствовалъ, что та почва, на которой онъ стоялъ,—почва вѣры, уходитъ изъ подъ его ногъ. Зная отъ природы мистически настроенную натуру Максима, мы легко поймемъ, какія душевныя страданія испытывалъ Максимъ. Память объ этомъ страшномъ для него времени навсегда осталась у него: „Свидѣтель азъ сихъ всѣхъ достовѣренъ, не яко слышатель и самовидѣцъ токмо онѣхъ во Италіи и въ Лонгобардіи, но и сообщительнѣ когда бывъ имъ. И аще не бы, иже о всѣхъ спасеніи пекійся, Богъ, помиловавъ мя, скорѣе посѣтилъ благодатію своею и свѣтомъ своимъ озарилъ мысль мою,—издавна убо и азъ погиблъ бы съ сущими тамо нечестія предстатели". Вотъ почему мы видимъ Максима подлѣ Савонаролы; вотъ откуда это страстное преклоненіе у него передъ личностью Girolamo, у котораго въ то время вѣдь не одинъ Максимъ искалъ и находилъ утѣшеніе. Кто другой тогда въ Италіи, какъ не Савонарола, могъ вернуть его къ жизни,—вернуть ему его прежнюю пламенную вѣру? Только послѣ сказаннаго, передъ нами начнетъ вырисовываться истинный обликъ Максима, его страстная, мятущаяся душа и горячее, пламенѣющее сердце. И намъ станетъ болѣе понятенъ тотъ мученическій путь, который избралъ себѣ въ жизни Максимъ.

---

[1]) С. Бѣлокуровъ: Биб. Моск. Государей въ XVI ст., 220 стр.
[2]) Беневіени—поэтъ 1453—1542.

По пріѣздѣ Максима въ Москву, начало его дѣятельности было, какъ извѣстно, вполнѣ благопріятнымъ для него. Но мало-по-малу обстоятельства круто измѣнились. Политическая проповѣдь и дѣятельность Максима не могли не обратить на себя вниманія тогдашняго Московскаго правительства, проводившаго узкую реальную политику, чуждую всякихъ увлеченій въ видѣ помощи угнетеннымъ единовѣрнымъ народамъ. Максимъ былъ взятъ подъ подозрѣніе, а потомъ на него воздвигли уже и открытое гоненіе. Любопытно отмѣтить, что Московское правительство, чтобы удобнѣе и легче уничтожить опаснаго для него человѣка, пустило въ ходъ тотъ же самый пріемъ, какой въ свое время былъ пущенъ въ ходъ папой Александромъ по отношенію къ ненавистному ему Савонаролѣ,—Максима обвинили въ ереси. Это обвиненіе распалось на два періода. Сперва оно стало витать вокругъ имени Максима въ разговорахъ тогдашняго общества, а впослѣдствіи, какъ извѣстно, вылилось въ конкретную форму соборнаго осужденія. Максимъ Грекъ, прекрасно понимая, къ чему вело подобное обвиненіе, разумѣется, не могъ оставить его безъ отвѣта. Но въ первое время, боясь повредить дѣлу излишней прямотой, онъ доженъ былъ дѣйствовать косвеннымъ путемъ. Для этого онъ весьма остроумно вступилъ въ борьбу съ различными ересями. Такъ, въ это время онъ писалъ: противъ еллиновъ, астрологовъ, магометанъ, евреевъ и т. д., косвенно доказывая тѣмъ свое православіе. Но когда первая попытка окончилась неудачей, онъ, спустя нѣсколько лѣтъ, выступилъ съ своимъ знаменитымъ „Исповѣданіемъ вѣры“. Такой образъ защиты Максима отъ возведенныхъ на него обвиненій, вызываетъ невольно на дальнѣйшія сопоставленія его „житія“ съ извѣстными фактами біографіи Савонаролы, такъ какъ всякій новый фактъ, уводящій насъ отъ обычно-трафаретнаго взгляда на личность и дѣятельность Максима на Руси, дастъ возможность скорѣе достичь истины.

Для этого мы перенесемся во Флоренцію къ 1497 году. Какъ разъ въ это время Girolamo довелъ до крайнихъ предѣловъ свои страстныя обвиненія противъ папы: „Что же ты, Господи? страстно взывалъ онъ, что же ты медлишь? Рази, рази. Освободи твою церковь отъ этихъ демоновъ, отъ этихъ тирановъ, отъ этихъ развратныхъ прелатовъ“. Это было уже слишкомъ. 12-го Мая 1497 года, почти за годъ до казни пророка, Александръ VI подписалъ буллу объ отлученіи Савонаролы, который назывался въ ней excommunicatus et de haeresi suspectus. Савонарола такъ отвѣтилъ на это. „Dopo la pubblicazione del breve, il Savonarola ritirato nella solitudine della sua cella profittava di quel silenzio per darsi „con attività veramente incredibile“ alla pubblicazione di nuovi trattati, primo fra tutti „il Trionfo“. Такъ было создано это замѣчательное сочиненіе. Несмотря на все сказанное, Савонарола все-таки счелъ нужнымъ написать небольшое оправдательное письмо, въ которомъ указывалъ папѣ на своихъ безчисленныхъ слушателей, на проповѣди, печатно извѣстныя всему міру, наконецъ, на свое послѣднее произведеніе—„Торжество Креста“, содержащее полное выраженіе его религіозныхъ убѣжденій. Это послѣднее произведеніе должно обратить на себя наше вниманіе и мы постараемся познакомиться съ этимъ знаменитымъ трудомъ fra Girolamo. Бросимъ хотя бы только бѣглый взглядъ на его содержаніе[1]).

1497 годъ.

„Fratris Hieronymi Ferrariensis ord. praed. De veritate Fidei in Dominicae Crucis Triumphum“.

---

[1]) Авторъ этому вопросу посвящаетъ другую работу.

prooemium.

исповѣданіе вѣры:
lib. I. . . . .
. . . .
lib. II . . . .
lib. III. . . . .

lib. IV prooemium.

1) Nullam religionem, praeter Christianam, veram esse.
2) Religiones a philosophis traditas, defectuum et errorum plenas fuisse.
3) Traditiones astrologorum penitus inutiles ac superstitiosas esse.
4) Idolatrarum sectam omnium vanissimam esse.
5) Iudaicae perfidiae, superstitionisque confutatio.
6) Haereticorum omne dogma falsum ac perversum esse.
7) Mahumetanorum sectam omni ratione carere.
8) Christianam religionem omnino veram et stabilem esse.

totius operis epilogus.

Въ трудѣ этомъ, такимъ образомъ, Савонарола и прямо — „Исповѣданіемъ вѣры" и косвенно „обличеніемъ ересей" доказывалъ чистоту и правильность своей вѣры.

Кромѣ „Исповѣданія вѣры", Савонарола писалъ здѣсь противъ заблужденій философовъ, астрологовъ, идолопоклонниковъ, евреевъ, вообще противъ еретиковъ и противъ магометанъ, т. е. противъ почти всѣхъ тѣхъ, противъ кого писалъ и кого обличалъ Максимъ Грекъ на Руси, защищая чистоту своей вѣры.

Такое совпаденіе этихъ фактовъ едва ли случайно. Не здѣсь ли объясненіе обличенія той, напримѣръ, „еллинской прелести", которое звучало такъ неестественно въ устахъ Максима на фонѣ современной русской дѣйствительности? Мы, конечно, далеки при этомъ отъ какихъ-либо особыхъ выводовъ, мы просто не считали возможнымъ пройти мимо замѣченныхъ нами фактовъ. Для насъ они важны, какъ новое лишнее доказательство всегдашней близости флорентійскаго пророка по духу къ нашему Максиму Греку,—важны для того, наконецъ, чтобы твердо уяснить себѣ тотъ фактъ, что въ лицѣ Максима Грека мы имѣемъ дѣятеля сложной душевной организаціи—западника, хотя, можетъ быть, и очень своеобразнаго. Во всякомъ случаѣ та мѣрка, съ которой обычно подходятъ къ личности Максима, должна быть теперь оставлена, такъ какъ иначе мы никогда не постигнемъ ни истиннаго облика Максима, ни его дѣятельности у насъ на Руси въ XVI-мъ вѣкѣ. Находясь въ далекой Россіи, Максимъ все такъ же близокъ духовно, какъ мы видѣли, къ Савонаролѣ, великій духъ котораго жилъ въ Максимѣ, а стало быть и вообще къ Западу, какъ и раньше, чему, какъ было отмѣчено, начинаютъ находиться новыя фактическія доказательства. Онъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ, очевидно, остается самимъ собой. Особенно это сказывается въ его дѣятельности, какъ патріота и носителя греческой идеи, въ чемъ ему помогали и другіе, бывшіе у насъ, греки, какъ это обнаружится изъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

„Сношенія православнаго Востока съ русскими, какъ извѣстно, не прекращались и въ монгольскій періодъ нашей исторіи; то же самое желаніе получить побольше милостыни отъ благочестиваго народа русскаго, которое такъ много собирало грековъ въ Москву въ XVII в., заставляло послѣднихъ предпринимать путешествія въ нее и ранѣе, въ XIV—XVI вв. Болѣе частыя сношенія Москвы происходили съ св. Аѳонской горой, откуда къ намъ прибылъ и преп. Максимъ Грекъ" [1]).

---

1) С. Бѣлокуровъ: „О библіотекѣ Московскихъ Государей въ XVI ст." 194 стр.

Такъ въ августѣ 1496 г. (7004 г.) въ Москвѣ были „игуменъ да три старца изъ Святыя горы, изъ монастыря св. Пантелеймона, милостыни ради. И князь великій ихъ пожаловалъ, милостынею издоволилъ, а на иные монастыри Св. горы милостыню съ ними же послалъ и отпустилъ ихъ съ тѣмъ же посломъ вмѣстѣ [Волошскимъ]; понеже бо изъ старины тотъ монастырь св. Пантелеймона въ Св. горѣ строеніе бѣаше первыхъ князей русскыхъ“ [1]). Въ ноябрѣ 1507 г. (7015 г.) изъ того же Пантелеймонова монастыря приходили старцы „милостыни ради, діаконъ Пахоміе да монахъ Яковъ; и князь великій Василей Ивановичъ учредивъ ихъ милостынею доволно и отпусти ихъ съ Москвы мѣсяца маіа 9-го“ [2]). Въ январѣ 1509 г.—іюнѣ оттуда же старцы были на Москвѣ: Василей, Симеонъ, да Яковъ [3]). Въ концѣ 1514 г. и началѣ 1515 г. въ Москвѣ были, лавры св. Аѳанасія старецъ Мелентій да изъ Ватопеда старецъ Нифонтъ духовникъ съ грамотами“ [4]). Въ томъ же 1515 г. въ мартѣ мѣсяцѣ эти старцы поѣхали съ Москвы вмѣстѣ съ турецкимъ посломъ, бывшимъ у насъ, и нашимъ посломъ къ Султану В. А. Коробовымъ; „а въ св. гору Аѳонскую князь великій послалъ съ милостынею Василія Копыла Спячего да Ивана Варавина [5]). Съ Копыломъ и Варавинымъ, кромѣ грамоты, въ которой писалось о посылкѣ милостыни на Аѳонъ и испрашивались молитвы [6]), была послана особая грамота къ аѳонскому протату, въ которой князь великій просилъ прислать изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву—„переводчика книжново на время“ [7]). Коробовъ былъ отправленъ въ Царь-градъ къ Султану въ цѣляхъ чисто политическихъ: для переговоровъ съ турецкимъ правительствомъ о торговыхъ сношеніяхъ, дѣлахъ крымскихъ и общемъ союзѣ на крымцевъ. Онъ возвратился въ Москву въ мартѣ 1516 г. (7024 г.). Но Копыла и Варавина съ нимъ не было. Они вернулись въ Россію только черезъ три года послѣ своего отъѣзда изъ нея и черезъ два года по пріѣздѣ въ нее Коробова: „Василіи Копылъ изъ Царя-Города пошелъ въ святую гору Аѳонскую отъ великаго князя Василія Ивановича всеа Руси съ милостынею, а Варавинъ остался въ Царѣградѣ великаго князя для потребъ“ [8]). Такимъ образомъ пребываніе Копыла и Варавина за рубежомъ сильно затянулось. Притомъ и дѣло по вызову „переводчика книжново“ плохо налаживалось. Игуменъ Ватопедской обители Анѳимъ, извѣщая въ грамотѣ [9]) къ митрополиту Варлааму о приходѣ къ нимъ Василія Копыла и о полученіи милостыни, писалъ, что Копылъ „также възвѣсти намъ о святѣмъ и духовномъ отцѣ господинѣ Савѣ, аще восхощетъ потрудитися до Русіи, нѣкихъ ради вещей нужныхъ тоя земли; старецъ же бывъ многолѣтенъ, ногами немощенъ, не возможе исполнити повелѣнія благовѣрнѣйшаго великаго князя и твоего великаго святителства, о немъ же и прощенія просимъ“. Въ грамотѣ къ великому князю тотъ

---

[1]) П. Собр. Р. Л., т. VIII. 233 стр.

[2]) П. Собр. Р. Л., т. VIII. 247 стр.

[3]) Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 5 и 12.

[4]) Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 18 об.

[5]) П. Собр. Р. Л. т. VIII, стр. 259; т. VI стр. 257. Никоновская Л. ч. VI стр. 203. Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 18 об.

[6]) Отъ 15 марта 7023 г. См. Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 18 об.

[7]) Списокъ съ грамоты Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 19 об. напечат. въ Временникѣ О. И. и Др. Р. кн. V, отд. 3, стр. 30—31, переп. у Лихачева „Библіот. и Арх. Московскихъ Государей въ XVI ст.“

[8]) П. Собр. Р. Л. т. VIII стр. 259, т. VII стр. 257, Никоновская Л. т. VI стр. 205.

[9]) Акты собр. Арх. Ком. т. I № 122 стр. 175—176.

же Анфимъ писалъ [1]): „въспроси и честнѣйшаго духовника и священноинока Савву по наказанію царства твоего и по приказу всесвященнѣйшаго митрополита господина Варлаама; не могущу жъ убо духовнику священноиноку господине Саве старостію и болѣзни ножныя пріити къ царствію твоему“.—„Преподобнѣйшій же отецъ нашъ протъ, яко да не останется прошеніе Великаго Князя бездѣлно и безконечно, изобралъ вмѣсто старца Саввы, честнѣйшаго брата нашего Максима, еже изъ нашея священныя обители Ватопеди, аки искусна божественному писанію и пригожа на сказаніе всякихъ книгъ: и церковныхъ и глаголемыхъ елиньскихъ, понеже отъ младыя юности въ сихъ възрасте и симъ наказася добродѣтельнѣ, и не яко нѣкій,—многими почитанми токмо. Посылаемъ же того нашимъ произволеніемъ и хотѣніемъ [но убо языка не вѣсть русскаго, развѣ греческаго и латынскаго; надѣемъ же ся, яко и русскому языку борзо навыкнетъ],—его же да пріимсте; съ нимъ и честнѣйшаго священноинока господина Неофита духовника, и третьяго брата Лаврентія имянемъ. Мы же убо, имъ же възмогохомъ и иже имѣхомъ, честнѣйше челомъ біемъ благовѣрнѣйшему Великому Князю и величеству святителства твоего. Дай же Господь Богъ, яко да и мы узримъ воздаяніе, которое желаемъ видѣти оттолѣва, еже есть яко, да отошлете паки къ намъ здравыхъ братію нашу, ими же надѣемся улучити благодареніе отъ Великаго Князя твоимъ сѫдѣтелствомъ и поспѣшеніемъ, еже имутъ и усты принести братіа наша великому ти святителству, ему же паки множае челомъ бьемъ“ [2]).

Нужно сознаться, однако, что о вызовѣ Максима въ Россію мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія. Такъ, на основаніи самаго тщательнаго изученія тогдашней дипломатической переписки мнѣ удалось прибавить ко всему уже сказанному только нѣсколько отрывочныхъ извѣстій: „лѣта 7025 (1517) маіа 30-го. Пріѣхалъ къ Великому Князю изъ Крыма козакъ его Темешъ Кадышевъ съ Товарищи, а съ Темешомъ вмѣстѣ пріѣхалъ отъ Ахмата отъ царевича человѣкъ его Качимъ. А привезъ Темешъ къ Великому Князю отъ Василья отъ Шадрина да отъ Ильи отъ Челищева грамоту, а сказалъ Темешъ Великому Князю, что отъ Мегмедъ-Гирѣя Царя ѣдетъ къ нему Кудояръ мурза Ивачевъ“. Въ привезенной грамотѣ есть извѣстіе о Копылѣ и Варавинѣ: „и здѣся, Государь, Божьимъ милосердіемъ да твоимъ Государскимъ здоровьемъ Копылъ и Варавинъ вышелъ въ Каѳу поздорову и съ товарищи. И Копылъ прислалъ къ намъ, Государь, Булгакомъ зовутъ Окинѳовъ володимерецъ, а съ нимъ былъ, Государь, дьякъ въ твоемъ приказѣ. И поѣхалъ, Государь, тотъ Булгакъ къ тебѣ, къ Государю, съ Кудояромъ княземъ и съ твоимъ казакомъ съ Темишемъ съ Кадышевымъ, а сказываютъ, Государь, вѣсти заморскія, что послалъ Салимъ-бекъ Синанъ-пашу, и Кизылъ-башевы воеводы Синанъ-пашу побили на своемъ рубежѣ. И какъ услышалъ, Государь, Салимъ-бекъ, что воеводъ его побили, и Салимъ-бекъ, Государь, самъ пошелъ противъ Кизылбаша. И сказываютъ, Государь, что Салимъ-бекъ стоитъ со всею своею силою на своемъ рубежѣ, а съ мисюрскимъ, Государь, Салимъ-бекъ воюется жъ. И стояла, Государь, застава мисюрскаго въ холяпи, и пришла, Государь, застава Салимъ-бекова, и дѣло межъ ихъ, Государь, съ собою было. И мисюрскаго, Государь, застава Салимъ-бековыхъ людей побили, а съ угорскимъ, Государь, Салимъ-бекъ перемирье взялъ на два года“ [3]). Въ другой грамотѣ, присланной тѣми же лицами, сказано: «Да здѣсе, Государь, Божьимъ милосердіемъ да твоимъ

---

[1]) Арх. М. И. Д. Греческій статейный списокъ № 1 л. 3.
[2]) Арх. М. И. Д. Греческій статейный списокъ № 1 л. 3.
[3]) Арх. М. И. Д. Крымскія дѣла № 5 л. 548.

Государскимъ здоровьемъ Копыль и Варавинъ въ Каѳу вышелъ поздорову совсѣмъ, а съ нимъ, Государь, вышелъ митрополитъ, да и иные съ нимъ черньци, а дополна, Государь, не вѣдаемъ, скол(ь)ко съ нимъ черицовъ" [1]). Изъ двухъ другихъ мѣстъ можно опредѣлить время пребыванія Копыла на Аѳонѣ. Здѣсь, оказывается, онъ пробылъ около полгода. Такъ, въ грамотѣ Ивана Мамонова, присланной изъ Крыма уже послѣ его смерти, говорится: „Да здѣсь, Государь, прислалъ ко мнѣ изъ Царя-Города Варавинъ грамоту, а въ ней тол(ь)ко и писано: здѣсе намъ жити нужно. А тамгу на насъ взяли, а другую хотятъ взять, а болѣ того, Государь, въ ней не писано ничего. А про турскаго, Государь, про посла къ тебѣ, ко Государю, слуху нѣтъ, а турскому, Государь, на се лѣто валка будетъ съ Кизылбашемъ, а самъ въ Ядренѣ-Полѣ турской, а Копылъ зимовалъ у него въ Ядренѣ, а во Святую гору пошелъ передъ великимъ днемъ, а турской ему далъ дву чегушовъ. Да оттолѣ Копылъ еще не бывалъ" [2]). Это было въ 1517 году. Въ февралѣ же 1518 года Максимъ Грекъ съ Копыломъ и Варавинымъ уже ѣхалъ изъ Крыма въ Москву. Объ этомъ мы читаемъ въ грамотѣ московскаго посла, возвращавшагося изъ Крыма, Василія Шадрина: „Да ѣдетъ, Государь, со мной Копылъ и Варавинъ, а съ ними, Государь, ѣдутъ митрополитъ самъ-другъ отъ патріарха изо Царя-Города, да изъ твоего, Государь, монастыря отъ Пантелѣймона Святого ѣдетъ Сава проигуменъ, а изъ Вартопѣта, Государь, ѣдетъ къ тебѣ, Государю, Максимъ старецъ самъ-третей, а торговыхъ, Государь, людей ѣдетъ со мною съ Чарыгомъ Затрегубъ каѳинецъ. Да милосердіемъ Божіимъ да твоимъ Государскимъ здоровьемъ доѣхали есмя до Сулы, далъ Богъ, поздорову. И отпустилъ есми, Государь, къ тебѣ, ко Государю, твоего казака Бай-Кулу Олѳерова и Аппакова человѣка Милкъ-Омона" [3]). 4-го марта того же 1518 года Максимъ былъ уже въ Москвѣ: „пріиде къ Великому Князю Василью Ивановичю всеа Руси изъ Царя-Града, отъ вселенскаго патріарха Феолипта митрополитъ Григорей грекъ отъ града Жихна Цареградскія области; да съ нимъ вмѣстѣ пріидоша старцы отъ Святыя горы Аѳонскія къ Великому Князю Государю и къ первосвятителю Варлааму митрополиту всея Руси бити челомъ Великому Государю о нищетѣ положенія, милостыни ради: отъ Благовѣщенья пречистыа Богородица изъ Ватопеди монастыря три старцы: Максимъ грекъ, да Неофитъ священноинокъ грекъ, да Лаврентей болгаринъ; а отъ Святого великомученика Пантелѣймона изъ русскаго монастыря Сава преименитый игуменъ". „А напередъ тѣхъ старцовъ за годъ пришелъ отъ четыредясити мученикъ отъ Ксиропотамова монастыря Исаіа священноинокъ сербинъ; да съ митрополитомъ пришелъ патріаршъ діаконъ Діонисей грекъ. Князь же Великій Василей Ивановичъ всея Руси пріятъ митрополита Григорія и старцовъ Св. горы Аѳоня съ великою честью и велѣлъ имъ пребыти въ монастыри св. Архистратига Михаила честнаго и славнаго его чудеси, питаа ихъ и доволя всякими доволями потребами отъ своеа царскія трапезы; такожде и первосвятитель Варлаамъ всеа Руси ко Григорію митрополиту града Жихна и къ старцамъ Св. горы великую любовь и честь показуаше и къ себѣ призываа и съ ними часто бесѣдоваше о божественныхъ словесѣхъ духовныхъ [П. С. Р. Л. т. VIII стр. 263, т. VI стр. 261. Никоновская лѣтопись ч. VI, стр. 212].

Радушное и благожелательное отношеніе къ Максиму Греку со стороны, какъ свѣтской, такъ и духовной власти продолжалось сравнительно недолгое время. Оно

[1]) ibidem.

[2]) Арх. М. И. Д. Крымскія дѣла № 4, лл. 312—358.

[3]) Арх. М. И. Д. Крымскія дѣла № 5, лл. 526 об.—548.

смѣнилось сперва подозрѣніемъ, какъ мы выше уже говорили, а потомъ и открытымъ гоненіемъ. Эта перемѣна въ отношеніи была вызвана политической дѣятельностью Максима, которую русскіе люди не хотѣли, да и не могли понять, а тѣмъ менѣе сочувствовать ей.

Къ Максиму Греку, какъ извѣстно, было предъявлено опредѣленное обвиненіе въ недоброжелательныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Русскому государству. Эта сторона дѣятельности Максима въ Россіи оставалась до сихъ поръ плохо освѣщенной. Интересуясь политической дѣятельностью Максима, я въ своей работѣ имѣлъ въ виду слѣдующій вопросъ: Максимъ Грекъ, отстаивая въ Россіи интересы горячо любимой имъ Греціи, дѣйствовалъ ли въ одиночку, за свой страхъ и рискъ, увлекаемый своей страстной натурой, или же здѣсь былъ какой-то общій планъ дѣйствій грековъ, и Максимъ былъ только его выполнителемъ въ числѣ другихъ? Что касается самого Максима, то онъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно и опредѣленно. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ изслѣдователей: „Мы видимъ, что когда Максимъ прибылъ въ Россію, то сталъ побуждать вел. князя свергнуть турецкое иго, тяготѣвшее надъ Греціей. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ вел. князю: „Буди намъ нѣкогда царствовати отъ нечестивыхъ работы свобожденнымъ тобой: вся бо возможна и удобь совершаема всѣхъ Владыцѣ, и якоже древле, отъ нижнихъ галловъ воздвигнувъ великаго въ царѣхъ Константина, древняго Рима, злѣ стужима, избави отъ нечестиваго Максентія, сице и нынѣ Новаго Рима, тяжцѣ волнуема отъ безбожныхъ Агарянъ, благочестивѣйшею державою царствія твоего да изволитъ свободити и отъ отеческихъ твоихъ престолъ наслѣдника покажетъ и свободы свѣтъ да дастъ намъ бѣднымъ тобою милостью и щедротами Его“ [1]). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Максимъ Грекъ систематически проводилъ въ Россіи идею освобожденія Греціи. Такъ, его слова противъ магометанской религіи давали ему удобный поводъ представлять тѣ бѣдствія, какимъ подвергались греки подъ властью турокъ, и притѣсненія церкви, чѣмъ онъ думалъ дѣйствовать на религіозное чувство русскихъ. Вел. князя онъ хотѣлъ побудить на освобожденіе Греціи обѣщаніемъ, что „Богъ грекамъ отъ отеческихъ его престолъ наслѣдника покажетъ“. Онъ говорилъ, что къ дѣламъ во славу Божію относится и „противоополченіе къ тщащимся выну истребити божественную вѣру“. А когда ему не удались его старанія, онъ обличалъ русскихъ въ томъ, что они только „своихъ си ищутъ, а не яже вышняго“, и ставилъ имъ въ укоръ, что о церкви, „терзаемой измаильтянами, ни едино попеченіе есть“ [2]). Именно, подъ вліяніемъ несбывшихся надеждъ, написалъ онъ „Слово благовѣрнымъ“, въ которомъ уже высказываетъ полнѣйшую безуспѣшность своего дѣла: „Добро есть и спасительно намъ, говоритъ въ немъ Максимъ, и Самому Вышнему благоугодно, отвергшимъ намъ отъ мыслей нашихъ всякія слабости, душегубительно отчаяніе, и наипаче прельщающія насъ надежды суетныя, яко паки чаемъ, якоже и прежде,—устроится держава царская въ Константинѣ Градѣ,—востати намъ отъ многолѣтняго сна премногаго нашего безначалія и небреженія, повинующимся проповѣднику глаголющему: „Братіе, во всякой премудрости ходите ко внѣшнимъ, время покупующе, понеже дніе лукави суть“ (Ефес. 5, 15). Максимъ подсмѣивался надъ трусостью вел. князя и въ самыхъ бѣдствіяхъ Греціи видѣлъ предвѣщанія послѣдняго времени [3]). Изъ того, что Максимъ постоянно обращался къ вел. князю, видно, какимъ

---

[1]) Максимъ Грекъ соч., Прав. Соб. 1861 Авг. 318.

[2]) Соч. Максима Грека. 1889 г., слово VII.

[3]) Соч. Максима. 1889. Іюнь, 143.

путемъ велъ онъ свое дѣло, старанія о которомъ онъ, конечно, проявлялъ не въ однихъ только сочиненіяхъ“ [1]).

Максиму говорили на соборѣ, обвиняя его: „Да ты же, Максимъ, говорилъ многимъ здѣсь на Москвѣ: великому князю и митрополиту кличутъ многолѣтіе и еретиковъ проклинаютъ, занеже творятъ ни по писаніямъ, ни по правиламъ, (а патріарха не поминаютъ), а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Царе-Градѣ отъ патріарха“. На соборѣ 1531-го года самъ Максимъ говорилъ: „Дознавался я, почему не ставятся митрополиты русскіе по прежнему и по старому обычаю въ Константинополѣ, и мнѣ сказали, что патріархъ Константинопольскій далъ благословенную грамоту русскимъ митрополитамъ ставиться своими епископы, и я много добивался видѣть эту грамоту, но до сихъ поръ не видалъ ея“. Такимъ образомъ, Максимъ является явнымъ носителемъ и выразителемъ у насъ на Руси греческой идеи.

Зная хорошо Максима, мы, конечно, нисколько этому не удивимся. Мы остановимся поэтому на другомъ: на реальной сторонѣ дѣла. Вѣдь, одинъ въ полѣ не воинъ. Такъ, именно, представляетъ себѣ положеніе вещей, при изученіи дѣятельности Максима въ Россіи, историкъ церкви, профессоръ Голубинскій. Приведя обвиненіе, выставленное противъ Максима на соборѣ, въ коемъ говорилось, что „Максимъ и его сообщникъ Савва (архимандритъ Новоспасскій, который былъ родомъ также грекъ) вмѣсто добра умышляли и совѣщали зло великому князю: посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и къ самому турецкому султану, поднимая султана на Государя; да они же говорили: „Великій князь ведетъ войну противъ Казани, но не придется ему владѣть ею, потому что для турецкаго султана срамъ будетъ терпѣть это“ [2]),—онъ замѣчаетъ: „Обвиненіе противъ Максима съ Саввой, будто они посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и къ самому султану, поднимая султана на великаго князя, не только представляетъ „pendant“ къ обвиненію Максима въ ереси, но нѣчто и еще гораздо болѣе удивительное и въ своемъ родѣ совершенное. Два греческіе монаха, живущіе въ Москвѣ, затѣваютъ такое дѣло, какъ посредствомъ своихъ писемъ къ пашамъ и султану возбудить послѣдняго къ войнѣ противъ великаго князя: похоже ли это на что-нибудь сколько-нибудь вѣроятное? И для чего монахи пожелали бы возбудить султана къ войнѣ?“

На это мы, во-первыхъ, замѣтимъ, что прямой интересъ грековъ могъ ихъ побудить сдѣлать это—отыскивать Султану враговъ, чтобы тѣмъ самымъ скорѣе добиться осуществленія завѣтной мечты: освобожденія Греціи отъ турецкаго ига.

Во-вторыхъ, мы постараемся разслѣдовать, дѣйствительно ли Максимъ дѣйствовалъ, по пріѣздѣ въ Россію, самъ-другъ только. Тотъ же Голубинскій приходитъ къ заключенію, что греки, жившіе въ Россіи до Максима, дѣйствовали въ томъ же направленіи. „Не особенно задолго до пріѣзда въ Россію Максима, говоритъ онъ, нѣкоторые греки, оставшіеся при великомъ князѣ послѣ его матери Софіи Ѳоминишны, сдѣлали открытіе, что славянскія богослужебныя книги исполнены еретическихъ погрѣшностей, о каковомъ открытіи и довели до свѣдѣнія Государя. Василій Ивановичъ вовсе не могъ допустить мысли, чтобы наши книги были исполнены погрѣшностей еретическихъ, ибо, во-первыхъ, по его представленію, какъ и всѣхъ тогдашнихъ русскихъ, нужно было бы въ семъ случаѣ допустить, что наши чудотворцы, которые употребляли эти книги, не суть чудотворцы; во-вторыхъ, тогда у насъ обратилось въ твердый цер-

---

[1]) Иконниковъ.

[2]) Голубинскій, 715.

ковно-политическій догматъ то мнѣніе, что, при поврежденіи древняго православія у позднѣйшихъ грековъ, оно сохраняется во всей своей чистотѣ у насъ—русскихъ; между тѣмъ какъ, съ допущеніемъ мысли, что въ нашихъ книгахъ есть еретическія погрѣшности, необходимо было бы отказаться отъ этого догмата. Слѣдствіемъ сего было то, что помянутые греки, сдѣлавшіе свое открытіе и сообщившіе о немъ великому князю, привлекли на себя крайній гнѣвъ послѣдняго"[1]). Эти свѣдѣнія Голубинскій почерпнулъ у Герберштейна.

Обратимся къ этому послѣднему. „Мы слышали, говоритъ онъ, въ Московіи, что по просьбѣ самого Московскаго князя Константинопольскій патріархъ прислалъ одного монаха, по имени Максимиліана-(Максима), чтобы онъ, по здравомъ обсужденіи, привелъ въ порядокъ всѣ книги, правила и отдѣльныя постановленія, касающіяся вѣры. Сдѣлавъ это и замѣтивъ многія весьма важныя заблужденія, Максимиліанъ (Максимъ) объявилъ князю, что онъ совершенный схизматикъ, потому что не слѣдуетъ ни греческому, ни римскому обрядамъ. Говорятъ, что онъ пропалъ немного спустя послѣ того, какъ высказалъ это, и, по мнѣнію многихъ, былъ утопленъ, хотя князь и оказывалъ ему величайшее благоволеніе. Разсказываютъ, что за три года до нашего пребыванія въ Московіи, Маркъ, одинъ греческій купецъ изъ Каѳы, говорилъ то же самое, и, хотя за него усиленно ходатайствовалъ тогда турецкой посолъ, но онъ также былъ схваченъ и приговоренъ къ смерти. Грекъ Георгій, по прозванію Малый, казначей, канцлеръ и высшій совѣтникъ князя, немедленно былъ удаленъ отъ всѣхъ должностей и подвергся опалѣ, потому что благопріятствовалъ этому дѣлу и отстаивалъ его. Но такъ какъ князь никакъ не могъ обойтись безъ Георгія, то онъ снова былъ принятъ въ милость,—только ему дали другую должность. Это былъ мужъ необыкновенно ученый и искусный во многихъ дѣлахъ; онъ прибылъ въ Московію вмѣстѣ съ матерью вел. князя. Князь такъ уважалъ его, что, позвавъ его однажды къ себѣ во время его болѣзни, приказалъ нѣсколькимъ изъ самыхъ знатныхъ своихъ совѣтниковъ посадить его въ повозку и принести во дворецъ. Но когда его привезли ко дворцу, онъ не позволилъ нести себя по такой высокой лѣстницѣ; его высадили изъ повозки, и онъ сталъ помаленьку взбираться къ князю. Князь, нечаянно увидѣвъ его, началъ сильно гнѣваться и приказалъ принести его къ себѣ на носилкахъ. Наконецъ, посовѣтывавшись съ нимъ и окончивъ дѣло, онъ приказалъ снести его по лѣстницѣ на носилкахъ же и всегда потомъ носить вверхъ и внизъ"[2]).

Что касается Марка Грека, то его судьба по офиціальнымъ документамъ совершенно тожественна съ судьбой Максима: его также не выпустили изъ Россіи.

Мы приведемъ только посольскую память, данную о немъ Ивану Семенову[3]). „Да памят(ь) Ивану. Нѣчто его вспроситъ Салтан, или кто от Салтана его вспросит: „Писал яз к Великому Князю о Марке, о лѣкаре, чтоб его ко мнѣ отпустил. И Князь Великій его ко мнѣ чего дѣля не отпустил?" И Ивану говорити: „Марко, Господине, пріѣхал ко Государю нашему давно, а пріѣхал еще при отцѣ при твоем, да бил челом Государю нашему в службу. Да и о том бил челом, чтоб Государь нашъ приказал к отцу твоему о его женѣ, чтоб отецъ твой жену Маркову к нему отпустил. И Государь наш и о женѣ его к отцу к твоему приказывал с своим сыном боярским с Бо-

---

[1]) Голубинскій, 683.

[2]) Герберштейнъ, 67, рус. пер.

[3]) Арх. М. И. Д. Турецкій стат. списокъ № 1, лл. 248 об.—249. См. Приложеніе.

рисом з Голохвастовым, чтоб жену его к нему отпустил. И отецъ твой Салим-шах Салтан и хотѣл жену Маркову отпустити. А нынѣ в Великом Новѣ-Городѣ болен боярин Государя нашего княз(ь) Александръ Володимерович. И Государь наш послал его тог(о) боярина лечити". А не взмолвят о том Ивану, и Ивану о том не говорити ничего". На другомъ имени: „Георгія малаго" или „Юрья малаго" нашихъ актовъ мы должны остановиться, такъ какъ онъ пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ вел. князя Василія. Въ такъ называемой бархатной книгѣ мы находимъ слѣдующее о его происхожденіи: (1. II. глава 43 № 288).

Родъ Траханіотовыхъ: „Въ лѣто 6981 (1473) къ великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси со царевною Софіею, Ѳоминою дочерью деспота Аморейскаго, пріѣхали Дмитрей да Юрьи, Мануйловы дѣти, греки, а были въ Заморѣѣ у деспота бояря. И князь великій ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ себѣ служить. А съ Дмитріемъ пріѣхалъ сынъ Юрьи, а *Дмитрей*[1])? былъ біздѣтенъ, а у Юрья дѣти: „Василей", и т. д. Въ 7019 году (1511 г.) Юрій Дмитріевичъ Малой былъ назначенъ между прочимъ казначеемъ, каковую должность занималъ до 7021 года (1513 г.). Послѣ чего онъ исполнялъ и другія должности. Мы видѣли изъ разсказа Герберштейна, что онъ также являлся стойкимъ носителемъ греческой идеи. Пользуясь большимъ вліяніемъ при дворѣ, близко стоя къ посольскимъ дѣламъ, „Юрьи" естественно долженъ былъ сдѣлаться главнымъ защитникомъ греческихъ интересовъ въ Россіи. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, и такъ на него смотрѣли зарубежные греки. Мы имѣемъ любопытный въ этомъ отношеніи документъ изъ Арх. М. И. Д. Въ 1514 году отъ турецкаго Султана былъ присланъ къ Василію посолъ вмѣстѣ съ посломъ великаго князя Михайломъ Алексѣевымъ—Камалъ, князь Мангупскій, родомъ грекъ. По разнымъ причинамъ они принуждены были остановиться въ дорогѣ. Поэтому впередъ были отправлены гонцы. Отъ Камала былъ посланъ его племянникъ Мануйло грекъ, котораго Камалъ прямо поручалъ покровительству Юрія, прося его содѣйствія.

Въ статейномъ спискѣ мы читаемъ: „а Мануйло грекъ привезъ къ Великому Князю отъ Камала князя грамоту, а другую грамоту привезъ отъ Камала къ Юрью къ Малому, а обѣ греческимъ писмомъ. И Юрьи тѣ грамоты самъ переводилъ". Вотъ переводъ грамоты къ Юрію: „А се грамота отъ Камала къ Юрію: „Честнѣйшему и разумнѣйшему, благородному и вся чти и хвалѣ достойному. Достойный ми господине и брате, господине Георгіе Траханіотъ, отъ мене, Камала, нѣкогда зовомый Ѳеодоритъ, срадуюся твоему государствію. Пишу же государствію твоему. Да вѣси, что иду отъ своего Государя на отвѣты его къ Великому и Наивысшему Государю Московскому всеа Русіи и иныхъ, и послалъ есми съ смиреннымъ моимъ писаніемъ къ твоему господьству племянника своего Мануила: и какъ ся тебѣ угодилъ, такъ его да приведешь на поклоненіе Навысшаго Государя и яко жъ и да научишь его, какъ пригоже и какъ бы намъ срама не было; также онъ еще младъ и не вѣсть ничто же отъ государьскаго чину, токмо на твою надежу; и яко жъ велишь, тако учини, а его бы еси пожаловалъ, держалъ у себя, доколева, дастъ Богъ, обращался съ тобою. Тако же да потрудишися накрѣпко всячески ко Государю, да избавитъ насъ отъ пустоты и отъ рукъ вражьихъ душъ нашихъ, зане токмо дыханіе, а сила вся наша вышла и вмалѣ и ввелики, одва есми перо приняль писати, и нѣчто будетъ въ писаніи невѣжливы, да не имѣемъ осужденіе, понежъ на твою надежу послахомъ не ино, токмо Господь да сподобитъ ны обрѣсти вмѣстѣ. Апрѣля 15, суббота". Мы не знаемъ, насколько

[1]) Вѣроятно, Юрій.

вѣренъ переводъ грамоты. Но относительно этого Мануила Михайло Алексѣевъ предупреждалъ вел. князя: „а дверей ему не отворяй, Государь, по Давидову, двоедушенъ мужъ: ухо и око Камалово". Говоря о Юріи Дмитріевичѣ, историкъ церкви Голубинскій былъ введенъ въ заблужденіе относительно года его смерти. Основываясь на показаніи Вивліоѳики Новикова (XX т.), онъ относитъ годъ его смерти на 1513 г. (7021).

Дѣйствительно, подъ этимъ годомъ тамъ сказано: „умерли околничей и дворецкой князь Петръ Васильевичъ Великой, казначей Юрьи Дмитріевичъ Малой Траханіотъ". Но мнѣ удалось разобраться во всемъ въ этомъ. Сперва нужно было исправить старый русскій переводъ соотвѣтствующаго мѣста изъ Герберштейна, который ошибочно говорилъ объ опалѣ Юрія, рѣшительно ни на чемъ не основываясь: „на третій годъ послѣ нашего пребыванія въ Московіи" и т. д. На самомъ же дѣлѣ нужно переводить: „за три года до нашего пребыванія" [1]). Герберштейнъ первый разъ былъ въ Россіи въ 1517 г. Если мы вычтемъ три года, то получимъ какъ разъ: 1514—1513 гг. Если при этомъ вспомнимъ изъ разсказа Герберштейна, что опала для Юрія сопровождалась перемѣной должности, то намъ все станетъ яснымъ. Очевидно, составитель рукописи, не встрѣчая больше имени Юрія въ казначеяхъ, счелъ его умершимъ. Придя къ такому заключенію, я постарался его провѣрить на основаніи посольскихъ статейныхъ списковъ Архива М. И. Д. Такимъ путемъ мнѣ удалось найти, что Юрій Малой былъ живъ еще въ 1522 году. Такъ, въ сношеніяхъ съ нѣмецкимъ орденомъ мы читаемъ подъ 1520 годомъ: „Іюля 5-го велѣлъ Князь Великій магистрову человѣку Юрью быти на казенномъ дворѣ у бояръ, да велѣлъ ему противъ магистровы грамоты отвѣтъ учинити: Юрью Малому, да Меньшому, да Труѳану.

А се отвѣтъ, что Юрью, магистрову человѣку, Юрьи Малой да дьяки говорили". Въ статейныхъ же спискахъ сношеній съ Турціей мы читаемъ подъ 1522-мъ годомъ при встрѣчѣ посла Скиндеря: „А иные рѣчи и о корму запись писали Ѳедору казначѣй Юрьи Малой с товарищи". На этомъ пока мои свѣдѣнія о Юріи кончаются. Но все же получается порядочная разница съ 1513 г., когда его похоронила рукопись Вивліоѳики. Такимъ образомъ, за все это время и Максимъ Грекъ и пріѣзжавшій къ намъ нѣсколько разъ въ качествѣ турецкаго посла грекъ Скиндеръ имѣли въ лицѣ Юрія сильнаго покровителя и единомышленника.

Мы видѣли уже, что дѣятельность греческихъ патріотовъ не только у насъ не находила отклика, но встрѣчала и самое яростное осужденіе. Впрочемъ, это было вполнѣ естественно. Въ то время, какъ греки призывали нашихъ предковъ освободить ихъ отъ ненавистнаго имъ турецкаго ига, что, разумѣется, было возможно только послѣ войны съ Турціей,—въ то же самое время реальныя политическія условія, въ которыхъ находились русскіе, заставляли ихъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы заключить прочный союзъ съ Султаномъ, съ помощью котораго они могли бы обезопасить себя со стороны окружавшихъ ихъ магометанскихъ народовъ, а особенно со стороны „недруга своего сердечнаго", крымскаго хана; впрочемъ, было бы выгодно имѣть такого внушительнаго союзника и для угрозъ по адресу западныхъ сосѣдей. Что касается до заключенія союза, то вначалѣ это дѣло обѣщало быть успѣшнымъ.

Такъ Селимъ I, къ которому Василей обращался съ предложеніемъ союза, въ первое время соглашался на него. Въ отвѣтѣ упомянутому уже послу его Камалу говорится:

---

[1]) Собственно: „шелъ третій годъ, когда мы были въ Москвѣ, какъ сталъ распространяться слухъ, что Маркъ сказалъ то же самое"...

„А писалъ къ намъ Салимъ-шагъ-Салтанъ въ своей грамотѣ, что съ нами хочетъ быти въ дружбѣ и въ братствѣ и въ любви и на нашихъ недруговъ хочетъ съ нами быти заодинъ..... Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорити: „и мы съ Салимъ-шахъ-Салтаномъ въ дружбѣ и въ братствѣ и въ любви хотимъ быти и другу его другомъ, а недругу недругомъ хотимъ быти, и на всякихъ его недруговъ хотимъ быти съ нимъ заодинъ"... Имѣя въ виду практическую пользу союза, московскіе дипломаты, жалуясь на набѣги крымцевъ, заявляютъ послу Султана: „А Салимъ-шагъ бы Салтанъ намъ нынѣ первую свою дружбу явилъ, чтобъ какъ нашимъ недругомъ какову помѣшку учинилъ"... Дѣйствительно, первое время Султанъ предпринималъ въ этомъ направленіи извѣстные шаги. Но затѣмъ его образъ дѣйствій превратился во враждебный по отношенію къ Россіи.

Дѣло союза такимъ образомъ рухнуло. Невольно напрашивается вопросъ, какъ могло это случиться.

Если мы обратимся къ тогдашнимъ московскимъ людямъ, то слышимъ: „греки подымали Султана на русскую державу".

Попробуемъ провѣрить это обвиненіе, задавши себѣ вопросъ, возможно ли это было со стороны грековъ. Мы видѣли уже, что изъ находившихся въ Россіи грековъ Юрій Малой Дмитріевичъ стоялъ близко къ посольскимъ дѣламъ, принимая живое участіе въ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами, а въ частности съ Турціей. Еще при жизни, вѣроятно, Юрія къ этому дѣлу получили доступъ пріятель Максима Савва и самъ Максимъ. Въ извѣстной описи царскаго архива мы читаемъ: „Ларчикъ дубовъ 61. А въ немъ грамоты греческія посольныя, взяты у Савы архимарита у Спасскаго бывшаго".

Здѣсь же имѣется извѣстіе и о Максимѣ: „ящикъ 26..... да списокъ съ грамоты, что дали въ Святую гору прежніе Государи земли, списанъ у Максима у Грека".

Переходя къ Константинополю, мы и здѣсь встрѣчаемся съ греками, близко стоящими къ посольскимъ дѣламъ: изъ такихъ лицъ намъ извѣстны: дьякъ и казначей Султана и его зять по имени Абессаломъ, который, какъ кажется, былъ грекомъ; его ближайшій помощникъ, а впослѣдствіи и замѣститель уже прямо именуется Андреяномъ грекомъ. Далѣе мы должны считаться съ вліяніемъ и всей греческой колоніи въ Царь-Градѣ.

Что касается турецкихъ пословъ въ царствованіе Василія, то оказывается по ихъ формуляру, что оба посла происходятъ изъ рода князей Мангупскихъ: слѣдовательно, оба были родомъ греки и можно предполагать даже, что они состояли между собой въ какомъ-либо родствѣ.

О Мангупскомъ княжествѣ извѣстно, что оно существовало самостоятельно до 1475 года, т. е. до вступленія сюда турокъ. Изъ замѣтокъ Броневскаго, посѣтившаго Мангупъ въ 1578 г. видно, что послѣдніе князья Мангупскіе были родомъ греки. Изъ князей Мангупскихъ извѣстны въ нашей исторіи два лица: Исайко и Константинъ. Первый предлагалъ свою дочь въ невѣсты сыну вел. кн. Ивана въ 1474 г. Второй сопровождалъ въ Россію Софью Ѳоминишну въ 1473 г. и, принявъ иноческій санъ, чтимъ нашей церковью подъ именемъ свят. благовѣр. кн. Константина Мангупа.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что наши дипломатическія сношенія съ Турціей находились въ рукахъ грековъ. Немудрено поэтому, что они старались разстроить союзъ нашъ съ Турціей, какъ при Селимѣ, такъ и при сынѣ его Сулейманѣ, прозванномъ „Великолѣпнымъ". Въ сильной мѣрѣ этому способствовали пріѣзжавшіе къ намъ греки въ качествѣ пословъ.

Особенно извѣстенъ въ этомъ отношеніи второй посолъ Скиндерь; мы видѣли, что наши дипломаты прекрасно это понимали. Они пробовали съ этимъ бороться; требовали перемѣны Скиндеря. Но греческая партія, очевидно, была очень сильна: отвѣтомъ на это требованіе являлись повторныя присылки того же Скиндеря, который сыгралъ исключительную роль въ дѣлѣ провала идеи союза, что окончательно подтвердилось послѣ его смерти въ Москвѣ въ 1529-мъ году.

Это было тѣмъ непріятнѣе нашимъ дипломатамъ того времени, что они приближались къ рѣшенію насущнѣйшихъ задачъ, стоявшихъ тогда передъ Московскимъ царствомъ. Свои усилія они прежде всего направили на изученіе своихъ враговъ и союзниковъ. Широко дѣйствуя системой подкупа, они сумѣли сорвать завѣсу съ грознаго своими неожиданными нападеніями магометанскаго юга. Татарскіе вельможи и турецкіе чиновники Азова и Каѳы „за поминки" усердно служили „Великому Государю Василію" и сообщали все, что было нужно Москвѣ и что интересовало ея дипломатовъ,— а интересы ихъ все росли и расширялись. Они желали работать со всесторонней освѣдомленностью положенія дѣлъ на политическомъ тогдашнемъ горизонтѣ. Они постоянно допытываются, взялъ ли Султанъ Родосъ. Ихъ интересуютъ отношенія Турціи къ „Мисюри", „Кизылбашу" и „Угорскому" королю; они требуютъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ подъ „Бѣлымъ-Городомъ" и подъ „Ядрепымъ—Полемъ", желаютъ знать все, что дѣлается въ Крыму, Астрахани и Нагаяхъ. Вотъ двѣ грамоты къ турецкимъ правителямъ Азова:

„Брата нашег(о) Сюлемен Салтанову слузѣ Бургану агѣ азовскому. Каковы будут вѣсти в Азове,—и ты б нам служил: о вестех бы еси нас без вести не держал. А нѣчто услышиш про нашег(о) недруга про крымског(о): нѣчто похочет крымской итти на нашу украйну,—и ты б нам служил: нас бы еси о том без вѣсти не держал. А мы тобя за твою службу жаловати хотим. А нынѣ послали есми к тобѣ свое жалован(ь)е с своим послом с Иваномъ Семеновичем. Писан на Москвѣ. Лѣта ѕзла апрѣля".

„А се такова грамота послана к Магмед бекъкулу азовскому с Васил(і)емъ с Верхъдеревским. А государства писаны в крузе ж. „Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Русіи и иным многимъ землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), володимерскій, московскій, ноугородскій, псковскій, смоленскій, тѳерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных. Брата нашег(о) Сюлемеп Салтанову слузѣ Магмед беккулу азовскому. Что нам служиш и нас о вестех без вести не держиш,—ино то дѣлаеш гораздо. И мы, ож дастъ Богъ, за твою службу тебя жаловати хотим. А ты б и вперед нам служил. И каковы у тобя будут вѣсти, и ты б к нам о вестех отписывал. И нас бы еси о вестех без вести не держал. А нынѣ послали есмя к тобѣ свое жалован(ь)е с своим послом с Иваном Семеновичем с Морозовым". (лл. 254—254 об.)[1]).

Конечно, все это дѣлалось подъ покровомъ строжайшей тайны. Такъ, тому же Морозову былъ данъ строгій наказъ скрывать эти сношенія отъ турецкаго посла Скиндеря, съ которымъ онъ ѣхалъ къ Султану.

Памят(ь) Ивану Семенову. „Х кому с ним послал Княз(ь) Великій свои поминки в Азов и грамоту к Бургану азовскому и к Магметю беккулу,—и Ивану та грамота и

[1]) Текстъ этихъ грамотъ, равно какъ и всѣ дальнѣйшіе тексты, приводимые въ изслѣдованіи, взяты изъ Турецкаго Статейнаго Списка № 1 (Архива М. И. Д. въ Москвѣ),—изъ той его части, которая нынѣ впервые напечатана, въ цѣломъ своемъ объемѣ, въ видѣ особаго приложенія къ данной статьѣ съ точнымъ соблюденіемъ нумераціи листовъ статейнаго списка. См. приложеніе.

поминок ‖ дати Бургану и Магметю тайно, чтоб тог(о) Скиндер(ь) не вѣдал. Да и словом Ивану молвити Бургану и Магметю, чтоб Великому Князю служили прямо. Да каковы будут вѣсти, и они б Великог(о) Князя о всем без вѣсти не держали. А Княз(ь) Великій их и вперед жаловати хочет. А беречи Ивану тог(о) накрѣпко, чтоб тог(о) Скиндер(ь) не вѣдал, что Княз(ь) Великій к Бургану грамоты и поминки посылает". (лл. 251 об.—252).

Вотъ образчики донесеній исполнительныхъ турецкихъ администраторовъ.

„А крым ‖ скому, Государь, Царю стати нѣким и почати нѣчим, а надѣется, Государ(ь), крымской Цар(ь) на Царя отманског(о), ино, Государь, и отманскому ему не пособити: самому от любово боронит(ь)ся, а земля, Государь, дал(ь)ная"…. (лл. 263 об.—264).

„А нынѣ, Государь, брат твой, Сюлемен Цар(ь) посадилъ на царство Саидет Гирѣя Салтана. А молвил Государь наш: „Яз тебя с своим братом, с Великим Княземъ Василіем Ивановичем, смирю". А не велѣл ему никакова казака под твою украйну отпускати. Хто не станет слушати новог(о) Царя Саидет Гирѣя,—велѣл брат ‖ твой, Сюлемен Царь, на кол бити и пластати. А прислал Государь нашъ из Царя-Града дватцат(ь) тысяч(ъ) конной силы да пят(ь)сот пищал(ь)ников поберечи новог(о) Царя, доколе укрѣпится"…. (лл. 260 об.—261).

При нѣкоторыхъ изъ этихъ турецкихъ „доброжелателей" существовали чуть ли не особыя московскія канцеляріи по дипломатической части, что, напримѣръ, раскрывается изъ одной грамоты къ Великому Князю такого Азовскаго слуги.

„А се другая грамота Магмет беккула азовског(о) съ Ѳедком же с Каменевым: „Государю, Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Русіи, бѣлому Царю, холопъ твой Магамет беккул азовской из Азова низко челом бьет. Чтоб еси, Государь, смиловался меня своег(о) холопа пожаловал. Здѣс(ь) есми, Государь, с кѣм твое дѣло Государьское дѣлал,—межи, Государь, нас третей не бывал. И тот, Государь, человѣкъ меня, холопа твоег(о), оставил. Пошел, Государь, к Москвѣ с твоим воеводою с Васил(і)ем с Верхъдеревским. Зовут его, Государь, в Азовѣ Гришка Бѣлой діак. И ты б, Государь, умилосердился своег(о) холопа пожаловал: тог(о) бы еси, Государь, діака, ко мнѣ к Азову прислал. Зане ж, Государь, залажуся ег(о) тог(о) дѣля, что не от велика по-турскы знает. Иног(о), Государь, діака призват(ь) на твое дѣло на Государьское,—ино, Государь, толмач надобет. С тѣм есми, Государь, дѣла твои дѣлывал один на одинъ во дни и в нощи. Или как ся получит,—скажу ему твои дѣла ‖ Государьскіе, и он мнѣ, написавъ, да принесет, и я, холопъ твой, мишен(ь) свою приложу да к тобѣ, ко Государю, посылаю. ‖ Лѣта ҂злв. марта 25 дня". (лл. 264 об.—265). Для того, чтобы нужныя вѣсти быстро и вѣрно доходили по назначенію, во всѣхъ важныхъ пунктахъ постоянно держались „станицы" украинныхъ—рязанскихъ и иныхъ казаковъ, которые, разсыпавшись по степи, ухитрялись обыкновенно прокрасться мимо вражескихъ „заставъ" къ московскимъ украйнамъ. Для пополненія этихъ „станицъ" пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ. Такъ съ посломъ въ Турцію Иваномъ Семеновымъ Морозовымъ было послано десять такихъ „станицъ". „Да посланы с Иваном казаки резанцы десять станицъ, да и список Ивану дан им по имяномъ: и гдѣ которых оставити. И Ивану тѣх казаковъ оставити в Азовѣ по списку ‖ четыре станицы. А в Каѳу ему тѣх казаков с собою взяти четыре ж станицы да оставити их в Каѳѣ. А с собою ему взяти казаков ко Царю-Городу двѣ станицы"… (лл. 244—244 об.).

Взвѣсивъ всѣ данныя политическаго положенія, наши дипломаты выработали и старались осуществить слѣдующій планъ: Московское государство заключаетъ союзъ

съ Турціей, который сулитъ при своемъ осуществленіи блестящія перспективы. Турецкій Султанъ, какъ союзникъ, удерживаетъ своего вассала крымскаго хана отъ набѣговъ на украины „своего брата" московскаго, Великаго Князя. А такъ какъ ханъ крымскій не могъ существовать съ своей ордой безъ набѣговъ на чужія земли, то московскіе дипломаты, предвидя это, предусмотрительно указывали ему на Литву, которую и отдавали ему „на потокъ и разграбленіе", при чемъ не прочь были въ этомъ дѣлѣ помочь туркамъ и крымцамъ. Вотъ какія выгоды давалъ союзъ съ турками Москвѣ. Понятно теперь, почему въ глазахъ московскихъ людей всякій, кто осмѣливался становиться на пути осуществленія этихъ чаяній и надеждъ, становился злѣйшимъ ихъ врагомъ, какъ то и случилось со всѣми греческими патріотами на Руси. Въ посольской „памяти", данной Ивану Морозову, они такъ говорили о союзѣ съ турецкимъ Султаномъ.

„И нынѣ похочет Салтан со Государемъ нашим быти в дружбѣ и в братствѣ, и Салтан бы нынѣ послал къ Государю нашему со мною вмѣсте своег(о) доброго ‖ человѣка такова, которому бы то дѣло л(ь)зѣ было дѣлати, и о том бы с ним Салтан наказал, как быти Салтану со Государемъ нашим в дружбѣ и в братствѣ и на недругов заодинъ быти, и каким грамотам пригож межи их быти о дружбѣ и о братствѣ. И Государь наш, по тому приговорив, велит грамоты написати, каким грамотам пригож меж их быти о дружбѣ и о братствѣ, да к Салтану съ его послом пошлет своего посла". Да говорити о том по Великог(о) Князя наказу. А нѣчто взмолвят: „Послал Салтан к Великому Князю свою грамоту с своим послом с Скиндерем и съ ег(о) человѣком с Трет(ь)яком послал же грамоту,—ино иным какым грамотам быти меж Государя нашего и вашег(о) Государя?" И Ивану говорити: „Прислал Салтан с Скиндерем грамоту ко Государю нашему, да и со Государя нашег(о) человѣком с Трет(ь)яком прислал грамоту. А писал Салтан в тѣх грамотах, что со Государем нашим хочет быти в дружбѣ и в братствѣ. А крѣпо ‖ стей никоторых в тѣх грамотах нѣт, как Государямъ быти в дружбѣ и в братствѣ и на недруговъ быти заодинъ. А в грамотах в шертных пишут, как Государямъ меж собя быти в дружбѣ и в братствѣ и как им на недругов быти заоднить. Да у тѣх грамот печати Государьскіе живут. И правда меж Государей бывает. То грамоты о дружбѣ и о братствѣ—утверженые". Да говорити о том по Великог(о) Князя наказу. А нѣчто взмолвят Ивану: „Говорил еси в рѣчи от своег(о) Государя Государю нашему, что на недруговъ быти заодинъ. Ино кто недрузи Государю вашему?" И Ивану говорити: „Дасть Богъ, будет посол Салтанов у Государя нашег(о), ино ему будет вѣдомо, кто друг Государю нашему и кто недругъ". И нѣчто учнут о том Ивана пристайно вспрашивати, кто пак(и) недрузи Государю вашему,— ‖ и Ивану говорити: „Вѣдомо и вам: Менли Гирѣй Цар(ь) крымской Государю нашему был друг, а и сынъ его Магмед Гирѣй Цар(ь) Государю нашему также друг был. И нынѣ Магмед Гирѣй Цар(ь) Государю нашему учинился недругом. А и иные Государю нашему недрузи есть и друзи его. А Магмед Гирѣй Цар(ь) нынѣ прислал ко Государю нашему своих великих послов. И нынѣ послы его у Государя нашего. А меня Государь мой к Сюлемен Салтану отпустил, а еще межи Государя нашего и Магмед Гирѣя Царя миръ не бывал". И нѣчто взмолвят: „Государь нашъ с Великим Князем на крымског(о) будет заодинъ и помоч(ь) ему на крымског(о) учинит. А Государю нашему недруг литовской,—и Княз(ь) Великій со Государем нашим на литовског(о) будет ли заодинъ?" И Ивану говорити: „О том от Салтана ко Государю нашему съ его послом приказу не было. И Государь нашъ к Салтану о том со мною не наказал ничего. А коли учинится Салтанъ ‖ со Государемъ нашим в дружбѣ и в братствѣ, и Государь наш

на всѣх недругов с Салтаном будет заодинъ. А Салтан бы также со Государемъ нашим на всѣх недруговъ был заодинъ. А нынѣ о том Салтан, что прикажет ко Государю с нами, и мы то до своего Государя донесем. Да и с своим бы послом о том ко Государю нашему наказал". Да говорити о том по Великог(о) Князя наказу.... (лл. 239 об.—241 об.).

Съ воцареніемъ на Константинопольскомъ тронѣ Султана Сулеймана надежды на заключеніе союза у русскихъ людей окрѣпли, и они принялись за его осуществленіе съ удвоенною энергіей. Бывшій у Султана въ 1522-мъ году нашъ посолъ Третьякъ Губинъ своими грамотами вполнѣ подтвердилъ эти надежды. „А се грамота к Великому Князю Трет(ь)яка Губина съ Елгозею: „Государю Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Руси холопъ твой, Трет(ь)якъ Губин, челом бьет. Дал Богъ, Государь, милосердием Божием да твоим Государевым здоровьем пришли есмя, Государь, во Цар(ь)-Город поздорову за недѣлю до Покрова. А Сюлюмен Салтана во Царѣ-Городѣ не было: ходил на угорского короля. А стоял под Бѣлымъ Городом ‖. А мнѣ, Государь, велѣли Царя ждати во Царѣ-Городѣ, а ждал есми, Государь, его мѣсяцъ. И как, Государь, пришел Сюлюмен Салтан во Цар(ь)-Город, и яз, Государь, у Царя был, и грамоту есми, Государь, твою и рѣчи донес, и дѣло есми твое дѣлал по твоему Государеву наказу. Грамота твоя и рѣчи, Государь, ему любы,—и меня, Государь, холопа твоего, жаловал. И послал, Государь, к тобѣ посла своего Скиндеря Саку". (л. 206—206 об.). По пріѣздѣ въ Москву Губинъ въ рѣчахъ говорилъ великому князю то же самое.

„А сказал Трет(ь)якъ Великому Князю, что Цар(ь) с Великим Князем хочет быт(ь) в дружбѣ и в братствѣ ‖ и послал к Великому Князю своего посла Скиндеря". И как Скиндер(ь) приѣхал на Москву, и Княз(ь) Великій велѣл его на впол(ь)е встрѣтити и приставом на Москвѣ у него быти Семену Сергѣеву сыну Левашова да Өедорцу Гридину. А велѣл Семену поклон правити по тому ж, как вверху писано, и на подвор(ь)е его поставити" (лл. 210 об.—211). Пріѣхавшій съ Третьякомъ посолъ турецкій Скиндерь подтвердилъ все, сказанное Третьякомъ Великому Князю. „А говорил Искин ‖ дер(ь): „Дай Богъ, здоров был здѣс(ь) Государь, Великій Государь, а там бы здоров был мой Государь Сюлемен Салтан, и межи бы их Государей, дал Богъ, доброе дѣло дѣлалося. А которые недрузи Великого Государя, и он бы с тѣми с своими недруги свое дѣло дѣлал так, как его милосердый Богъ похочет. И дал бы Богъ, его недрузи под ногами его были и головою в землю ударили. А другом бы своим Великий Государь то возвѣстил, кто будет его недрузи. И они с ним на тѣх его недругов заодинъ. А Государь наш Сюлемен Салтан хочет быти с Великим Государем в крѣпкой дружбѣ и в братстве свыше тог(о), как был отецъ его Салим шах Салтан с Великим Государем в дружбѣ и в братствѣ. И другу его хочет другом быти, а недругу недругом, и на всѣх его недругов хочет быти с ним заодинъ. А что Великій Государь пошел на свое дѣло, а мнѣ велѣл Государь побыти здѣс(ь) на Москвѣ,—ино, дай Богъ, здоров был Государь и дѣлал свое дѣло, а мнѣ хоти будет тысяча ‖ ден(ь) жити, и яз рад, тол(ь)ко бы дал Богъ Государю свое дѣло с своим недругом подѣлати. А Государьское ко мнѣ жалован(ь)е велико, как ко мнѣ прислал Государь своег(о) сына боярског(о) добра, и для Государя моего велѣл мнѣ такову честь чинити: дорогою мнѣ Государьским здоров(ь)ем кормом доволенъ"... (лл. 211 об.—212 об.). Въ другой разъ тотъ же Скиндерь снова категорически заявляетъ о готовности Султана заключить союзъ съ Московскимъ царствомъ.

„Да Искиндер(ь) же говорил: „Посылал Государь ваш к нашему Государю своего сына боярског(о) Васил(і)я Михайлова отвѣдати про Государя нашег(о) на его государствѣ,

и хотя с ним быти в дружбѣ и в братствѣ. И Государь нашъ с Великим Государем хочет быти в крѣпкой дружбѣ и братствѣ и свыше тог(о), как с ним был Салим шах Салтан в дружбѣ и братстве. И похочет Великій Государь с нашим Государем быти въ крѣпкой дружбѣ и братствѣ, и Великій бы Государь послал ‖ к нашему Государю своего доброго человѣка, кто б мог меж их дружбу и братство крѣпко дѣлати и крѣпость учинити“. И діаки то, приѣхав, сказали Великому Князю. И Княз(ь) Великій послал к нему діаков же, а велѣл ему молвити: „Мы з братом своим Сюлемен Салтаном хотим быти в крѣпкой дружбѣ и братстве. А, ож дастъ Бог, тобя к брату своему отпустим, а с тобою вмѣсте пошлем къ брату своему своего доброг(о) человѣка“ (лл. 216 об.—217). Наши дипломаты, съ своей стороны, идя навстрѣчу этимъ завѣреніямъ, ссылались на отношенія, которыя установились было между Москвой и Турціей при Султанѣ Селимѣ, отцѣ Сулеймана: „И мы наперед сего к брату своему, к отцу къ его, к Салим шаг Салтану, посылали своего посла о том, чтоб с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в любви и на всѣх бы недругов был с нами заодинъ, да и грамоты бы межи нас о дружбѣ и о братстве были. А мы з братом с своимъ также хотим в крѣпкой дружбѣ и в братстве и в любви быти. И брат нашъ, Салим шаг Салтан, нашего посла к намъ отпустил, а приказал к нам, что с нами в дружбѣ и в братстве в крѣпкой хочет быти и грамотам было шертным о дружбѣ и о братствѣ межи насъ с ним быти и посылает к нам своего посла, доброг(о) своег(о) человѣка. Да посла своего к нам не успѣл послати. И то дѣло межи нас не ссталося тог(о) дѣля, что Бож(ь)я воля ссталася,—брата нашего, Салим шаг Салтана, в животѣ не стало“ (л. 228). Но какъ только дѣло дошло до реальнаго обсужденія создавшагося положенія, то у Скиндеря не оказалось будто бы ни опредѣленныхъ директивъ ни соотвѣтствующихъ полномочій въ то время, какъ объ этомъ спрашивали по порученію Великаго Князя. „Ѳедор говорил: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многимъ землям въсточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити: „Прислал к нам с тобою брат нашъ, Сюлемен Салтан, свою грамоту. А писал к нам в своей грамоте да и с нашим посланником, с Трет(ь)яком з Губиным, писал к нам свою грамоту, что с нами хочет быти в крѣпкой дружбѣ ‖ и в братствѣ, а нам бы с ним также быти в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ. И мы с Сюлемен Салтаном в дружбе и в братствѣ хотим быти“. Шигона говорил: „Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям въсточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити. И что с тобою к нам наказ от брата нашего Сюлемен Салтана? Как Сюлемен Салтан хочет быти с нами в дружбѣ и в братствѣ?“

И Искиндер(ъ) говорил: „Со мною Государь мой, Сюлемен Салтан, послал к Великому Государю свою грамоту. И что писал в своей грамоте, и он по тому и хочет с Великим Государем быти в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ. И хочет тог(о), чтоб люди межи их ходили на обѣ стороны да и гости б ходили“. И Ѳедор ему говорил: „Скиндер(ь)! у Государя нашег(о) в обычеѣ, с которыми Государи Государь нашъ в дружбѣ и в братстве, ино меж их грамоты утверженные живут“. И Искиндер(ъ) говорил: „Со мною, опрнч(ь) грамоты к Великому Государю, от Салтана приказу нѣт. Государь ваш к Салтану с своим человѣком с Васил(і)ем о том не приказал. А приказал бы Государь ваш о том с своим человѣком, и Государь бы наш и со мною о том наказал“ (лл. 222—223[а]). На Москвѣ сразу заподозрили Скиндеря во враждебномъ отношеніи и не хотѣли ему вѣрить. Всю надежду они возложили на непосредственное обращеніе къ Султану черезъ

посольство Морозова, а потому въ данной ему „памяти“ приказывали такъ говорить Султану.

„Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити: „Присылал еси к нам своего посла Скиндеря князя. И подал намъ отъ тебя твою грамоту. А в грамоте в своей к нам писал еси, что с нами в дружбѣ и в братствѣ и в любви хочеш быти, а нам бы также с тобою быти в дружбѣ и в братстве и в любви. И послы б наши межи нас на обѣ стороны ходили и люди наши ѣздили нашего здоров(ь)я видети, да и гости б на обѣ стороны ходили без всякіе силы и зацѣпки“. Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „И мы наперед сего к брату к своему, к отцу твоему, к Салим шаг Салтану, посылали своего посла о томъ, чтоб с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в любви, и на всѣх бы недругов был с нами заодинъ, да и грамоты бы межи нас о дружбѣ и о братствѣ были, а мы з братом своим также хотим в крѣпкой дружбѣ и братстве и в любви быти. И брат наш, Салим шаг Салтан, нашего посла к нам отпустил, а приказал к нам, что с нами в дружбѣ и в братстве в крѣпкой хочет быти и грамотам было шертным о дружбѣ || и о братствѣ межи нас с ним быти и посылает к нам своего посла, доброго человѣка. Да посла своего к нам не успѣл послати. И то дѣло межи нас не ссталос(ь) тог(о) дѣля, что Бож(ь)я воля ссталас(ь),—брата нашего, отца твоего, Салим шаг Салтана, в животѣ не стало“. Государь наш велѣл тебѣ говорити: „И мы нынѣ с тобою, з братом с своим, Сулемен Салтаном, в дружбѣ и в братстве и в любви хотим быти, и на всѣх недругов хотим с тобою быти заодинъ. А ты б также с нами был в дружбѣ и в братстве и в любви, и на всѣх бы еси недругов был с нами заодинъ. А с которыми есмя с Великими Государи с своею брат(і)ею в дружбѣ и в братстве,—ино межи нас грамоты шертные о дружбѣ и о братстве и правда межи нас есть. И межи бы нас с тобою также грамоты шертные были о дружбѣ и о братстве. И правда бы межи нас была, и люди бы наши межи нас на обѣ стороны ѣздили, и послы ходили нашего здоров(ь)я видети“ (лл. 230 об.—232). Относительно же Скиндеря, отъ котораго, несмотря на его льстивыя увѣренія въ преданности, ждали враждебныхъ по отношенію къ намъ дѣйствій, „наказывали“—требовать его замѣны другимъ посломъ. „А нѣчто Скиндер(ь) учнет приѣхав там говорити, что будто его Княз(ь) Великій не жаловал и бережен(ь)я ему от Великог(о) Князя не было и кормы собѣ учнет сказывати малы и нечесть которую учнет собѣ сказывати, и нѣчто там о том Ивану учнет кто говорити или хоти Ивану и не учнут о том говорити, а послышит то Иван, что Скиндер(ь) то говорит,—и кто Ивану учнет о том говорити,—и Ивану тому говорити. И не учнут говорити, ино пашѣ которому молвити в розговоре, каково было жалован(ь)е Скиндерю от Великог(о) Князя. || А говорити Ивану по тѣм списком, каковы ему списки дали о тѣх дѣлех казначѣи, что Скиндерю корму давано и что ему Княз(ь) Великій давал жалован(ь)я. И Ивану говорити по тѣм списком. А говорити: „То Скиндер(ь) говорит негораздо; Государьское жалован(ь)е было к нему велико, честь ему была великая и кормы великіе даваны. А от Государя ему жалован(ь)е давано много и честь ему велика была, а ни в чем ему безчестія никоторог(о) не было. Да говорити Ивану по тѣ(м) списком, каковы ему даны: „А то Скиндер(ь) говорит негораздо, что к собѣ жалован(ь)я Государя нашег(о) не сказывает, а такое ему было жалован(ь)е“. Да и то Ивану молвити в розговоре: „Государем Великим пригож промеж собя посылати таких людей, которые бы жили близко при Государех и дѣло бы знали и жалован(ь)е бы Государьское знали, а не корысти б смотрили“

(лл. 245 об.—246). Усилія посольства не увѣнчались, однако, успѣхомъ: греки, конечно, не могли выпустить изъ своихъ рукъ нити сношеній съ Москвой, и къ намъ вторичнымъ посломъ при Сулейманѣ былъ отправленъ тотъ же Скиндеръ,—и притомъ согласно донесенію одного изъ участниковъ посольства только съ торговыми цѣлями; при чемъ на этотъ разъ съ нимъ ѣхалъ еще и родной братъ Юрія Малаго Траханіота.

„И Миша Тѳеритинов с товарищы князю Миките сказали про Иванов приход к Салтану и скол(ь)ко там побыл Иван во Царѣ-Городѣ, и как Ивана Салтанъ отпустил по тому ж, какъ Иван с ними к Великому Князю написал в спискѣ. А посла своего Салтан послал к Великому Князю с Иваном вмѣсте того ж Скиндер(ь) Саку, которой был у Великог(о) Князя, а с ним Салтановых два человѣка Асаномъ зовут, да Скиндерем зовут молодые люди, а его людей шло с ним из Бела-Города тол(ь)ко три человѣки, и то наймиты. Да гостей, сказывают, с собою взял за своих людей человѣкъ пят(ь) ли, шесть ли. А гостей с ним шло изо Царя-Города до Крыма человѣкъ з десят(ь), а всѣх людей с ним шло изо Царя-Города, которые ег(о) и провожали до Перекопи, человѣкъ с тритцат(ь). А имат(ь) ему, сказывают, с собою людей из Каѳы янычан и гостей. А товару, сказывают, с Скиндерем мног(о). || А Скиндер(ь) бол(ь)шее, сказывают, идет на Салтана рухляди купити: денег с ним Салтановых много. А дѣла за ним великог(о) не чают. А там, сказывают, у Салтана Скиндер(ь) молодой человѣкъ—водовоз бывал—потому словет „Сака“. И урядства на нем нѣт нико(то)рог(о) и близко Салтана не живет, а дѣти ег(о) там торгуют. Да (с) Скиндерем же, деи, идет с торгом гречин Ѳедором зовут, а сказывается Юр(ь)ю Малому родной брат, Дмитреев жо сынъ“.... (лл. 266 об.—267).

Самъ посолъ Иванъ Семеновъ подтвердилъ въ своей грамотѣ сказанное выше: „А сказывает, Государь, Изскиндер(ь), что Салтан послал его нынѣ не посол(ь)ством,—послал его рухляди купити; и рѣчи, Государь, от Салтана к тебѣ, Государю, сказывает, за ним есть ж(е). А посла, Государь, своег(о) бол(ь)шег(о) Салтан к тебѣ, Государю, ялся ж прислати“. (л. 273 об.) Нужно отмѣтить, что на Москвѣ плохо знали нравы и обычаи Султанскаго двора; поэтому посламъ часто давались такія предписанія, которыя трудно было выполнить, и вся ихъ энергія уходила на мелочи этикета и на выполненіе сочиненнаго на Москвѣ посольскаго церемоніала; при чемъ послы согласно своимъ „наказамъ“ должны были оставаться непримиримыми и ничего не уступать въ этомъ отношеніи туркамъ. Позабывали на Москвѣ, какъ это ни странно, и о продажности восточныхъ дипломатовъ, и совершенно не хотѣли считаться съ алчными турецкими пашами, и, мѣряя все на свой аршинъ, требовали личнаго участія Султана въ переговорахъ, между тѣмъ какъ паши и другіе турецкіе чиновники всѣхъ ранговъ требовали „подарковъ“, откровенно указывая русскимъ на то, что Султанъ поступаетъ такъ, какъ они „удумаютъ“.

„Да говорили Ивану толмачи, чтоб Иван ѣхалъ къ Аяз пашѣ на подвор(ь)е с пашею видѣтис(ь) и о Государском дѣле с ним переговорити: „Зан(е)же, господине, здѣ обычай таков, от которог(о) ни буди Государя посол придет к нашему Государю,—и тому, господине, послу первое быти у паш, да Государьское дѣло с пашами переговорити. И паши, господине, скажут Салтану то ж, господине: (и) Государь нашъ велит у собя послу быти, а то, господине, у Государя нашег(о) бол(ь)шіе люди Ибреим паша да Аяз паша и дѣла бол(ь)шіе всѣ на них лежат; как Салтану они придумают, и Салтан так и учинит, а мы, господине, за добродѣтел(ь) тобѣ дружим и здѣшней обычай сказываем, а которые, господине, Государя вашего послы наперед сего у Госу-

даря нашег(о) бывали—Василей Коробов и иные, и мы, господине, по тому ж имъ дружили, а они, господине, нас за то жаловали". Да говорили толмачи Ивану „пристойно, чтоб Иван наперед к пашам ѣхал: „А тол(ь)ко, господине, ты наперед у наш не будеш, и тобѣ у Салтана и долго не быти и дѣла Государского не здѣлати". И Иван им отвѣчал: „Послал меня Государь мой к Государю вашему и рѣчи мнѣ велѣл говорити брату своему Сюлемен Салтану,—и мнѣ к пашам чего для ѣхати на подвор(ь)е? Велит мнѣ Салтан у себя быти, и яз ему от своег(о) Государя и рѣчи говорю, а пашам мнѣ Государя своег(о) рѣчи как говорити? А был посол Государя вашег(о) у Государя нашег(о) Скиндер(ь), и он грамоты подал и рѣчи говорил самому Государю, а бояром своим Государь нашъ не велѣл у него рѣчей слушати. Сам Государь рѣчей его слушал". А приставовѣ чеуши—Мурат и Гайрадин того ж дни да и на завтрее в четвергъ по тому ж Ивану говорили накрѣпко, чтоб Иван о Государьском дѣле ѣхал к Аяз пашѣ на подвор(ь)е: „А не поѣдеш, господине, к пашам на подвор(ь)е, и тобѣ у Салтана не бывати ни в шесть мѣсяц. И Иван чеушем отвѣчал тѣ ж рѣчи, что и толмачем, а к пашам не поѣхал" (лл. 277 об.—278). Потомивъ ожиданіемъ въ надеждѣ, что послъ уступитъ, пристава неожиданно являются черезъ три дня и заявляютъ: „Сегодни, господине, ѣхати тобѣ к Салтану в стан и ты, господине, буди готов, и которая рухляд(ь) у тебя на короблѣ, а к завтрею будет надобна, и ты еѣ вели имати, а мы в ту пору шед под тебя суды изготовим да часа тог(о) по тебя будем. А завтра рано быти тобѣ у Салтана, а хочет Салтан завтра ж ѣхати на свое дѣло, тебя отпустя, да быти там Салтану мѣсяца с полтора, а тобѣ его дожидат(ь) здѣс(ъ) в городѣ". Да того ж часу приставовѣ по Ивана приѣхали" (л. 278 об.). Пріѣхавъ съ Иваномъ къ Султану, пристава велѣли ему сѣсть подождать у дороги къ Султанову шатру. Тутъ они принялись съ чисто восточной хитростью добиваться униженія Московскаго посла, убѣждая его вставать и кланяться при приближеніи переднихъ всадниковъ свиты ѣдущаго къ Султану Ибреима паши. „И приставовѣ почали Ивану говорити накрѣпко: „Встан(ь): Ибреим паша ѣдет", и Иван не встал, а молыл: „Молоды люди ѣздят, а мнѣ против ково вставати?"—И приставовѣ Ивана за плече имают и говорят: „Встан(ь): Ибреим паша ѣдет, а то у Государя нашег(о) бол(ь)шей человѣкъ, пригож тобѣ против его встати и челом ударить". И Иванъ пропустил многіе люди, и какъ будет против Ивана Ибреим паша, и он наперед Ивана в седлѣ приподылся и поклонился, и приставовѣ чеуши Ивану молвили: „Ибреим паша тобѣ челом ударил"; и Иван по тому ж против паши приподылся ‖ и поклонился по турскіи ж" (лл. 279—279 об.). Когда же первая хитрость не удалась, то пристава пустились на другую.

„И велѣли приставовѣ Ивану в шатер пойти, а сказали в шатрѣ Салтана; и вшел Иван, а Салтана в шатрѣ нѣт, а сидит в шатрѣ Ибреим паша да казначѣй Аббисалом. И против Ивана Ибреим паша встал да пытал Ивана о Государском здоров(ь)е (и) о его здоров(ь)е" (л. 279 об.). Послѣ того, какъ Иванъ отказался окончательно говорить свои рѣчи пашамъ, о немъ было доложено Султану, и онъ былъ принятъ Султаномъ, но за нимъ отъ Султана, вопреки московскому обычаю при пріемѣ иностранныхъ пословъ, вышелъ только одинъ толмачъ.

„Да пришед толмач Ивану говорил: „Государь нашъ Сюлемен Салтан велѣл тобѣ к собѣ итти". А оприч(ь) толмача, Ивана не встрѣтил ни проводил нихто, а приставовѣ чеуши осталися у Салтанова шатра" (л. 280). При пріемѣ надежда на султанову „правду" не оправдалась: Султанъ оказался вполнѣ въ рукахъ своихъ приближенныхъ турокъ и грековъ.

„И велѣл паша Ивану пойти к Салтану к руце, а опосле тог(о) Иван от Государя Салтану поклон правил и поминки являл по записи и посол(ь)ство правилъ и грамоты подалъ, а взял посол(ь)ство и грамоты Ибреим паша. А посол(ь)ства правил Иван три стат(ь)и, а одной стат(ь)и еще не правил. И Ибреим паша у Ивана рѣч(ь) перенял, а говорил паша Ивану: „Иные Государскіе рѣчи с нами переговориш, и мы их Государю скажемъ“. А самъ Салтан не проговорил к Ивану ни одного слова ни х которой рѣчи“ (л. 280 об.). Когда Ивану пришлось быть у Султана во второй разъ уже на отпускѣ, то къ нему обратился съ требованіемъ „подарковъ“ „казначей и дьякъ“ Аббисаломъ, угрожая разстроить посольство въ случаѣ отказа со стороны посла Москвы.

„Сентября 12 приѣхав приставовѣ к Ивану на подвор(ь)е да говорили Ивану: „Сегодни, господине, тобѣ быти у Салтана в стану,—да то тобѣ, господине, и отпускъ“....

„И того ж дни в стану приходил к Ивану Андреян грек от казначѣя и от діака Салтанова от Аббисалома, и говорил Андрѣян Ивану: „Велѣл, господине, тобѣ Аббисалом говорити: „Наша, деи, господине, пошлинка есть, и ты б, господине, нас не забыл. А наперед того послы бывали у нашего Государя от Государя вашег(о),—и они, господине, нам пошлину давали: и ты б, господине, нас не покинул же“. Да пригож, господине Иван, тобѣ его почествовати, зан(е)же, господине, он у Салтана ближней человѣкъ и дѣла Государскіе бол(ь)шіе на нем лежат. А не почтиш, господине, его,—ино, господине, и дѣлу не здѣлатца“ (лл. 282 об.—283). Нашъ посолъ отказался удовлетворить эти вымогательства, заявивъ, что онъ присланъ къ Султану и ему ни до кого нѣтъ дѣла, помимо самого Султана.

„И Андрѣян Ивану отвѣчал: „Аббисалом, господине, говорит: и тол(ь)ко, деи, меня посол не почтит, ино, деи, и дѣлу не здѣлатца; и велѣлъ мнѣ на послѣ взяти карабленые налоги: каѳинской и царегородской и всѣ пошлины с рухледи азовские и каѳинские и царегородцкие“ (л. 283). Когда же угрозы Андріана не подѣйствовали, то былъ подосланъ приставъ Муратъ чеушъ, но уже отъ имени якобы Султана.

„А после Андрѣяна пришел к Ивану пристав Мурат чеуш, а говорил Ивану: „Велѣл, господине, тобѣ Салтан молыт(ь): „Аббисалом у меня человѣк ближней—діак и казначѣй и зят(ь), и ты меня дѣля его почти,—нѣчто ему пошли“ (л. 283 об.). Послѣ этого заявленія пришлось уступить, и Аббисалому была послана „шуба“. Отпуская московское посольство, султанъ по прежнему хранилъ загадочное молчаніе, и нашему послу все-таки пришлось имѣть дѣло съ пашами, хотя и на дворѣ у Султана.

„И тут Иван Салтану и челом ударил, а не проговорил Салтан к Ивану никакова слова“ (л. 2 4 об.). Какъ было сказано выше, съ Иваномъ Семеновымъ былъ присланъ тотъ же Скиндерь и притомъ „не посольствомъ“, а, какъ заявилъ Ибреимъ паша, „соболей купити на Салтана“. Но въ дорогѣ у Скиндеря вдругъ оказалась Султанская грамота и онъ объявилъ, что теперь онъ идетъ „с великими дѣлы“.

„А в Белѣ-Городѣ, Государь, и на дорозѣ, от Бела-Города идучи к Перекопи, Изкиндер(ь) говорил в речи и не одинова: „Нынѣ, деи, яз иду не посол(ь)ством, послал, деи, меня Салтан з ден(ь)гами рухледи купити да и тобя проводити, а рѣчи, деи, от Салтана к вашему Государю за мною не великие“. А приѣхав из Каѳы в Перекоп(ь), перед поѣздом, Изкиндер(ь) говорил: „Прислал ко мнѣ Государь мой гонца со многими грамотами, а иду нынѣ от Государя к Государю с великими дѣлы“ (л. 285 об.). Нужно прибавить къ этому, что обстоятельства въ томъ году (1524-й) складывались благопріятно для Москвы на ближнемъ востокѣ. Такъ, Скиндерь говорилъ Ивану Семенову еще на дорогѣ:

„А самому, деи, Салтану на сей веснѣ итти на угорског(о) короля, а на литовског(о), деи, короля Салтан отрядил своих санчаков многихъ, а с ними сорок тысяч да и к крымскому, деи, Сади-Гирѣю Салтан писал, а велѣл ему итти на литовског(о) ж короля" (л. 288). Но князь Василій и его дипломаты прекрасно понимали, что это дѣлается со стороны Султана подъ давленіемъ необходимости. Поэтому Скиндеря приняли на Москвѣ съ недовѣріемъ и не хотѣли считать его посломъ. Къ тому же Скиндеръ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на Великаго Князя отказомъ принять угощеніе (что отказъ этотъ былъ неискрененъ, это видно изъ послѣдующаго).

„И Скиндер(ъ) не ѣл у Великог(о) Князя; отговорился тог(о) дѣля, что тогды было их говѣнно" (л. 291). На пріемѣ наши дипломаты заявили Скиндерю: „Государь наш велѣл тобѣ говорити: „Наперед сего присылал к нам Салтан тебя ж Изкиндеря, а приказал к нам, что с нами в дружбе и в братствѣ хочет быти; и мы, хотя с ним быти в дружбѣ и в братствѣ, посылали к нему своег(о) бол(ь)шег(о) посла, доброго своег(о) человѣка Ивана Семеновича. И послу нашему Ивану от Салтана говорил паша его Ибреим, что Салтан с нами в дружбѣ и в братствѣ хочет быти и посылает к нам своег(о) бол(ъ)шег(о) посла, великог(о) человѣка, а Скиндеря посылает проводити Ивана, чтоб ему без страху итти и на собя, что потребная, купити; и от Слтана с тобою к нам каков приказ ест(ь) ли?" И Скиндер(ъ) говорил: „Государь нашъ и ныне с Великим Князем в дружбѣ и в братствѣ хочет быти и послал меня вмѣсте с Иваном, а со мною послал к Великому Князю грамоту, а в грамоте в своей то ж писал, что в дружбѣ и в братствѣ с Великим Князем хочет быти, и послы бы и гости на обе стороны ходили без зацѣпки и зауморков бы не было, а того яз не слыхал, чтоб Ибреим паша Ивану говорил, что Государь наш хочет послати к Великому Князю своег(о) бол(ъ)шег(о) посла" (лл. 291—291 об.). Такія рѣчи уже не производили на Москвѣ никакого впечатлѣнія и отъ Скиндеря потребовали реальныхъ условій союза. Но, по обыкновенію, съ нимъ приказа такого „никотораго" не было.

„И Государь наш послал своег(о) бол(ь)шег(о) посла, и там, Государя нашего послу о том слова никакова не было, как им быти в дружбе и в братствѣ, и с тобою пак(и) ныне о том каков приказ ест(ь) ли? Как Салтану быти со Государем нашим в дружбѣ и в братствѣ, и каким межи их крѣпостем быти?" И Скиндер(ъ) говорил: „Со мною приказу от Государя от моего никоторог(о) нѣт, оприч(ъ) того, что послал со мною Государь мой грамоту к Великому Князю" (л. 292). Въ грамотѣ, присланной Султаномъ съ Иваномъ Семеновымъ говорилось о „дружбѣ и братствѣ" только въ общихъ выраженіяхъ. „Тако же да есть вѣдомо благородствию твоему, что царство мое на предреченнем приятел(ь)стве и на стат(ь)ѣ, как есмя поставили клятву и вѣру, и нынѣ на том стоим. И еще бол(ь)ши тог(о) стоим и клятву поновляем и вѣру крѣпче учинили" (л. 293 об.). Такъ же и то же говорилось и въ грамотѣ, присланной отъ Султана съ Искиндеремъ.

„И что благородствіе твое в грамоте писал, и рѣч(ь)ми царствію моему с нашим знаменитым послом Искиндерем приказывал на знат(ь)е и на вѣдан(ь)е, как то было межу нами обѣма приятел(ь)ство и любовь, тог(о) ради мы, приняв прошен(і)е благородствія твоег(о), как было межу обѣма нами приятел(ъ)ство и любов(ь) наперед сег(о) до сѣх мѣсть, и в грамотах писано и утверженой мир поставлен, так же и нынѣ и вперед межи нами обѣма да будет в первых и в нынешних грамотах. И как еси приказывал к нам с послом благоросства ти, чтоб и в нынешних временах межу нами обѣма, как был наперед того живот и приятел(ъ)ство,—да и нынѣ поновится, ясно

заключится" (лл. 295 об.—296). Ни рѣчи, ни грамоты не удовлетворили Великаго Князя, и онъ рѣшилъ не посылать уже къ Султану „большого посла".

„Да выслушал Княз(ь) Великій грамоты Салтановы, что Салтан прислал с Иваном с Семеновым и Скиндерем, да говорил з бояры, что ему Скиндеря к Салтану отпустити, а с ним своег(о) доброго человѣка послати не пригож тог(о) дѣля, что Салтан бол(ь)шего посла не прислал и с Искиндерем приказу от него нѣт, каким межи их крѣпостем быти. А послати с ним рухляди дѣля молодог(о) человѣка, что Иван оставил рухляд(ь) во Царѣ-Городѣ Великог(о) Князя" (л. 298). Кромѣ сказаннаго, большое неудовольствіе вызвало самое обращеніе Султана къ Великому Князю въ грамотѣ, присланной съ Искиндеремъ.

„А ныне которые грамоты привез к нам ты от Сюлемен Салтана и в тѣх грамотах Сюлемен Салтан писал к нам не по тому, как есть пригож нашему Государству" (л. 299). Понемногу у столь желаемаго союза съ Султаномъ стала обозначаться и оборотная сторона: сперва это выразилось въ неожиданно возникшемъ Казанскомъ вопросѣ, когда на Москвѣ замѣтили, что, обуздывая при помощи турокъ однихъ татаръ, они могутъ потерять власть надъ другими—ближайшими.

„Великій Государь велѣл тобѣ говорити: „Да говорил еси нам от Салтана, чтоб нам с Саип-Гирѣем царевичом, которог(о) наши измѣнники казанцы, нам измѣнивъ, в Казан(ь) взяли, помиритис(ь). Ино и Салтану то гораздо вѣдомо, что изначала на тот юртъ Царей сажаем мы из своих рук. И мы з Божіею волею и ныне хотим держатися того ж обычая" (лл. 299 об.—300). Разумѣется, пришлось указать турецкому послу, что Москва не потерпитъ вмѣшательства въ Казанскія дѣла.

Да Искиндер(ъ) же говорил: „Говорили есте мнѣ о Казани, что Казан(ь) юртъ изначала Государя вашег(о). Ино Саип-Гирѣй Цар(ь) присылал ко Государю нашему сеѣ весны бити челом, а заложился за Государя нашего: и то юртъ Государя нашего, и Княз(ь) бы Великій х Казани рати не посылал". И Шыгона ему говорил: „Посылал Саип-Гирѣй Цар(ь) к Салтану, ино то он вѣдает, а то изначала юрт Государя нашего" (л. 301 об.). Съ другой стороны такъ же неожиданно обнаружились и какіе-то завоевательно-наступательные планы турокъ. Уѣзжая, Скиндерь просился, оказывается, отпустить его Дономъ, чтобы тамъ осмотрѣть мѣста.

„А Дономъ просился, и Княз(ь) Великій ег(о) Доном не пустил: нѣкоторое прозябло слово от Скиндеревых людей и от сторон(нихъ), что Скиндер(ь) послан смотрити мѣстъ на Дону ставити город, и того дѣля Доном не пущен" (л. 302 об.) Надежда заключить съ Султаномъ союзъ, однако, все еще не покидала Великаго Князя, и онъ писалъ Султану съ Искиндеремъ о готовности заключить союзъ и прислать своего „большого посла", если Султанъ сдѣлаетъ то же самое.

„А как будет у нас твой бол(ь)шей посол, и мы тогды о всѣх о тѣх дѣлех с твоим бол(ь)шим послом велим говорити своим бояром; и о дружбе и о братствѣ тогды покрѣпим, и вмѣсте с твоим бол(ь)шим послом пошлем к тобѣ тогды своег(о) бол(ь)шег(о) посла" (л. 304). При этомъ однако на отпускѣ указали Скиндерю, что Султанъ долженъ обращаться къ Великому Князю, называя его не иначе, какъ „братомъ".

„И наперед сего отецъ его Салим шах Салтан писал ко Государю нашему в своих грамотах Государю нашему „братом", а нынѣ в тѣх грамотах, которые грамоты ты привез от Салтана ко Государю нашему, Сюлемен Салтан „брата" Государю нашему не писал,—то непригож(е)ство Государю нашему" (л. 306 об.). Но событія вскорѣ приняли совершенно неожиданный для московскихъ дипломатовъ оборотъ. Видя, что русскіе все еще готовы заключить союзъ съ турками, греки должны были рѣшиться на

что-либо, чтобы поссорить Великаго Князя съ Султаномъ. Дѣйствительно, въ скоромъ времени Искиндерь рѣшается на „неслыханное дѣло“.

„И лѣта 1525 прислали к Ивану к Семенову грамоту его люди Шемет с товарищы из Каѳы, которых людей своих послал Иван Семенов с Скиндерем во Царь-Город отдавати рухляд(ь) Великог(о) Князя. А в грамоте писали, что Скиндер(ь) Великог(о) Князя людем, Алексѣю Можаятинову с товарищы, великую соромоту учинил: и плат(ь)е и ден(ь)ги на них имал, да и с Ивановых людей шубы и зубы рыб(ь)и имал, а которых извощиков с ним отпустили казначѣи с Москвы, а ему было их отпустити без зацѣпки совсѣм к Москве,—и он тѣх людей в Каѳѣ попродал. И Княз(ь) Великій говорил з бояры: „Коли Искиндер(ь) над Великог(о) Князя люд(ь)ми такову соромоту учинил и он нѣчто учнет которые непригожие рѣчи Салтану или пашам говорити,—и Великому Князю пригож к Салтану послати своег(о) человѣка з грамотою тог(о) дѣля, чтоб тѣх людей, которых продал Скиндер(ь), Салтан доискался да велѣл отдати. А нѣчто Скиндер(ь) Салтану учнет которую безлѣпицу говорити, и Салтан бы ему по тому не вѣрил“. И послал Князь Великій к Салтану з грамотою своих татар служилых: в головах Кудояра Карачева сына Мурадинова, самово пятого с товарищы“ (лл. 307—307 об.). Въ грамотѣ, посланной съ Кудояромъ, указывалась еще вина Скиндеря по отношенію къ Великому Князю во время пребыванія Ивана Семенова во Царѣ-Городѣ: Скиндерь долженъ былъ помочь продать рухлядь великаго князя, приведя для этого купцовъ.

„И здѣс(ь) нам сказывал посол наш Иван, что еси к той нашей рухляди продати и купити нам, что потребная, велѣл дати Саку Скиндеря. И тогды Сака Скиндерь к нашей рухляди купцов не привел, кому та рухляд(ь) купити, и что было надобе на наши потребы, и он тог(о) не купил“ (л. 308). Въ той же грамотѣ Великій Князь Василій убѣждалъ Султана ни въ чемъ не вѣрить Скиндерю, боясь, чтобы Скиндерь, пріѣхавъ къ Султану, „какой вражды не учинилъ“.

„А ныне послали есмя к тебѣ своих казаков Кудояра Карачова, сына Мурадинова, с сею своею грамотою тог(о) дѣля: коли еще Искиндер(ь) здѣс(ь) у нас был, и он приставу здѣсе говорил непригожие рѣчи, а ныне над нашими люд(ь)ми так учинил. И Искиндер(ь) нѣчто учнет говорити нѣкоторые неправые рѣчи, чтобы межи нас с тобою какіе вражды не учинил“ (л. 309). Изъ данной Кудояру памяти видно, что Скиндерь на Москвѣ велъ себя вызывающе и, наконецъ, даже прямо сталъ угрожать, что онъ, пріѣхавъ къ Султану, поссоритъ его съ Великимъ Княземъ Василіемъ: „Яз межи Великог(о) Князя с Салтаном вражду учиню“.

„Памят(ь) Кудояру. Нѣчто возмолвит ему: „Писал Княз(ь) Великій, что непригожие рѣчи Искиндер(ь) Сака на Москвѣ говорил приставу,—ино что непригож(е)ство Скиндерево?“ И Кудояру говорити: „Государь наш для Салтана Скиндеря жаловал и ч(е)сть ему держал, как есть пригож. Пристава ему дали и подворіе велѣл указати, и кормы великіе велѣл давати, и он то жалован(ь)е ни во что поставил, и приставу говорил, что к нему Государьского жалован(ь)я мало и корму мало и нечесть собѣ от Государя там же сказывал; а корму ему давали на день по(с)тол(ь)ку, а пытайте янычан, которые с ним были. И он кормы продавал, а приставу говорит, что корму мало, а Государю нечесть приносил. А отпущая, его Государь жаловал своим великим жалован(ь)ем и давал ему много своег(о) жалован(ь)я. И он также говорил, что ему жалован(ь)я Государьског(о) мало, да тогды ж говорил: „Доѣду до Салтана, и яз межи Великог(о) Князя с Салтаном вражду учиню“,—да и иные многие рѣчи непригожие говорил. И здѣсе что будет говорил про Государя, что ег(о) Государь не жало-

вал, и он то все лгал". А нѣчто взмолвят: „А ѣсти его Княз(ь) Великій к себѣ чего для не звал?" И Кудояру говорити: „Государь наш его жаловал, ѣсть его к собѣ звал, и Изскиндер(ь) говорил, что ему ѣсти нел(ь)зѣ того дѣля, что у них говѣн(ь)е; и Государь наш велѣл ему и приставу о том молвити, чтоб он ѣл у Государя. И Изкиндер(ь) ся отмолвил тѣм, что у них говѣн(ь)е. А на отпускѣ, как его Государь учал отпущати, и он его не звал ѣсть тог(о) для, что зашло Государя нашего говѣн(ь)е, и ему было тогды за столом быти у Государя нашего непригож; и Государь наш ѣсти ег(о) не звал, а на подворіе к нему посылал кормы великіе и честь ему чинил, как есть пригож, а жалован(ь)я своег(о) Государь наш давал ему много" (лл. 310 об.—311 об.). Но Искиндер(ь) не унимался, и около того же времени Москва получила новое извѣстіе объ успѣхахъ грековъ въ лицѣ Скиндеря разстроить столь желанный для русскихъ и столь ненавистный для грековъ союзъ русскихъ съ турками.

„Лѣта 1525-го маія 20-го писали из Азова к Великому Князю с казаки с резанцы про крымскіе вѣсти, что посылал крымской Царь к турецкому Царю силы просит(ь), а хотел итти на Великог(о) Князя украйны. И туретцкой к нему послал воеводу своег(о) урюмскего Магмет бек Михал улуя, а с ним пятнатцат(ь) тысяч. Да из Азова ж писал к Великому Князю Ивашко Королевской, что, как пришол Искиндер(ь) Сака из Крыма, и говорил Сат-Кирѣю Царю, что его Княз(ь) Великій не жаловал и ч(сс)ти ему от Великог(о) Князя не было, да и с очей его сослал, и Царю, деи, отманскому лаял. И Сат-Кирѣй Царь крымской с тѣми вѣстьми посылал посла ко отманскому, и отманскій, деи, Царь дал, ему на пособ(ь) своих людей тритцат(ь) тысяч поити на Великог(о) Князя украйны" (лл. 312—312 об.). Только случай разстроилъ эти планы, и этотъ походъ не состоялся. Всѣ эти событія и факты—первостепеной важности и значенія, и невольно приковываютъ къ себѣ наше вниманіе. Драматизмъ борьбы здѣсь достигаетъ своего особаго напряженія. Но греки ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: московское правителство, несмотря на неслыханныя издѣвательства и обиды, не только не объявило войны туркамъ, но даже и не прервало дипломатическихъ сношеній съ Турціей,—живымъ символомъ вынужденнаго снесенія обидъ былъ третій пріѣздъ на Москву того же Искиндеря, что, конечно, лишній разъ подтверждало могущество греческой партіи въ Царѣ-Городѣ. Тѣмъ не менѣе на Москвѣ не могли, разумѣется, остаться безучастными къ происходящему, и они, съ одной стороны, съ лихорадочной поспѣшностью увѣряютъ Султана въ своей готовности быть „въ дружбѣ и братствѣ" съ нимъ и просятъ не вѣрить Скиндерю, а, съ другой, они обрушиваются въ безсильномъ гнѣвѣ на московскихъ грековъ. Но Юрія Малаго Траханіота къ этому времени въ живыхъ уже не было,—изъ остальныхъ же самымъ опаснымъ былъ идейно настроенный и не скрывавшій этого, какъ мы знаемъ, Пр. Максимъ Грекъ. Вотъ почему, именно, въ этомъ—1525-омъ году онъ и подвергается опалѣ, заключенію и ради него въ апрѣлѣ и маѣ этого года устраиваются „многіе соборы". Въ третій разъ Искиндерь пріѣхалъ къ намъ въ декабрѣ 1526-го года. Теперь уже къ нему отнеслись съ полнымъ недовѣріемъ, и Великій Князь его позвалъ „къ руцѣ" только тогда, когда убѣдился, что Искиндерь названъ въ привезенной имъ отъ Султана грамотѣ—„посломъ".

„И Княз(ь) Великій Саку Скиндеря к руцѣ позвал, да и ѣсти его к собѣ позвал, а опосле стола послал за ним с медом Бакаку ж Митроѳанова. И бил челом Скиндер(ь) Великому Князю, чтоб Княз(ь) Великій дал ему людей и ослободил ему купити, что потребная. И Княз(ь) Великій ему людей велѣл дати и ослободил ему товар купити. И жил Искиндер(ь) на Москвѣ до сентября лѣта 1527-го" (уѣхалъ онъ въ дѣйстви-

тельности только 10-го ноября) (л. 315 об.). На этотъ разъ Искиндерь пріѣзжалъ уже исключительно съ торговыми цѣлями. Съ этого его пріѣзда начинается переломъ въ отношеніяхъ нашихъ къ туркамъ,—и окончательный: поддерживая торговыя сношенія, турки отклоняютъ всѣ попытки заставить ихъ заключить союзъ съ нами. Поэтому въ нашей грамотѣ, посланной съ Искиндеремъ, нѣтъ уже и съ нашей стороны рѣчей о союзѣ. Ничего новаго не внесъ въ создавшіяся отношенія и пріѣздъ съ торговыми цѣлями Андреяна грека, извѣстнаго намъ по Царю-Граду,—онъ пріѣзжалъ въ 1529-мъ году. Въ томъ же году въ октябрѣ пріѣхалъ снова на Москву Искиндерь (это былъ его четвертый пріѣздъ). Хотя изъ присланныхъ грамотъ обнаружилось, что и на этотъ разъ Искиндерь посланъ только съ торговыми цѣлями, но теперь отношеніе къ нему опять перемѣнилось; за нимъ явно ухаживали: ему давали большую свиту, при посѣщеніи двора ему устраивали встрѣчу, на отпускѣ великій князь самъ говорилъ съ нимъ. Преданные идеѣ союза и не будучи въ силахъ добровольно отъ нея отказаться, русскіе дипломаты дѣлали все возможное, чтобы хотя только какъ-нибудь окончательно не испортить отношенія съ турками. Но надвигавшіяся событія уже готовы были опрокинуть, и притомъ безповоротно, ихъ чаянія и надежды. „Отпущенный" обратно къ Султану, Скиндерь внезапно захворалъ у насъ и скончался въ 1529-мъ году (мѣсяцъ точно неизвѣстенъ, но во всякомъ случаѣ раньше декабря).

„И как Княз(ь) Великій приѣхал на Москву, и Искиндер(ъ) присылал х казначѣю, к Петру к Головину, что он болен добрѣ: „И Петръ бы прислал человѣка, а велѣл бы рухляд(ь) Салтанову и мою переписати; нѣчто Божія воля сстанетца: меня в животѣ не станет,—ино бы Салтанова рухляд(ь) и моя не пропала".

„И Княз(ь) Великій велѣлъ Петру послати рухлядь Салтанову переписати и пересмотрити Семена Дмитріева, сына Чяшникова да діяка Микиѳора Семенова. И они рухляд(ь) смотрили и переписали. И после того Скиндеря въ животѣ не стало" (лл. 326—326 об.). Представлялся исключительно благопріятный для московскихъ людей случай при переписке рухляди искать Скиндеревыхъ грамотъ къ Султану, или такъ называемыхъ „списковъ", содержаніе которыхъ должно было пролить свѣтъ на греческій заговоръ противъ союза русскихъ съ турками. Изъ похвальбы Скиндеря поссорить князя Василія съ Султаномъ и, наконецъ, изъ всего поведенія его во время отправленія имъ посольскихъ обязанностей русскіе давно могли заключить, что онъ пишетъ „лживые" списки, въ которыхъ должны были „лживо" освѣщаться дѣйствительные намѣренія и планы Великаго Князя по отношенію къ Турціи, что, какъ предполагали на Москвѣ, и служило препятствіемъ къ заключенію дѣйственнаго союза со стороны Султана. И мы знаемъ, что москвичи не ошибались въ своихъ предположеніяхъ: то же самое, какъ мы знаемъ, обнаружилось на соборѣ 1531-го года и по отношенію къ Пр. Максиму Греку, которому поставили въ вину, какъ извѣстно, что онъ въ своихъ грамотахъ къ Султану „подымалъ" его на русскую державу, т. е. тоже, очевидно, доказывалъ враждебность въ дѣйствительности Россіи по отношенію къ туркамъ, чѣмъ и запугивалъ, вѣроятно, Султана. Для переписыванія рухляди были посланы опытные люди; ловкіе переписывальщики блестяще справились съ своей задачей, отыскавъ спрятанные въ рухляди „списки", столь важные для московскаго правительства: „И въ той же рухляди нашли посла Скиндеря списки". Списки эти, какъ и предполагали, оказались „лживыми", что видно изъ грамоты, посланной къ Султану съ Темешемъ (помѣчена—1529-й годъ, декабрь), о смерти Скиндеря и объ обыскѣ Скиндеревой рухляди и султановыхъ янычанъ; „списки" эти, надо полагать, попали полностью въ руки нашихъ дьяковъ. Объ

этомъ въ нашихъ документахъ послѣ приведенія одного факта говорится: „И иные рѣчи писалъ“.

„И коли смотрили у Искиндеря рухляди наши люди,—и в той рухляди списки Скиндеревы. И в тѣх спискех написал Скиндер(ь) лживые слова. Ино твоих людей того дѣля обыскивали, чтобы иных лживых слов не было“ (л. 328 об.). Этихъ султановыхъ людей—янычанъ съ Москвы было уже рѣшили отпустить, но послѣ нахожденія „списковъ“ рѣшили и ихъ обыскать, чтобы они съ собой не увезли чего-либо. „А князь(ь) великій был янычанъ отпустил, которые были съ Скиндерем, а рухляд(ь) им Салтанову давали,—и они не взяли. И Княз(ь) Великій говорил з бояры: „Такие рѣчи Скиндер(ь) говорил да и писал: и он нѣчто будет какову грамоту послал к Салтану с тѣми янычаны? Ино их пригоже обыскати да и к Салтану то в грамоте написати, чего дѣля их велѣти обыскати“. И послал Княз(ь) Великій янычан обыскивати дьяка своего Мен(ь)шего Путятина, а велѣл их обыскати. И велѣл их поставити в Дорогобуже, а у них велѣл быти в Дорогобужѣ для бережен(ь)я Остане Андрѣеву, да Чюрѣ Руделеву. И приговорил Княз(ь) Великій, что ему янычан отпустити, а Салтанова рухляд(ь) отослати с тѣми янычаны и с торговыми люд(ь)ми, а к Салтану послати своего человѣка з грамотою“ (лл. 326 об.—327). Итакъ, обнаружилось документально, что Скиндерь тоже „подымалъ“ Султана на Русь. Стало для всѣхъ понятно, что дѣло союза рухнуло благодаря проискамъ грековъ, съ одной стороны, и вслѣдствіе страннаго, какъ казалось тогдашнимъ русскимъ людямъ, упорства турокъ, съ другой. Поэтому прежняя „любовь“ вытѣсняется въ сердцахъ русскихъ ненавистью. „И в той же рухляди нашли после Скиндеря списки и в тѣх спискех писано, что будто пришел полоняникъ из Азова, а сказывал, что будто туретцког(о) людей побил угорьской корол(ь). И Княз(ь) Великій тому обрадовался и звонити велѣл“ (л. 326 об.). Послѣ этихъ событій бывшіе „союзники“ становятся, какъ мы видимъ, врагами. Наступалъ часъ расплаты съ виновниками крушенія плановъ первостепенной государственной важности для Московскаго государства—съ греками. Но обстоятельства дали имъ отсрочку. Необходимость вынуждала Московское правительство дѣйствовать съ особой осторожностью (что служитъ лишній разъ доказательствомъ, какое исключительное значеніе оно придавало дѣлу союза съ турками). Представлялась возможность испытать въ послѣдній разъ силу греческаго вліянія съ одной стороны и искренность Султана съ другой. Освѣдомленный о „лживости“ и неблаговидныхъ дѣйствіяхъ своего посла, Султанъ могъ бы еще, казалось, если бы искренно того желалъ, перейти отъ словъ къ дѣлу съ заключеніемъ союза. Нужно было поэтому выждать результата поѣздки служилаго человѣка Великаго Князя, упомянутаго Шемета, съ грамотой къ Султану о всемъ случившемся на Москвѣ. Обратно Шеметъ вернулся къ Великому Князю въ октябрѣ 1530-го года съ султанской грамотой. Но надежды на „самого“ Султана не оправдались и на этотъ разъ: несмотря на нарочитую пышность языка, грамота оказалось совершенно безсодержательной. Послѣднія иллюзіи должны были разсѣяться. Теперь окончательно насталъ часъ возмездія греческимъ патріотамъ за разбитыя чаянія и надежды. Скиндерь къ этому времени уже умеръ, царегородскіе греки были недосягаемы; поэтому подвергнуться расправѣ попрежнему могли только греки, жившіе на Москвѣ и всецѣло находившіеся во власти Московскаго правительства,—и среди нихъ, какъ было и въ 1525-мъ году, въ первую голову самый опасный въ идейномъ отношеніи—все тотъ же Пр. Максимъ Грекъ. Прологомъ этой историко-политической драмы служитъ соборъ на Максима Грека въ 1531-мъ году. Какъ-то содержаніе переписки Ма-

ксима съ турецкими пашами и Султаномъ стало извѣстнымъ Московскому правительству. Можно думать, что онъ отправлялъ съ Скиндеремъ свои „лживые списки" и что они также попали въ руки нашихъ переписывальщиковъ? Какъ бы то ни было,—„списки" и грамоты Максима очутились въ рукахъ его враговъ,—и они получили возможность уличить его на соборѣ, бросивъ ему въ лицо обвиненіе въ томъ, что онъ (вмѣстѣ съ Саввой) „несмотря на жалованье и щедрость великаго князя, посылалъ грамоты не только къ пашамъ, но и къ самому турецкому Султану, подымая его на Россію и что онъ вѣдалъ Искиндеря Турскова посла „совѣты и похвалы, что хотѣлъ под(ъ)имати (Искиндерь) турскова царя на государя, великаго князя, и на всю его державу: „да ты, Максимъ, то вѣдалъ, а государю, великому князю, и боляром его не сказал"; при чемъ онъ говорилъ еще, что великій князь, „ратуя Казань", не можетъ сопротивляться туркамъ" [1]). Въ развитіе вины Максима на соборѣ „приводили его собственныя слова, что Султанъ придетъ въ Россію, потому что онъ не любитъ родственниковъ греческихъ царей, и упрекали его въ томъ, что онъ обвинялъ великаго князя въ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ относительно турокъ и крымцевъ" [2]).

Максима осудили на соборѣ, но иначе и не могло быть, такъ какъ въ его лицѣ судили и расправлялись со всѣми греками, осуществлявшими большое политическое предпріятіе,—всю „греческую партію", осмѣлившуюся стать съ своими національными интересами на дорогѣ къ осуществленію Московскимъ царствомъ идеи союза съ Турціей, за которую русскіе люди держались, какъ это мы видѣли, такъ судорожно—крѣпко, считая ее для себя жизненно необходимой, и которую они готовы были осуществить даже цѣною національнаго униженія.

Передъ нами прошелъ рядъ греческихъ патріотовъ, участниковъ описанной нами героической борьбы; изъ нихъ только Пр. Максиму самъ-другъ съ грекомъ же Саввой выпала въ этой борьбѣ особая доля запечатлѣть свое служеніе общему національному дѣлу „подвигомъ страданія и мученичества", что окружаетъ образъ его въ нашихъ глазахъ особымъ ореоломъ и онъ становится еще выше и свѣтлѣе,—особенно въ наше время, когда близится осуществленіе его завѣтовъ—пророчествъ Русскому царству, когда начинаютъ сбываться его политическія чаянія и надежды, когда настаютъ, наконецъ, долгожданные дни общаго греко-славянскаго воскресенія.

Б. Дунаевъ.

---

[1]) „Судный списокъ". Рукопись И. П. Б. № 1597. лл. 38—39.

[2]) Ibidem.

Приложеніе.

Документы Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

Изъ книги: «Турецкія дѣла № 1».

Лѣта ҂зл (1522) маія 6. Пріѣхал к Великому Князю ис Крыма его татарин Елгозя л. 206.
Токсубуевъ, а привез грамоту от Трет(ь)яка от Губина. А сказал Елгозя Великому Князю,
что Трет(ь)яка Губина турецкой Цар(ь) отпустил на Крым, а с ним вмѣсте послал к
Великому Князю своего посла Скиндер(ь)-Саку; а от(ъ)ѣхав их на поле близко украины
Великого Князя. А се грамота к Великому Князю Трет(ь)яка Губина съ Елгозею: „Госу-
дарю Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Руси холопъ твой, Трет(ь)якъ Губин,
челом бьет. Дал Богъ, Государь, милосердием Божием да твоим Государевым здоровьем
пришли есмя, Государь, во Цар(ь)-Город поздорову за недѣлю до Покрова. А Сюлюмен
Салтана во Царѣ-Городѣ не было: ходил на угорского короля. А стоял под Бѣлымъ
Городом ‖. А мнѣ, Государь, велѣли Царя ждати во Царѣ-Городѣ, а ждал есми, Госу- л. 206 об.
дарь, его мѣсяць. И как, Государь, пришел Сюлюмен Салтан во Цар(ь)-Город, и яз,
Государь, у Царя был, и грамоту есми, Государь, твою и рѣчи донес, и дѣло есми
твое дѣлал по твоему Государеву наказу. Грамота твоя и рѣчи, Государь, ему любы,—
и меня, Государь, холопа твоего, жаловал. И послал, Государь, к тобѣ посла своего
Скиндеря-Саку. А меня, Государь, отпустил с ним вмѣсте. А яз, Государь, отговарился,
чтобы насъ на Крым не отпущал. И Сюлюмен Салтан, Государ(ь), говорил мнѣ: „Поѣд(ь)
ты без всякіе зазнобы, а то вѣдаю яз“. А послу своему Скиндерю велѣл быти у Царя.
А говорити ему, чтоб(ы) проводников до Путивля дал; а не дасть проводников, и
Сюлюмен Салтан послу своему Скиндерю и мнѣ велѣл итти в Каѳу, а къ собѣ велѣл
гонца прислати. А без своего вѣдома не велѣл итти. А пришли есмя, Государь, в
Перекоп(ь) после Рождества Христова ‖ на пятой недѣле. А Царя, Государь, въ Перекопи л. 207.
нѣт: Цар(ь) въ Киркоре. И мы, Государь, пошли в Каѳу, и пришли есмя, Государь,
в Каѳу на всеѣдной недѣле. И Скиндер(ь), Государь, ко Царю ѣздил в Киркор, а яз,
Государь, его дожидался в Каѳѣ. А из Каѳы есмя, Государь, пошли в другую недѣлю
по зборе. До Перекопи есмя, Государь, шли. И в Перекопи были мѣсяць. А Цар(ь),
Государь, был в Кыркорѣ и как, Государь, приѣхал Цар(ь) в Перекоп(ъ), и нас отпустил
на вербной недѣле в середу из Перекопи. А послал, Государь, нас провожати князя
Кошума нагайског(о). А с послом Скиндерем царевых людей янычан и азапляи
пятна(д)цат(ь) человѣкъ, а его сем(ь) человѣкъ, а торговых людей царегородцких и
каѳинцовъ шестьнатцать человѣкъ, а с иными и их люди, и всѣх три(д)цат(ь) человѣкъ.

А Скиндер(ь), Государь, родом манкупскихъ князей княз(ь), а смолода напивал
л. 207 об. воду пашам,—потому зовут Сакою. А Тебѣ, Государю, холопъ твой челом бью". ‖
А се другая грамота Трет(ь)якова съ Елгозею ж.

„Государю Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Руси холоп твой, Трет(ь)якъ Губин, челом бьет. Дал Богъ милосердием Бож(і)имъ да твоим Государевым здоров(ь)ем, пришел, Государь, турской Цар(ь)? в Путивль да и мы всѣ поздорову после Велика дни на другой недѣле в четвергъ. Из Перекопи, Государь, Цар(ь) нас отпустил. И наѣхали нас, Государь, татаровѣ человѣкъ с пят(ь)сот на Оргачикѣ, и яз, Государь, Кошума князя спросил, что то за люди, и князь Кошум сказал: „Идут на свое дѣло". И яз, Государь, тобѣ, Государю, велѣл тому татарину Елгозѣ сказати. А ко князю к Васил(і)ю Ивановичу есми о томъ послал грамоту, чтоб велѣл ся по украйнам беречи, дап з с твоими Государевы воеводами обослался. А Цар(ь), Государь, послал к тобѣ гонца своего Девят Килдѣя,—а от царицъ и от салтанов и от князей и от мырзъ.
л. 208. И яз, Государь, послал список имянъ переписавши к діаку твоему к Мен(ь)шему ‖ к Путятину с тѣм же татариномъ съ Елгозею. А Девят Келдѣй мнѣ, Государь, сказал, с чѣм х тобѣ ѣдет от Царя. Ино, Государь, тѣ ж рѣчи Василей Наумов тобѣ писал. А яз, Государь, велѣл тобѣ сказати тому ж Елгозѣ татарину. Да казаки, Государь, путивльскіе Өедко да Увар были вверхъ Ворьскла под Благимъ курганом, а не переѣзживали сакмы никакой, а поѣхали от Благово кургана после Велика (дня) на другой недѣле в понедѣл(ь)ник, а приѣхали в четвергъ въ Путивль. Да сказывает путивльской ж казак Өедко: был на Донцѣ. А сказывает,—видѣлся с казаком с азовскимъ с Куземкою, а видел татаръ человѣкъ з дватцат(ь), а поѣхали по Донцу. А тебѣ, Государю, холопъ твой челом бью".

И Княз(ь) Великій послал встрѣчю к турецкому послу къ Скиндерю Өедора Гри-
л. 208 об. гор(ь)ева сына Өеонас(ь)ева, а велѣл ему с нимъ ѣхати ‖ до Москвы и кормъ, ѣдучи по дорозе, давати. Да с Өедором же послал Княз(ь) Великій къ Скиндерю кон(ь) да иноходецъ. Да встрѣтив его, Өедору велѣл Княз(ь) Великій от собя поклон правити и кон(ь) и иноходцы явити. А велѣно ему молвити: „Великій Государь Василій, Божіею милостію един правый Государь всея Руси и иным многимъ землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ поклонитися. Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобя вспросити, здорово ли еси дорогою ѣхал". А иные рѣчи и о корму запис(ь) писали Өедору казначѣй Юрьи Малой с
л. 209. товарыщи. А къ Трет(ь)яку к Губину приказал Княз(ь) Великій, ‖ чтоб к нему поѣхал наперед посла. А сам Княз(ь) Великій пошел на свое дѣло на Коломну. И маія 18 Трет(ь)якъ Губин на Коломну к Великому Князю пріѣхал, а привез отъ Царя к Великому Князю грамоту. А се грамота Салтанова с Трет(ь)яком.

„Силы находца Салим шах Салтанов сын, Сюлемен шах Салтан. Милостію Божіею яз, Великій Цар(ь) и великій аамир, Салтан Сулейман Цар(ь), всѣм землям приморским, и румскимъ, и караманским, и наталѣйским, и романійским, и перским, и мисюрским, и всеѣ арапской земли, и иным многим землям господинъ. Пишет высота царства ми всѣми почтенному Великому Князю Васил(і)ю, Государю московскому и
л. 209 об. болгарскому, и югорскому, и владимерскому, и русскій, и смоленскій, и пермь ‖ скій, вятцкій, и иным многим землям Государю, моему приятелю и сусѣду,—многое здравіе и весел(і)я благородствію ти. Также вѣдомо чиним, что послал к нам благородствіе твое любви и пріятелства и тог(о) ради, что отца нашего стол в руки нам пришел и послати

б нам к тобѣ своего посла,—почтенную грамоту и человѣка своего вѣрнаг(о) и ближнег(о) имянем Васил(і)я. И добрѣ дойде до врат наших и грамоту донес и предасть в руки царству ми. И что было писано в грамоте, и наказаные рѣчи велѣл еси ему намъ говорити. И то учинил пріятел(ь)ски благородствіе твое. И мы то похвалили и волю благородствія твоего приняли и пріятел(ь)ство непоколебимо и дружебно. И в сіе время да будет меж нас обѣма доброй живот и дружба; как было наперед сего при отцѣ нашем и при дѣде, так будет меж нас миръ и любов(ь). И един другому на всякую потребу да будет. И торговым людем и всяким людем, торгом и всяким ‖ дѣлом посланым, ходити доброво(ь)но сухим путем и по морю без всяких зацѣпок и силы, и прити и отоити без всяких зацѣпок. А з Бож(ь)им хотѣніем и заповѣд(ь)ю нѣкоему человѣку торговцу нашему и вашему смерть лучитца, а товар у нег(о) останетца,—и тог(о) товару не двинути, какой товар ни буди, а переписав его и запечатав, положити дотоле, доколе тот товар взыщется, а взяти меж обѣих нас на обѣ стороны нашим людем. А инако тог(о) не учинити. И на том бы крѣпко стояти и держати тот реченный мир вѣрно. И добрѣ так беречи и держати, чтоб один другово другу друг был, а недругу недруг[1]) был. И яз хочю по тому вел(ь)ми мир держати и на нем крѣпко стояти. И так хотим, чтоб и ты по тому ж стоял, и крѣпок был, и мир с нами держал и приятел(ь)ство. И по сему писан(і)ю быти нам обѣма по тому на обѣ стороны и крѣпко держати дружба". л. 210.

Да ещо писано в грамоте: „Как до нас дойдет твой посол ‖ с твоею грамотою, и нам бы его к тобѣ отпустит(ь) по старому обычаю. И как твой посол к нам пришел и посол(ь)ство нам правил и наказаные рѣчи говорил, и мы у него посол(ь)ство выслушали и без всяког(о) закоснѣнія з Бож(ь)им хотѣніем и повелѣніем твоег(о) посла к благородствію твоему отпустили. Также жедал еси, чтоб нам послати к тобѣ своего посла дружбы дѣля, и мы для твоег(о) жедан(і)я послали к тобѣ вѣрног(о) своего слугу, раба царства моего, именем Скиндеря о всѣх о тѣх дѣлех, которые в сѣх грамотах писаны,—с послом благородствія твоего заодино посол(ь)ским путем. И как придет до благородствія твоего, и ты б его выслушал и отправил без замотчан(і)я и отпустил его з доброво(ь)ством посол(ь)ским обычаем, чтоб здорово до нас дошел". л. 210 об.

А сказал Трет(ь)якъ Великому Князю, что Цар(ь) с Великим Князем хочет быт(ь) в дружбѣ и в братствѣ ‖ и послал к Великому Князю своего посла Скиндеря. И как Скиндер(ь) приѣхал на Москву, и Княз(ь) Великій велѣл его на вспол(ь)е встрѣтити и приставом на Москвѣ у него быти Семену Сергѣеву сыну Левашова да Өедорцу Гридину. А велѣл Семену поклон правити по тому ж, как вверху писано, и на подвор(ь)е его поставити. л. 211.

Да приговорил Княз(ь) Великій з бояры, что у нег(о) турскому послу Скиндерю быти на Коломнѣ непригоже, а пригоже к нему послати, то ему сказати, что Княз(ь) Великій на своем дѣле,—ино ему у нег(о) быти нел(ь)зѣ. И он бы был на Москвѣ. И послал Княз(ь) Великій на Москву Өедора Иванова сына Карпова да діака своего Мен(ь)шего Путятина. А велѣл къ Скиндерю ѣхати на подвор(ь)е діаку своему Мен(ь)шому Путятину да с ним дворцовому діаку Гриде Захарову. И Мен(ь)шей Скиндерю говорил от Великог(о) Князя: ‖ л. 211 об.

„Великій Государь Василей, Божіею милостію един правый Государь всея Руси, и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити": „Посылали есмя к брату своему, к Сюлемен Салтану, своего сына

[1]) Въ рукописи: недругу.

боярског(о) Васил(і)я Трет(ь)яка Михаилова сына отвѣдати Сюлемен Салтана на о государьствѣ отца его. И Сюлемен Салтан нашего сына боярског(о), Васил(і)я Михайлова, к нам отпустил, а с ним вмѣсте прислал к нам тобя, своего доброг(о) человѣка. И мы нынѣ пошли на свое дѣло против своег(о) недруга крымског(о): зан(е)же нам нынѣ крымской Цар(ь) учинился недругом. И тебѣ к нам нынѣ ѣхати пел(ь)зѣ. И ты б нынѣ был на Москвѣ. А как, бж дасть Богъ, придем с своего дѣла на Москву, и мы тогды велим тобѣ у собя быти и очи свои видети". И как Мен(ь)шей рѣч(ь) от Великог(о) Князя турецкому послу Искиндерю изговорил, и Искиндерь встав челом ударил.
л. 212. А говорил Искин‖дер(ь): „Дай Богъ, здоров был здѣс(ь) Государь, Великій Государь, а там бы здоров был мой Государь, Сюлемен Салтан, и межи бы их Государей, дал Богъ, доброе дѣло дѣлалося. А которые недрузи Великого Государя, и он бы с тѣми с своими недруги свое дѣло дѣлал так, как его милосердый Богъ похочет. И дал бы Богъ, его недрузи под ногами его были и головою в землю ударили. А другом бы своим Великий Государь то возвѣстил, кто будет его недрузи. И опи с ним на тѣх его недругов заодинъ. А Государь наш Сюлемен Салтан хочет быти с Великим Государем в крѣпкой дружбѣ и в братстве свыше тог(о), как был отецъ его, Салим шах Салтан, с Великим Государем в дружбѣ и в братствѣ. И другу его хочет другом быти, а недругу недругом, и на всѣх его недругов хочет быти с ним заодинъ. А что Великій Государь пошел на свое дѣло, а мнѣ велѣл Государь побыти здѣс(ь) на Москвѣ,—пно,
л. 212 об. дай Богъ, здоров был Государь и дѣлал свое дѣло, а мнѣ хоти будет тысяча‖ден жити, и яз рад, тол(ь)ко бы дал Богъ Государю свое дѣло с своим недругом подѣлати. А Государьское ко мнѣ жалован(ь)е велико, как ко мнѣ прислал Государь своег(о) сына боярског(о) добра и для Государя моего велѣл мнѣ такову честь чинити: дорогою мнѣ Государьским здоров(ь)ем кормом доволенъ был. И здѣсе есми, как на Москву приѣхал, и Государьскіе урядники мнѣ также честь велику учинили и корму и пит(ь)я, дал Богъ, Государьскимъ здоров(ь)ем довол(ь)но".

И августа (?) Княз(ь) Великій с Коломны на Москву пріѣхал. И велѣл турскому послу Скиндерю быти на дворѣ. А посылал Княз(ь) Великій по него приставов Семена Сергѣева, да Ѳедора Григор(ь)ева сына Оѳонас(ь)ева. А сам Княз(ь) Великій сидѣл в набережной полате, в комнате, а в передней полате сидѣли дѣти боярскіе. И как приѣхал
л. 213. Скиндер(ь) на дворъ‖, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтити у Благовѣщен(ь)я в паперти Шыгонѣ Поджогину да діаку Сумороку Путятину, да съ Шыгонею ж послалъ съ[1]) поминком Володимера Тораканова. А как взошел отъ Благовѣщен(ь)я на крыл(ь)цо, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтит(ь) окол(ь)ничему своему Васил(і)ю Яковлю сыну Захар(ь)ина да діаком Оѳонас(ь)ю Курицыну да Некрасу Харламову, а у дверей у сѣнных у набережные полаты велѣл его Княз(ь) Великій встрѣтити Михайлу Юр(ь)еву да діаком своим Ивану Телешову да Мен(ь)шому Путятину. И шли с нимъ к Великому Князю. И какъ Скиндер(ь) вшел в избу к Великому Князю, и явил его Великому Князю челомъ ударити Михайло Юр(ь)евъ. А сидѣл Княз(ь) Великій в набережной комнате. И Скиндер(ь) правил Великому Князю от Салтана поздравленіе. И Князь Великій, с своего
л. 213 об. мѣста встав, вспро‖силъ Скиндеря: „Сюлемен Салтан по здорову ли?" да звал Скиндеря к руцѣ. И Скиндер(ь) пришед целовал Великог(о) Князя в руку, да отшед подал грамоту Салтанову. И Княз(ь) Великій велѣл ему сѣсти близко собя на скам(ь)ѣ, блиясе тог(о), как иных государей послы садятся, да звал его к собѣ ѣсти. И посидѣв велѣл ему ѣхати на княж(ь) Юр(ь)евъ двор Ивановича ждати стола. А ѣл тогды Княз(ь) Великій

[1]) Въ рукописи: „к".

в середней полате. И как Скиндер(ь) пошел к столу, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтити Васил(ь)ю Яковлю да діаку Ивану Телешову. И за столом велѣл противъ его сѣсти Ивану Иванову сыну Волынског(о) да діаку Ивану Телешову. А опосле стола посылал Княз(ь) Великій Скиндеря на подвор(ь)е потчивати Ивана Волынског(о) да с ним дѣтей боярских пят(ь) человѣкъ. ‖ А се грамота Салтанова (съ) Скиндерем. л. 214.

„Силы находца Салим шах Салтанов сынъ, Сюлемен шах Салтан. Милостію Бож(і)ею яз, Великій Цар(ь) и сил(ь)ный Государь и великій аамир, Салтан Сюлемен Цар(ь), всѣм землямъ приморским, и румским, и караманским, и наталѣйским, и романійским, и перским, и мисюрскій, и всей земли арапской, и иным многим землям господинъ. Пишет высота царства ми всѣми почтенному и всякой чести и славе достойному, нашему доброму приятелю и вѣрному сусѣду, Великому Князю Васил(і)ю, Государю всей земли московъской, и югорской, и всей земли болгарской, и владимерской, и прусской, и всѣм восточным землям господинъ,—много ти здравіе и веселие и любов(ь) благородствію твоему. Вѣдомо буди благородствію твоему, что в сіе время благородствіе твое любви и пріятел(ь)ства ради ‖ послал еси честный листъ и посла вѣрнаг(о) до честных врат царства моего. И тако еси жадал, наказал и писал свѣтлость благородства твоего, чтоб нам послати къ тобѣ своего посла вмѣсте с твоим послом,— также благородствіе твое съ нашим послом до нас вѣрнаго своего посла опят(ь) пошлеш путем приятел(ь)ским. Того ради яз, видев твое писан(і)е и хотѣніе, приказ, и приятел(ь)ства ради послал есми к тобѣ вѣрнаг(о) мужа, раба царства моего, имянем Скиндеря посол(ь)ским обычаем къ свѣтлости благородствія твоего заедино с твоим послом. И з Божьим хотѣніем, как дойдет животом и здравием до благородствия твоего нашъ посол, реченный раб Скиндер(ь), да будет услышан и отдѣлан, без закоснѣнія ко мнѣ отправлен и послан. Тако ж и другая грамота вѣрная и укрепленая послана съ послом высоты благородствія твоег(о); животом и здравием да видиш еѣ; так да будет знатна и увѣдана свѣтлости ‖ благородствію твоему и милости. Писан 20 ноября мѣсяца в славне и стол(ь)не Царѣ-Граде, в Станбуле, в Костянтинополіи“. И опосле тог(о) Искиндер(ь) приказал приставу къ бояромъ: „Есть у меня грамота от Государя моег(о) к Великому Князю, да и рѣч(и) за мною ест(ь)“. л. 214 об. л. 215.

И Княз(ь) Великій послал к нему на подвор(ь)е діаков Мен(ь)шего Путятина да Труѳана Ил(ь)ина, а велѣл ему молвити: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси, и иным многим землям всточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити“: „Приказывал еси с нашими приставы с Семеном с Сергѣевым и съ Ѳедором з Григор(ь)евым к нашим бояром, что еицо имѣешъ к нам от Салтана грамоту и рѣчи нѣкоторые. И которые рѣчи имѣешъ ‖ к нам от Салтана, и ты тѣ рѣчи говори діаком нашим. И они тѣ рѣчи нам скажут. Также которая у тобя к нам от Салтана грамота, и ты ту грамоту дай діаком нашим“. И Искиндер(ь) грамоту дал. А се грамота о Салтанове товаре: л. 215 об.

„Силы находца Салим шах Салтанов сынъ, Сюлемен шах Салтан. Милостію Бож(і)ею яз, Великій Цар(ь) и сил(ь)ный Государь, и великій аамир, Салтан Сюлемен Цар(ь), всѣм землям приморским, и румским, и наталѣйским, и романийским, и перским, и арапскій, и мисюрскій, и иным многим землям господинъ. Пишет высота царства моего всѣм(и) почтенному, и всякой чести и славе достойному, и Великому Князю Васил(і)ю, Государю земли московской, и югорской, и болгарской, и владимерскій, и смоленскій, и пермьскій, и перскій и иным многим землям Государю, ‖ моему приятелю, и доброму сусѣду,—много здравіе и весел(і)е благородствію твоему. Такъ вѣдомо чиним л. 216.

благородствію твоему, что въ сіе время на надобной товар, которой нам пригож, послах нѣ(с)кол(ь)ко денег с своим послом Скиндерем, и тог(о) ради просим у благородствія твоего, чтоб еси учинил добрѣ и приятел(ь)ски и наказал бы еси своим людем, которой товар намъ пригож, и они б тот товар продавали нашему послу Скиндерю на наши потребы по ценѣ. И человѣка бы еси своего на помоч(ь) тому товару далъ, на вѣрную цѣну нашему человѣку на тот товар, что есмя ему наказали купити, чтоб тот товар по нашему наказу искуплен был и к нам послан,—а нам то будет за честь. Так да знает благородствіе твое. Писан".

А (п)осле грамоты рѣч(ь)ю говорил: „Государь мой послал грамоту к брату
л. 216 об. своему нѣкоторых для своих потреб", а словом говорил: ‖ „Государь мой приказал собѣ нѣкоторой товар купити на свои потребы. И Государь б, Княз(ь) Великій, тот товар ослободил купити, да и человѣка бы дал, кому тотъ товар указывати. Да пришел во Государя вашего землю Государя нашего купецъ. Да тог(о) купца здѣс(ь) в животѣ не стало, а там у него дѣтки мален(ь)ки осталис(ь), а товар его здѣс(ь) в казну взяли. И Государь бы пожаловал тѣх его дѣток, велѣл бы тот товар нам отдати". Да Искиндер(ь) же говорил: „Посылал Государь ваш к нашему Государю своего сына боярског(о) Васил(і)я Михайлова отвѣдати про Государя нашег(о) на его государствѣ и хотя с ним быти в дружбѣ и в братствѣ. И Государь нашъ с Великим Государем хочет быти в крѣпкой дружбѣ и братствѣ и свыше тог(о), как с ним был Салим шах Салтан в дружбѣ и братстве. И похочет Великій Государь с нашим Государем быти въ крѣпкой
л. 217. дружбѣ и братствѣ, и Великій бы Государь послал ‖ к нашему Государю своего доброго человѣка, кто б мог меж их дружбу и братство крѣпко дѣлати и крѣпость учинити". И діаки то, приѣхав, сказали Великому Князю. И Княз(ь) Великій послал к нему діаков же, а велѣл ему молвити: „Мы з братом своим, Сюлемен Салтаном, хотим быти в крѣпкой дружбѣ и братстве. А, ож дасть Богъ, тобя к брату своему отпустим, а с тобою вмѣсте пошлем къ брату своему своего доброг(о) человѣка". Государь наш велѣл тобѣ говорити: „Вѣдаеш сам, что Магмед Гирѣй Цар(ь) крымской учинился нам недругом. И как мы тобя отпустим къ брату своему, к Сюлемен Салтану, да и своего человѣка к нему пошлем,—и тобѣ куда мыслено итти: полем ли или Доном, или полем же на Азов?"
л. 217 об. И Искиндер(ь) говорил: „Государь мой послал меня ‖ к Великому Государю, а велѣл мнѣ ѣхати на Крым, а приказал х крымскому Царю, чтоб мнѣ учинил провод до Великог(о) Государя украйны. А нынѣ то вѣдает Великій Государь, кудѣ меня отпустит(ь). А моя мысль то, чтоб Великій Государь отпустил меня Доном. Ино нам да и его послу итти безстрашно Доном". И Княз(ь) Великій велѣл ему молвити діаком же: „Как, ож дасть Богъ, учнем тобя к брату своему да и своего доброго человѣка к нему отпущати, и мы тогды тебя отпустим Доном. А как будет время, и мы с тобою о том велим говорити своим бояром".

И Искиндер(ь) говорил: „То вел(ь)ми добро; как Великій Государь велит,—ино то его воля". И опосле тог(о) Княз(ь) Великій поѣхал в об(ъ)ѣздь, в слободу. И как
л. 218. Княз(ь) Великій приѣхал из слободы, и Искиндер(ь) говорил ‖ приставом: „Пріѣхали ко мнѣ люди ис Каѳы, а привезли от Салтана грамоту. И Государь бы ваш велѣл мнѣ у собя быти или б Государь прислал, а велѣл грамоту взяти". И Княз(ь) Великій послал к нему на подвор(ь)е діака своего Мен(ь)шег(о) Путятина, а велѣл ему молвити: „Сказывал еси приставом, что Салтан прислал к тобѣ грамоту, а писана к нам,—и ты дай Салтанову грамоту. А как будет время, и мы велим тобѣ у собя быти". И Искиндер(ь) грамоту дал. А се грамота.

„Силы находца Салим шах Салтанов сынъ, Сюлемен шах Салтанъ. Милостію Бож(і)ею яз, Великій Цар(ь) и сил(ь)ный Государь и великій амир, Салтан Сюлеймен Цар(ь), всѣм землям приморским, и румским, и караманским, ‖ и натагѣйским, и романійским, и перским, и мисюрским, и всей арапъской земли, и иным многем господинъ. Пишетъ высота царства моего всѣми почтенному, и всякой чести и славы достойному, нашему доброму приятелю, Великому Князю Васил(ію), Государю всей земли московской, и югорской, и болгарской, и володимерской, и иным многем землям Государю,—много ти здравие и весел(і)е благородствію твоему. Паки вѣдомо дасм благородствію твоему, что въ се время таков до нас[1]) пришед къ царствію нашему нашъ человѣкъ имянем Аѳерхозя. Тако нам ся жаловал, что наперед сего времяни пошел был один раб имянем[2]) по миру, как есть меж нас торговым обычаем, по вѣре и по обѣщанью. И понес с собою живота на сто тысяч денег. И какъ пришел в землю благородствія твоего, и он нашел единог(о) своего племянника съкладчика. Тамо да тѣ ден(ь)ги у него оставил, ‖ надѣяся по первому, как есть за время покойнаго отца моего, по пошлинѣ и книгам. Тог(о) ради треба есть благородствію твоему, по миру и по обѣщан(ь)ю помысливъ и увѣдав тог(о) реченног(о) раба, всѣ ден(ь)ги и вес(ь) товар сюда (бы) ко мнѣ послал. А тог(о) дѣля и заказано послу благородствія твоего, чтоб то было учинено по старому закону,—нашему послу Скиндерю поручено. Тог(о) ради молим и просим у тебя: как придет к тобѣ с нашим послом нашъ человѣкъ Сасаху имянем, и ты б учинил добре и прiятел(ь)ски по тому, как есть меж нас укрепленная грамота. И помыслив бы еси тѣм жо обычаем, и тому нашему человѣку, которой послан въ его мѣсто с нашим послом Скиндеремъ, велѣл дати тот товар и ден(ь)ги назад подлѣ законнаго обычая по заповѣдем благородствія твоего, по тому ж, подобно, как есть у честных врат наших, чтоб тѣм не помешался пут(ь) прiятел(ь)ски(й) послом меж нас. Так вѣдай благородствіе твое. Писан мѣсяца.? Дана в мѣсто во Царѣ-Градѣ“. ‖

л. 218 об.

л. 219.

л. 219 об.

Да говорил Искиндер(ь) Мен(ь)шему, чтоб Государь пожаловал, велѣл сказати, кого ему своего посла послати къ Салтану. И о(по)сле тог(о) декабря (?) Искиндер(ь) говорил приставом, чтоб Государь велѣлъ ему очи свои видети.

И Княз(ь) Великій Искиндерю велѣл быти на дворѣ декабря 14. И как Искиндер(ь) на двор прiѣхал, и Княз(ь) Великій послал его встрѣтити Шыгону Поджегина да с ним діаков своих Труѳана Ил(ь)ина да Володимера Тороканова. А велѣл его встрѣтити на передней лѣсницe, на середнем дворцѣ. И как Искиндер(ь) взошел на верхнеѣ крыл(ь)цо, и у дверей середних сѣней встрѣтил его окол(ь)ничей Василей Яковлич Захар(ь)ина да діаки Ѳѳонасей Курицын да Некрас Харламов. И как пришел из середних сѣней ‖ к брусяным сѣнем, и Княз(ь) Великі(й) велѣл его встрѣтити дворетцкому своему Тверскому Михаилу Юр(ь)еву Захар(ь)ина да діаком своим ЕлизаруЦыплятеву да Мен(ь)шому Путятину и челом ударит(ь). И Скиндеря Великому Князю явил Михайло ж Юрьев. И Княз(ь) Великі(й) Искиндерю велѣл сѣсти. И Искиндер(ь) посидѣв подал Великому Князю от Салтана грамоту о Марке о Ѳрязине. И Княз(ь) Великі(й) Искиндерю велѣл итти в набережную полату и послал к нему Ѳеодора Карпова да Шыгону Поджогина да діаков своих Мен(ь)шего Путятина да Трiѳана Ил(ь)ина. А велѣл ему говорити: „Привез еси к нам грамоту от Салтана. А писал к нам Салтан в своей грамоте, что из его земли бѣжал человѣкъ с товаром в нашу землю. Ино какой то человѣкъ? И вѣдаеш ли его в нашем государствѣ? И скол(ь) давно бежал в наши государства?“ ‖ И

л. 220.

л. 220 об.

[1]) Въ рукописи: „донесъ“.

[2]) Имя пропущено.

Искиндер(ъ) говорил: „Был детина родом мордвинъ. Да поймал товар многой у Государя нашего людей и пошел во Государя вашег(о) земли торговати, да назад не бывал. А сказывают его нынѣ въ мордвѣ. А как тот детина во Государя вашег(о) землю пошел, и тому уж лѣт с шестьнатцат(ь)“.

И бояре ему говорили: „Государьство великое. Ино Государю его как вѣдати? А пошлет Государь, велит тог(о) дѣтины пытати. И доищутся ег(о), и тобѣ вѣдомо будет. А что еси говорил, что здѣс(ь) на Москвѣ Салтанова человѣка в животѣ не стало и нам бы тот его животь велѣти отдати, и мы нынѣ тот его живот велѣли тобѣ отдати“.

Дан Скиндер(ъ) жо говорил, чтоб Государь пожаловал, дал человѣка, кому товар купити Салтану. И бояре ему говорили: „Кого собѣ помышлиш и знаеш у нас торл. 221. говых людей, и мы тобѣ тог(о) велим дати“. ‖ И бояре шед то сказали Великому Князю. И Княз(ь) Великій послал к нему бояр жо. А велѣл ему молвити: „А о иных о бол(ь)ших дѣлех, аж дасть Богъ, о всѣх велим с тобою говорити и посла своего тобѣ скажем, кому с тобою ѣхати к Салтану“. А се грамота Салтанова, что подал Великому Князю Искиндер(ъ) о Марке о Ѳрязинѣ.

„Милостію Божіею яз, Великій Цар(ь) и сил(ь)ный Государь и великій аамир, Салтан Сюлемен Цар(ь), всѣм землям приморским, и румским, и караманским, и наталѣйским, и романийским, и перским, и мисюрской, и всей арапской земли, и иным многим землям господинъ. Пишет высота царства ми всѣми почтенному Великому Князю Васил(і)ю, Государю славному всей земли московской, и болгарской, и югорскій, владимерскій, л. 221 об. и пермьскій, и иным ‖ многим землям въсточным Государь,—много здравіе и весел(і)е благородствію ти. Вѣдомо даем благородствію ти, что в се время пришел к нам нашъ человѣкъ имянем Андроник. И жаловался нам, что преж сего времяни зят(ь) его по имяни Марко, врач, царства ми данщик, торгованія ради пришел в землю благородствія твоего,—и нынѣ есть там. И сказывает шурин его, что во Царѣ-Городѣ жена его и дѣти. И тог(о) ради шурин его Андроник послан с нашим послом с Скиндерем. И как придет к тебѣ посол наш Скиндер(ъ) и грамоты тобѣ подасть, и ты б по завѣщан(ь)ю и по грамоте тог(о) нашего человѣка Марка к нам послал без всяког(о) задержан(і)я. Писан мѣсяца ноября в стол(ь)нѣ Царѣ-Градѣ“. И генваря 18 велѣл Княз(ь) Великій Скиндерю быти на дворѣ. И как Скиндер(ъ) на двор пріѣхал, и встрѣча Скиндерю л. 222. была, как наперед тог(о) его встрѣчали. И какъ ‖ Скиндер(ъ) пришел к Великому Князю, и челом ударити Скиндеря явил Михайло Юр(ь)евъ. И на жалован(ь)е Скиндер(ъ) бил челом. Ино его явил Великому Князю Михайло ж Юр(ь)ев. И Князь Великій Скиндерю велѣл сѣсти. И велѣл ему итти в набережную полату и послал к нему Ѳедора Карпова да Шыгону Поджогина, да діаков Мен(ь)шег(о) Путятина, да Триѳана Ил(ь)ина. А велѣл ему говорити. Ѳедор говорил: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многимъ землям въсточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити“: „Прислал к нам с тобою брат нашъ, Сюлемен Салтан, свою грамоту. А писал к нам в своей грамоте да и с нашим посланником, с Трет(ь)яком з Губиным, писал к нам свою грамоту, что с нами хочет л. 222 об. быти в крѣпкой дружбѣ ‖ и в братствѣ, а нам бы с ним также быти в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ. И мы с Сюлемен Салтаном в дружбе и в братствѣ хотим быти“.

Шигона говорил: „Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям въсточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити“: „И что с тобою к нам наказ от брата нашего Сюлемен Салтана? Как Сюлемен Салтан хочет быти с нами в дружбѣ и в братствѣ?“

И Искиндер(ь) говорил: „Со мною Государь мой, Сюлемен Салтан, послал к Великому Государю свою грамоту. И что писал в своей грамоте, и он по тому и хочет с Великим Государем быти в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ. И хочет тог(о), чтоб люди межи их ‖ ходили на обѣ стороны да и гости б ходили". И Ѳедор ему говорил: „Скиндер(ь)! у Государя нашег(о) в обычеѣ, с которыми Государи Государь нашъ в дружбѣ и в братстве, ино меж их грамоты утверженные живут". И Искиндер(ь) говорил: „Со мною, оприч(ь) грамоты к Великому Государю, от Салтана приказу нѣт. Государь ваш к Салтану с своим человѣком с Васил(і)ем о том не приказал. А приказал бы Государь ваш о том с своим человѣком, и Государь бы наш и со мною о том наказал". И Ѳедор с товарищы говорил: „Государю нашему учинилас(ь) вѣсть, что брата его Салим шах Салтана в животѣ не стало, а на тѣх государьствѣх учинился Государем Сюлемен Салтан. И Государь наш послал своего человѣка о том довѣдатис(ь). А о том было Государю нашему ещо как к Сюлемен Салтану ‖ приказывати?" И Искиндер(ь) говорил: „Да со мною о томъ приказу нѣт никоторого". И бояре шед сказали то Великому Князю. И Княз(ь) Великій послал к нему опят(ь) Ѳедора с товарыщи. И Ѳедоръ ему говорил: „Государь наш велѣл тобѣ говорити": „Которые еси рѣчи говорил, и мы то слышели". „И Государь наш велѣл тобѣ ѣхати на подвор(ь)е". л. 223а. л. 223а об.

И февраля 10 велѣл Княз(ь) Великій Скиндерю быти на дворѣ. И встрѣчи ему были по тому ж, как наперед того его встрѣчали. И как Скиндер(ь) к Великому Князю вшел, и Княз(ь) Великій Скиндеря звал сѣсти. А велѣл ему итти в набережную полату да выслал к нему Ѳедора Карпова да Шыгону Поджогина да діаков ‖ своих Мен(ь)шег(о) Путятина да Труѳана Ил(ь)ина. А велѣл ему говорити. Ѳедор говорил: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям въсточными сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити": „Писал к нам брат нашъ, Сюлемен Салтан, чтоб нам послати к нему своего посла, доброго своего человѣка. И мы с тобою вмѣсте посылаем к Сюлемен Салтану своего посла, ближнег(о) своего человѣка, Ивана Семеновича Морозова". Шыгона говорил: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію един правый Государь всея Руси и иным многим землям всточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити": „А как будет время, и мы тобѣ ден(ь) скажем, как тобѣ ‖ к Сюлемен Салтану ѣхати". И ѣл Скиндер(ь) того дни у Великого Князя. И после стола посылал Княз(ь) Великій Скиндеря подчивати с медом князя Дмитрея княж(ь) Ѳедорова сына Палетцког(о). И марта 22 велѣл Княз(ь) Великій туретцкому послу быти на дворѣ. И как пріѣхал на двор, и стрѣтил его на середней лѣсницѣ ополу лѣсницы на крыл(ь)цѣ Иван Семенов сынъ Брюхова да Володимер Тороканов. И как взошел на переходы, ино его встрѣтил Василей Яковль да Оѳонасей Курицын, да Некрас Харламов. А как пришли против бол(ь)шые полаты к углу, и тут его стрѣтил Михайло Юр(ь)евъ, Елизарей Цыплятев, Мен(ь)шей Путятин. И как вшол к Великому Князю, и явил его Великому Князю челом ударити Михайло Юр(ь)евъ. И на жалован(ь)и бил челом. ‖ А явил его Михайло ж. И Княз(ь) Великій велѣл ему сѣсти. Да говорил ему Княз(ь) Великій сам: л. 223в. л. 223в об. л. 225.

„Скиндер(ь), привез еси нам грамоты от брата нашег(о) от Сюлемен Салтана и рѣчи еси нам от нег(о) говорил. И мы тѣ грамоты и рѣчи выслушали и отвѣт тобѣ тѣм рѣчем был". Да встав Княз(ь) Великій съ его мѣста, молвил:

„Скиндер(ь), брату нашему, Сюлеменъ Салтану, от нас поклонися!" Да звал его Княз(ь) Великій карашаватис(ь). И Искиндер(ь) цѣловал Великог(о) Князя в руку, да тог(о) дни его Князь Великій отпустил. А велѣл ему итти в набережную полату по-

дождати бояр своих. И высылал к нему Өедора Иванова сына Карпова да діаков своих—Мен(ь)шег(о) Путятина да Некраса Харламова. И Өедоръ ему от Великого Князя
л. 225 об. говорилъ: ‖ „Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Русіи и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тебѣ говорити“: „Прислал тобя брат нашъ, Сюлемен Салтан, и привез еси нам от Сюлемен Салтана грамоту. А писал к нам брат наш в своей грамоте, что с нами в дружбѣ и в братстве хочет быти, а нам бы также с ним быти в дружбѣ и в братстве. А словом еси нам от брата нашего, от Сюлемен Салтана, то ж говорил. И мы к тебѣ высылали своих бояръ. А велѣли тобя вспросити, что тобѣ наказал брат нашъ, Сюлемен Салтан, как хочет с нами быти в дружбѣ и в братстве. И ты говорил нашым бояром, что с тобою к нам о том наказу нѣт никоторог(о). И мы нынѣ тобя къ брату своему отпущаем. А с тобою вмѣсте посылаем к брату своему, к Сюлемен Салтану,
л. 226. своего посла, доброг(о) своего человѣка, Ивана Семеновича Морозова. И какъ, ‖ дастъ Богъ, будеш у брата нашег(о), у Сюлемен Салтана, и ты от нас брату нашему, Сюлемен Салтану, молви, чтоб брат нашъ был с нами в дружбѣ и в братстве и на всѣх бы недругов был с нами заодинъ. А мы с ним также хотим быти в дружбѣ и в братствѣ и на всѣх недругов хотим быти з братом своим заодинъ. А с послом с своим с Иваном к брату своему то ж приказываем. Да в обычае меж нас с иными Государи, с которыми учинимся в дружбѣ и в братствѣ,—ино межи нас грамоты шертные живут да и правда межи нас ес(ть). И учинилис(ь) были есмя с отцемъ съ его, с Шалим шах Салтаном, в дружбѣ и в братствѣ, да и грамотам было шертным промежи нас с ними быти. И Божія воля ссталася,—брата нашего в животѣ не стало. И то дѣло потому не ссталос(ь). Ино бы межи нас с Сюлемен Салтаном грамоты шертные и правда была.
л. 226 об. И послы б наши межи нас ходили на обѣ стороны, да и гости бы ‖ ходили на обѣ стороны без всякіе зацѣпки. И зауморщин бы на обѣ стороны не было. Божія воля сстанется,—которог(о) нашег(о) человѣка въ животѣ не станет въ его государствах,— и брат бы нашъ тот товар велѣл переписати да, запечатав, положити дотоле, доколѣ от нас пріѣдут о том товаре с нашею грамотою“. И Искиндер(ь) говорил: „Дастъ Богъ, будем у своег(о) Государя, у Сюлемен Салтана, и мы то своему Государю скажем“. Да Өедор ему говорил: „Говорил еси о Евархозинѣ рухляди, что от него бѣжал детина покрадчи во Государя нашего землю,—и Государь б тог(о) дѣтины велѣл доискатис(ь). Государь наш велѣл тобѣ говорити“: „Ино уже тому семна(д)цат(ь) лѣт, как он, сказываеш, бѣжал. Ино в тѣ лѣта может человѣкъ жив быти, а может и не быти. А в
л. 227. мордву есмя ‖ посылали о том детинѣ довѣдыватис(ь). И в нашем государствѣ того детины не могли допытатис(ь)“. Да тог(о) дни Князь Великій Скиндеря и отпустил марта 29 день. А се отвѣт Салтанову послу Искиндерю. Отвѣт Великаго Государя Васил(і)я, Божіею Милостію Государя всея Руси и Великог(о) Государя, Великог(о) Государя Сюлемен Салтанову послу Скиндерю. Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити: „Присылал к нам Великій Государь,
л. 227 об. брат нашъ, Сюлемен Салтан, тобя своего посла Скиндеря. И подал еси ‖ нам от брата нашег(о) грамоту. А в грамоте в своей писал к нам брат нашъ, что с нами въ дружбѣ и в братстве и в любви хочет быти и на всѣх недругов хочет быти с нами заодинъ, а нам бы также с ним быти в дружбѣ и в братствѣ и в любви и на всѣх бы нам недругов с ним быти заодинъ. И послы б наши межи нас на обѣ стороны ходили, и люди наши ѣздили нашего здоров(ь)я видети, да и гости б на обѣ стороны ходили

без всякіе силы и зацѣпки". Государь нашъ велѣл тобѣ говорити: „И мы к тобѣ послали бояр своих, а велѣли тобѣ говорити: ест(ь) ли тобѣ от брата нашего, от Сюлемен Салтана, наказ, как с нами брат нашъ, Сюлемен Салтан, хочет быти в дружбѣ и в братстве и в любви? И ты говорил бояром нашим, что тобѣ от Сюлемен Салтана о том наказу нѣт никоторого". ‖ л. 228.

Государь наш велѣл тобѣ говорити: „И мы наперед сего к брату своему, к отцу къ его, к Салим шаг Салтану, посылали своего посла о том, чтоб с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в любви и на всѣх бы недругов был с нами заодинъ, да и грамоты бы межи нас о дружбѣ и о братстве были. А мы з братом с своимъ также хотим в крѣпкой дружбѣ и в братстве и в любви быти. И брат нашъ, Салим шаг Салтан, нашего посла к намъ отпустил, а приказал к нам, что с нами в дружбѣ и в братстве в крѣпкой хочет быти и грамотам было шертным о дружбѣ и о братствѣ межи насъ с ним быти и посылает к нам своего посла, доброг(о) своег(о) человѣка. Да посла своего к нам не успѣл послати. И то дѣло межи нас не ссталося тог(о) дѣля, что Бож(ь)я воля ссталася,—брата нашего, Салим шаг Салтана, в животѣ не стало". ‖ Государь нашъ велѣл л. 228 об.
тобѣ говорити: „И ты от нас молви брату нашему, Великому Государю Сюлемен Салтану. А и с послом с своимъ, с Иваном, о том к нему приказываем жо, что с ним в дружбѣ и в братстве и в любви хотим быти и на всѣх недругов хотим с ним быти заодинъ. А брат бы наш, Сюлемен Салтан, также с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в любви и на всѣх бы недругов был с нами заодинъ. А с которыми есмя с Великими Государи с своею брат(і)ею в дружбе и в братствѣ, ино межи нас грамоты шертные о дружбѣ и о братствѣ и правда межи нас есть. И межи б нас с ним также грамоты шертные были о дружбѣ и о братстве, и правда бы межи нас была, и люди б наши межи нас на обѣ стороны ѣздили и послы ходили нашего здоров(ь)я видети". Государь наш велѣл тобѣ говорити: „Да и гости б ‖ наши также на обѣ стороны ходили без л. 229.
всякіе зацѣпки и пошлин бы лишних и силы над нашими гост(ь)ми никоторые не было, оприч(ь) тѣх пошлин, которые въ его землѣ пошлины из старины. А над которым гостем Бож(ь)я воля ссманетца,—в животѣ его не станет, и брат бы наш в животы вступатис(ь) не велѣл". Государь наш велѣл тобѣ говорити: „А которые брата нашего гости из его земел(ь) придут к нам в наши государства, и тѣм гостем в наших государствех силы и лишних пошлин никоторых также не будет. А которого гостя, Бож(ь)я воля сстанется, в животѣ его не станет в наших государствех, и мы также своим пошлинникомъ зауморщин имати не велим". ‖ А се посол(ь)ствэ к Сюлемен Сал- л. 229 об.
тану с Иваном Семеновым сыном Брюхова. Говорити от Великого Государя Васил(і)я, Бож(і)ею милостію Государя всея Руси и Великого Князя, Великому Государю, Сюлемен Салтану, Ивану Семенову сыну Морозова.

„Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Русіи и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугородцкій, псковскій, смоленскій, тѳерскій, югорскій, пермьскій, болгарскій и иных, тебѣ, Великому Государю, Сюлемен Салтану, Государю костянтинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и наталѣйскому, и римскому, и карамапскому, и румскому и иных земел(ь) Государю, велѣл поклонитис(ь). ‖ Великій Госу- л. 230.
дарь велѣл твое здоров(ь)е видети". А опосле поминков грамота вѣрющая подати. „Богъ нашъ Троица, иже прежде в вѣкъ сый и нынѣ есть Отецъ и Сынъ и Святый Духъ. Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточнымъ и сѣверным Государь и Великій Княз(ь) володимерскій,

московскій, ноугородскій, псковскій, смоленьскій, тферскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных, Сюлемень шах Салтану, Государю костянтинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и наталѣйскому, и римьскому, и караманскому, и румскому, и иных земел(ь) Государю и брату и доброму пріятелю.

л. 230 об. Послали есмя к тебѣ своего ближнег(о) человѣка Ивана ‖ Семеновича Морозова. И что тебѣ от нас учнет говорити, и ты б ему вѣрил,—то есть наши рѣчи. А как, ож дастъ Богъ, учнеш к намъ отпущати нашего посла, да и своего посла с ним вмѣсте, и ты б нашего посла, да и своего посла велѣл проводити до нашие украйны, чтоб, как дал Богъ, нашъ посол и твой посол здорово к нам доѣхали. Писанъ в нашем государьствѣ, в нашем градѣ Москвѣ лѣт(а) ҂зла (1523) апрѣля". А опосле грамоты рѣч(ь) говорити: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити": „Присылал еси к нам своего посла Скиндеря князя. И подал намъ отъ тебя твою грамоту. А в грамоте в своей к нам писал еси, что с нами в дружбѣ и в братствѣ и в любви хочеш быти, а нам бы также с тобою быти в

л. 231. дружбѣ и в братстве и в люб ‖ ви. И послы б наши межи нас на обѣ стороны ходили и люди наши ѣздили нашего здоров(ь)я видети, да и гости б на обѣ стороны ходили без всякіе силы и зацѣпки". Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „И мы наперед сего к брату к своему, к отцу твоему, к Салим шаг Салтану, посылали своего посла о томъ, чтоб с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в любви, и на всѣх бы недругов был с нами заодинъ, да и грамоты бы межи нас о дружбѣ и о братствѣ были, а мы з братом своим также хотим в крѣпкой дружбѣ и братстве и в любви быти. И брат наш, Салим шаг Салтан, нашего посла к нам отпустил, а приказал к нам, что с нами в

л. 231 об. дружбѣ и в братстве в крѣпкой хочет быти и грамотам было шертным о дружбѣ ‖ и о братствѣ межи нас с ним быти, и посылает к нам своего посла, доброго человѣка. Да посла своего к нам не успѣл послати. И то дѣло межи нас не ссталос(ь) тог(о) дѣля, что Бож(ь)я воля ссталас(ь),—брата нашего, отца твоего, Салим шаг Салтана, в животѣ не стало". Государь наш велѣл тебѣ говорити: „И мы нынѣ с тобою, з братом с своим, Сулемен Салтаном, в дружбѣ и в братстве и в любви хотим быти, и на всѣх недругов хотим с тобою быти заодинъ. А ты б также с нами был в дружбѣ и в братстве и в любви, и на всѣх бы еси недругов был с нами заодинъ. А с которыми есмя с Великими Государи с своею брат(і)ею в дружбѣ и в братстве,—ино межи нас грамоты шертные о дружбѣ и о братстве, и правда межи нас есть. И межи бы нас с тобою также грамоты шертные были о дружбѣ и о братстве. И правда бы межи нас была, и люди

л. 232. бы наши ‖ межи нас на обѣ стороны ѣздили, и послы ходили нашего здоров(ь)я видети". Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „Да и гости бы меж нас также на обѣ стороны ходили безо всякіе зацѣпки и пошлин бы лишних и силы над нашими гост(ь)ми никоторые не было, оприч(ь) тѣх пошлин, которые въ твоей землѣ пошлины из старины. А над которым гостем Божія воля сстанется, в животѣ его не станет,—и ты б в животы вступатис(ь) не велѣл, а велѣл бы еси тот живот переписати да запечатати. Да кто от нас к тобѣ пріѣдет с нашею грамотою, и ты б тот живот велѣл нашему человѣку отдати". Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „А которые твои гости из твоих земел(ь) придут к нам в наши государства, и твоим гостем в наших государствех

л. 232 об. силы и лишних пошлин никоторых нѣт нынѣ, ‖ также и вперед не будет. А которог(о) гостя, Божія воля сстанется, в животѣ его не станет в наших государствѣхъ,—и мы также своим пошлинникомъ зауморщин имати не велим. Велим ту рухляди переписати

да запечатати. Да кто к нам от тобя пріѣдет с твоею грамотою,—и мы ту рухляд(ь) велим твоему человѣку отдати". Да как, дастъ Богъ, Иван будет у Салтана и рѣчи изговорит по записи, и ему тог(о) дни сеѣ рѣчи Салтану не говорити. А нѣчто иног(о) дни которог(о) велит Ивану Салтан у себя быти и будет л(ь)зѣ,—и Ивану ся рѣч(ь) Салтану говорити. А нел(ь)зѣ будет Салтану молвити, ино пашам дати запис(ь), чтоб до Салтана донесли. А не лучится ему у Салтана быти, а велят Ивану на дворѣ быти для Великог(о) Князя дѣла, ‖ —и Ивану пашам сеѣ рѣчи дати список, чтоб до Салтана л. 233.
донесли. Государь наш велѣл тобѣ говорити: „Которые наши украинные люди ходят по украйнѣ свои ухожаи, а иных наших людей украинные наши намѣстники посылают отвѣдывати людей на поле: нѣчто которые люди нашего недруга похотят притти на наши украинные мѣста и лихо похотят учинити, и они б безвѣстно не пришли,—и твои казаки азовскіе наших людей имают на поле, да водят в Азов, да их продают, а емлют с них окупы великіе. И лиха нашим людем от твоих казаков азовских много чинитца. А мы своим людем заказали, чтоб наши люди твоим людем лиха никоторог(о) не чинили". Государь наш велѣл тобѣ говорити: „И ты б в Азов приказал своим приказчиком, чтоб тог(о) берегли накрѣпко, чтоб твои казаки азовскіе нашим ‖ людем лиха л. 233 об.
никоторог(о) не чинили и их бы не имали. А которой нашъ человѣкъ попадет в руки твоимъ казаком, и твои бы приказчики наших людей у твоих казаков имали да к нам отпущали без всякіе зацѣпки, и окупу бы с них не имали". Государь наш велѣл тобѣ говорити: „Бож(ь)я воля ссталас(ь): в нашей землѣ твоего гостя Еѳарбердѣя в животѣ не стало. И мы тог(о) гостя товар велѣли переписати и запечатати. И какъ к нам от тебя пришел твой посол Скиндер(ь), и мы тот товар Еѳарбердѣев велѣли вес(ь) отдати твоему послу Скиндерю". Государь нашъ велѣл тобѣ говорити: „А в твоей землѣ не стало нашег(о) гостя Семена Андрѣева сына Хозникова. И твои приказчики, товар его собрав и переписав, запечятали. И нынѣ тот товар у твоихъ приказчиков. А нынѣ посылали есмя к тобѣ з грамотою своего человѣка Ивашка ‖ Лазарева. И Божія воля ссталас(ь),—тог(о) нашег(о) человѣка Ивашка в твоей землѣ, в Кафѣ, в животѣ не стало. л. 234.
И приказчики твои тот его живот также собрали и переписав запечатали. И нынѣ поѣхал с нашим послом с Иваном Семенов сынъ Хозников Васюк. И ты б тот Семенов товар велѣл дати сыну его Васюку. А Ивашков бы еси живот Лазарева велѣл дати нашему послу Ивану. Да и иных которых будет наших людей не стало в твоей землѣ, а животы их переписаны и запечатаны у твоихъ приказчиков,—и ты б также тѣх наших людей животы велѣл отдати послу нашему Ивану". А се такова дана памят(ь) бол(ь)шая Ивану Семенову сыну Морозова.

Памят(ь) Ивану Семенову сыну Морозова. „Как, ож дастъ Богъ, пріѣдет в Азов и нѣчто в Азове ‖ похотят у Ивана пошлины съ его рухляди имати, и Ивану пошлины л. 234 об.
никак не давати. А говорити ему Скиндерю: „Скиндер(ь), был ты у Государя нашего, и от Государя нашего тобѣ жалован(ь)е великое было. А тог(о) есмя не слыхали, чтоб Государь наш с твоей рухляди пошлину имати велѣл. А вѣдаеш, что во всѣх землях з гостей пошлину емлют, а с послов пошлины нигдѣ не емлют. И нынѣ на мнѣ в Азовѣ пошлины хотят имати. И коли на послѣх пошлина имати, ино послом вперед как ходити?". Да о том говорити накрѣпко по Великог(о) Князя наказу. А пошлины Ивану с своей рухляди одноличпо никак не давати. А как, дастъ Богъ, придет Иван в Азов, и Ивану к Великому Князю часа тог(о) отпустити с тѣх казаков, которые его проводят с Васил(і)емъ с Верхъдеревским, кол(ь)ких пригож, а не из с тѣх, которые с Иваном станицы посланы. И велѣно их оставити в Азовѣ и в Кафѣ ‖ и которых Ивану л. 235.

взяти с собою во Цар(ь)-Город. А отписати ему к Великому Князю о всѣх о тамошних
дѣлех подлинно,—что слух[1]), гдѣ нынѣ Сюлемен Салтан,—во Царѣ ли Городѣ, или будет
куды пошел? И будет пошел, и он куды пошел? И лѣтос(ь) ходил на Родос,—и онъ
Родос взял лы, или не взял? И будет Родоса не взял, и он которым обычаем от Родоса
отшол? А будет взял, ино и нынѣ ли въ нем его люди? Да и про крымског(о) ему
отписати, гдѣ нынѣ крымской,—въ Перекопи ли, или будет куды пошел? И будет
пошел, и он куды пошел, и скол(ь) давно пошел? И о всѣх ему о тамошних дѣлех, что
услышитъ, отписати к Великому Князю подлинно. А пытати о тамошних вѣстех Ивану
не приказных людей. Кто что ему скажет (из) сторонних людей, и ему то писати. А
приказных ему людей не пытати,—а кто что молвит, ино то написати ж. А нѣчто
каковы будут у Ивана вѣсти на Дону,—еще он и не дойдет до Азова, про крым-
л. 235 об. ског(о) Царя ‖ или про иное про что ни буди, и Ивану оттоле с тою вѣстью к Вели-
кому Князю воротити назад, кол(ь)ких пригож, ис тѣх же, которые их провожают, а
не тѣх, которые с ним в станицах посланы. А отписати ему к Великому Князю о
всем подлинно, что у них будут вѣсти.

А как, аж дасть Богъ, приѣдут в Каѳу и нѣчто в Каѳѣ также похотят на Иванѣ
пошлины имати съ его рухляди, и Ивану говорити Скиндерю то ж по Великог(о) Князя
наказу, что во всѣх землях с послов пошлины нѣт, да пошлины ему однолично
никак не давати. А нѣчто во Царѣ-Городѣ похотят пошлину имати, и Ивану посылати
о том к пашам, а велѣти о том говорити, чтоб пошлины имати не велѣли, да то ж
л. 236. говорити, что во всѣх землях с послов пошлины нѣт. А нынѣ (де) был ‖ посол Государя
вашег(о) у Государя нашег(о),—ино с нег(о) пошлины Государь наш не велѣл жо имати.
Да и вперед на послѣх пошлины не будет. Ано и не посол был у Государя нашего чело-
вѣк Салтанов Андрѣй, а была с ним грамота Салтанова, и Государь наш и с того по-
шлины имати не велѣл. Да пошлины однолично не давати, а говорити о том по Великог(о)
Князя наказу.

А как, ож дасть Богъ, придет Иван во Цар(ь)-Город и как Ивану велит Сюле-
мен Салтан итти к собѣ, и Ивану тогды итти къ Сулемен Салтану. И пришед к Сю-
лемен Салтану от Великог(о) Князя поклон правити и грамота подати, и поминки подати
по записи, и рѣчи говорити по записи ж по Великог(о) Князя наказу. А нѣчто пришлют
по Ивана паши, а велят ему быти у собя на подвор(ь)е и рѣчи собѣ велят говорити
л. 236 об. наказные Великог(о) Князя к Салтану, ‖ и Ивану к пашам на подвор(ь)е никак не
итти и речей не говорити. А говорити Ивану: „Меня Государь мой послал к Сулемен
Салтану и рѣчи мнѣ велѣл говорити брату своему, Сюлемен Салтану. И мнѣ к вам
на подвор(ь)е чего дѣля итти? Велит мнѣ Салтан у собя быти, и яз ему от своего
Государя и рѣчи говорю, а вам мнѣ рѣчи Государя своего как говорити? А был посол
Государя вашег(о) у Государя нашего—Скиндер(ъ), и он грамоты подал и рѣчи говорил
самому Государю, а бояром своим Государь наш не велѣл у нег(о) рѣчей слушати.
Сам Государь рѣчи его слушал“. Да говорити о том Ивану по Великог(о) Князя наказу,
а к пашам на подвор(ь)е однолично не итти и речей им наказных Великог(о) Князя
никак не говорити. А как Иван у Салтана будет и велит ему Салтан итти в другую
хоромину, да вышлет к нему паш, а велит пашам рѣчи выслушати у Ивана, и Ивану
л. 237. тогды пашам рѣчи говорити. ‖ А нѣчто, не быв у Салтана, велят ему паши собѣ рѣч(и)
говорити и не взможет тог(о) Иван отговорити, чтоб ему пашам посол(ь)ства наперед

[1]) Въ рукописи: „слуг“.

Салтана не говорити, и Ивану пашам дати список с посол(ь)ства на Салтановѣ ж дворѣ, опричѣ поклона и грамоты. Поклона ему пашам не говорити ни грамотты не дати. А рѣч(ь)ю пашам посол(ь)ства не говорити,—дати им список. А велит Салтан Ивану быти у себя, и Ивану к Сулемен Салтану итти, и поклон правити, и поминки подати по записи, и вѣрющая грамота подати, и рѣчи говорити по записи ж по Великог(о) Князя наказу. А поклон Ивану и посол(ь)ство правити Салтану стоя, а на колѣни не садитис(ь), а к пашам Ивану по подвор(ь)емъ никак не ходити. А как будет Иван у Салтана и опосле тог(о) нѣ ‖ что прикажут к Ивану пашы, а велят ему с собою видетис(ь) о л. 237 об.
Великог(о) Князя дѣле на Салтановѣ дворѣ, и Ивану с пашами видетис(ь) на Сулемен Салтановѣ дворѣ, а по подвор(ь)ем Ивану к пашам никак не ходити,—оприч(ь) тог(о), нѣчто которой паша позовет его к себѣ ѣсти, да и почтити его похочет, и Ивану к тому пашѣ ѣхати ѣсти.

А в которую пору Иван будет у Сюлемен Салтана, а в ту пору у нег(о) будут послы от крымског(о), или от угорског(о), или от литовског(о), или от иных Государей, от ког(о) ни буди,—и Ивану с послом к Салтану ни с которым вмѣсте никак не ходити, да ни индѣ нигдѣ с ними ни пити ни ѣсти не сходитися, оприч(ь) тог(о),—нѣчто которой посол похочет с ним видетис(ь) о Великог(о) Князя дѣле, и Ивану велѣти ему быти у собя на подвор(ь)е да с ним видетис(ь), или на поле выѣхати да с ним видетися и о дѣле Великого ‖ Князя говорити. А индѣ Ивану с ними нигдѣ не л. 238.
видетис(ь) и на подвор(ь)е к ним не ѣхати. А хоти и Сулемен Салтан велит ему у себя быти с которым послом въмѣсте,—и Ивану к Салтану с послом ни с которым никак не ходити. А отговариватися о том по Великог(о) Князя наказу. А прiѣдет Иван во Цар(ь)-Город, а Салтана во Царѣ-Городѣ не будет, а гдѣ будет индѣ,—в своем ли городѣ, или будет куды пошел на свое дѣло, и велят Ивану итти к Салтану из Царя-Города Салтана наѣзжати,—и Ивану тогды ѣхати к Салтану, гдѣ он будет. А нѣчто пашы Ивану велят быти во Царѣ-Городѣ ждати Салтана, и Ивану быти во Царѣ-Городѣ. И похотят пашы с Иваном видетис(ь) и то от него увѣдати, что с ним наказ от Великог(о) Князя к Салтану, речей похо ‖ тят слушати,—и Ивану первое отмолвитис(ь): л. 238 об.
„Послал меня Государь мой к Салтану. И как буду у Салтана, и яз ему и посол(ь)ство правлю“. И нѣчто учнут о том говорити пристайно, чтобы им то сказал, что наказ Великог(о) Князя к Салтану,—и Ивану дати пашам список с посол(ь)ства, а рѣч(ь)ю им одноличло никак не говорити, да и грамота им вѣрющая пашам дати, а поминков не дати. А дати поминки Салтану, как приѣдет Салтан. А будет во Царѣ-Городѣ и поминков к нему не велят в хоромы нести и гдѣ велят с поминки стояти, ино тут стояти с поминки. А говорити им о том по Великог(о) Князя наказу. Да говорити Ивану Салтану самому,—или с ним пашам велит говорити о дѣлех, и Ивану пашам говорити, чтоб Салтан с Великим Князем был в дружбѣ, и в братстве и в любви, ‖ и на л. 239.
всѣх бы недругов был с Великим Княземъ заодинъ: „А государь нашъ, Княз(ь) Великiй, с Салтаном хочет быти в дружбѣ и в братстве и в любви, и на всѣх недругов хочет быти с Салтаном заодинъ. И грамоты бы шертные меж Государя нашего и Салтана были о дружбѣ и о братстве, и правда бы межи их была. И послы б межи их ходили и люди их ѣздили без всякiе зацѣпки здоров(ь)я их видѣти, да и гости б ходили на обѣ стороны“. И взмолвят Ивану: „Каковы грамоты Княз(ь) Великiй с Салтаном о дружбѣ и о братствѣ хочет?“ И Ивану говорити: „С которыми с иными с Великими Государи Государь наш в дружбѣ и в братствѣ и в любви,—с Цысарем и с королем пол(ь)ским и с иными короли,—ино межи их грамоты—о дружбѣ и о братствѣ, и дѣло в тѣх грамотах

писано все, как им межи собя быти в дружбѣ и в братстве и в любви и на недругов
л. 239 об. заодинъ быти. Да на тѣх грамотах Государеве меж собя ‖ перед послы правду чинят да по тому и правят". И нѣчто взмолвят: „Ест(ь) ли с тобою список, каковымъ грамотамъ [1]) межи Салтана и Государя вашег(о) пригож быти?"—и Ивану говорити: „Нынѣ Салтан прислал ко Государю нашему своего посла Скиндеря. И Государь нашъ [велѣлъ] съ его послом съ Скиндерем говорити своим бояром, какъ Салтан со Государемъ нашим хочет быти в дружбѣ и в братствѣ, и каким крѣпостем о дружбѣ и о братствѣ межи их быти. И посол его Скиндер(ъ) говорил, что Сюлемен Салтан съ Государемъ нашим в дружбѣ и в братствѣ и в любви хочет быти. А о том с ним не наказано, как Салтану со Государемъ нашим быти в дружбѣ и в братствѣ, и каким крѣпостем меж Салтана и Государя нашег(о) быти. И Государь наш потому мнѣ и списка не дал, каким грамотам межи их быти.

И нынѣ похочет Салтан со Государемъ нашим быти в дружбѣ и в братствѣ,
л. 240. и Салтан бы нынѣ послал къ Государю нашему со мною вмѣсте своег(о) доброго ‖ человѣка такова, которому бы то дѣло л(ъ)зѣ было дѣлати, и о том бы с ним Салтан наказал, как быти Салтану со Государемъ нашим в дружбѣ и в братствѣ и на недругов заодинъ быти, и каким грамотам пригож межи их быти о дружбѣ и о братствѣ.

И Государь наш, по тому приговорив, велит грамоты написати, каким грамотам пригож меж их быти о дружбѣ и о братствѣ, да к Салтану съ его послом пошлет своего посла". Да говорити о том по Великог(о) Князя наказу. А нѣчто взмолвят: „Послал Салтан к Великому Князю свою грамоту с своим послом с Скиндерем и съ сг(о) человѣком с Трет(ь)яком послал же грамоту,—ино иным каким грамотам быти меж Государя нашего и вашег(о) Государя?" И Ивану говорити: „Прислал Салтан с Скиндерем грамоту ко Государю нашему, да и со Государя нашег(о) человѣком с Трет(ь)яком прислал грамоту. А писал Салтан в тѣх грамотах, что со Государем нашим хочет
л. 240 об. быти в дружбѣ и в братствѣ. А крѣпо ‖ стей никоторых в тѣх грамотах нѣт, как Государямъ быти в дружбѣ и в братствѣ, и на недруговъ быти заодинъ. А в грамотах в шертных пишут, как Государямъ меж собя быти в дружбѣ и в братствѣ и как им на недругов быти заодинъ. Да у тѣх грамот печати Государьскіе живут. И правда меж Государей бывает. То грамоты о дружбѣ и о братствѣ—утверженые". Да говорити о том по Великог(о) Князя наказу. А нѣчто взмолвят Ивану: „Говорил еси в рѣчи от своег(о) Государя Государю нашему, что на недруговъ быти заодинъ. Ино кто недрузи Государю вашему?" И Ивану говорити: „Дастъ Богъ, будет посол Салтанов у Государя нашег(о), ино ему будет вѣдомо, кто друг Государю нашему и кто недругъ". И нѣчто
л. 241. учнут о том Ивана пристайно вспрашивати, кто пак(и) недрузи Государю вашему,— ‖ и Ивану говорити: „Вѣдомо и вам: Менли Гирѣй Цар(ь) крымской Государю нашему был друг, а и сынъ его Магмед Гирѣй Цар(ь) Государю нашему также друг был. И нынѣ Магмед Гирѣй Цар(ь) Государю нашему учинился недругом. А и иные Государю нашему недрузи есть и друзи его. А Магмед Гирѣй Цар(ь) нынѣ прислал ко Государю нашему своих великих послов. И нынѣ послы его у Государя нашего. А меня Государь мой к Сюлемен Салтану отпустил, а еще межи Государя нашего и Магмед Гирѣя Царя миръ не бывал". И нѣчто взмолвят: „Государь нашъ с Великим Князем на крымског(о) будет заодинъ и помоч(ь) ему на крымског(о) учинит. А Государю нашему недруг литовской,—и Княз(ь) Великій со Государем нашим на литовског(о) будет ли заодинъ?" И Ивану говорити: „О том от Салтана ко Государю нашему съ его послом

[1]) Въ рукописи: „каков? грамоте".

приказу не было. И Государь нашъ к Салтану о том со мною не наказал ничего. А коли учинится Салтанъ ‖ со Государемъ нашим в дружбѣ и в братствѣ, и Государь наш на всѣх недругов с Салтаном будет заодинъ. А Салтан бы также со Государемъ нашим на всѣх недруговъ был заодинъ. А нынѣ о том Салтан, что прикажет ко Государю с нами, и мы то до своего Государя донесем. Да и с своим бы послом о том ко Государю нашему наказал". Да говорити о том по Великог(о) Князя наказу. А нѣчто взмолвят: „Как нынѣ Княз(ь) Великій с королем помирил лы ся?" И Ивану говорити: „Послы их межи их ходят: королевы послы у Государя нашег(о) были, а Государя нашег(о) послы у короля были. А мир межи их еще не сстался". А взмолвят Ивану: „Взяли, сказывают, меж собя перемир(ь)е?" л. 241 об.

И Ивану молвити: „Взяли перемир(ь)е меж собя на время на то, чтоб оружія меж собя отложити на обѣ стороны на время". ‖ А нѣчто вспросят Ивана: „А с Азсторокан(ь)ю как нынѣ Княз(ь) Великій?" л. 242.

И Ивану говорити: „Присылал Усеинъ Цар(ь) азстороканской ко Государю нашему своих послов, чтоб Государь наш был с ним в дружбѣ. И Государь наш и учинился с ним в дружбѣ. А и нынѣ у Государя нашего от Усеина Царя люди его есть".

Да в кою пору Иван у Салтана побудет и услышит то Иван, что крымской Цар(ь) хочет итти на Великог(о) Князя украйну или дѣтей своих и рат(ь) свою похочет послати,—и Ивану тогды говорити Салтану или пашам говорити: „Слышен(ь)е наше, что крымской Цар(ь) хочет итти на Государя нашего украйну. И Салтан бы нынѣ Государю нашему первую свою дружбу учинил: послал бы на крымског(о) людей своих и велѣл бы ему недружбу свою чинити и помѣшку бы ему чинити, чтоб ему на Государя нашег(о) украйну ходити не дати". Да говорити о том по Великог(о) Князя наказу. ‖ л. 242 об.

Да говорити Ивану пашам: „Которые гости Государя нашего придут в Салтанову землю, ино б над Государя нашего гост(ь)ми силы и неч(ес)ти никоторые не было и пошлин бы лишних на них имати не велѣл. А имали б пошлину по тому, как идет пошлина из старины. А Бож(ь)я воля сстанется: которог(о) гостя Государя нашего в животѣ не станет в Салтановѣ землѣ, а не будет с ним брата или племяни, кому тот живот взяти,—и Салтан бы своим приказщикомъ в тот живот вступатис(ь) не велѣл, а велѣл бы тот живот переписати да и запечатав положити дотоле, доколе по тот товар пріѣдет тог(о) человѣка брат или племя со Государя нашег(о) грамотою, или Государя нашег(о) человѣкъ к Салтану пріѣдет со Государя нашего грамотою. И Салтан бы тот товар велѣл отдати тому человѣку Государя нашего. А которые гости Салтановы пріѣдут во Государя нашего государства, ино над Салтановыми гост(ь)ми во Государя нашего землѣ силы и неч(ес)ти ‖ никоторые не будет, и пошлин лишних Государь на них имати не велит. А Божія воля сстанется: которог(о) гостя Салтанова во Государя нашег(о) землѣ в животѣ не станет, а не будет с ним брата или племяни, кому тот живот взяти,—и Государь наш также в тот живот вступатися не велит, а велит тот живот Государь наш переписати да запечатав положити дотолѣ, доколе по тот живот пріѣдет тог(о) человѣка брат или племя с Салтановою грамотою, или Салтанов человѣкъ ко Государю нашему пріѣдет с Салтановою грамотою. И Государь нашъ тот живот велит отдати тому Салтанову человѣку. А нынѣ которых людей Салтановых не стало во Государя нашего землѣ, и Государь велѣл животы их запечатати да нынѣ велѣл то Государь отдати послу Салтанову Скиндерю. Ѳеарбердѣя не стало во Государя нашего государствѣ,—и тот Ѳеарбердѣев живот Государь наш велѣл отдати Скиндерю. И Салтан бы нынѣ по тому ж учинил: которых Государя нашег(о) людей в Салтановѣ землѣ в жи- л. 243.

л. 243 об. вотѣ не стало ‖ ,—и Салтан бы тѣх людей животы велѣл нам отдати". Да говорити о том Ивану накрѣпко по Великог(о) Князя наказу. „А Великог(о) Князя гостей не стало в Салтановѣ землѣ,—Семена Ондрѣева сына Хозникова, и нынѣ со мною прїѣхал сынѣ его. И Салтан бы тот живот велѣл отдати сыну его. А лѣтос(ь) Государь наш посылал к Салтану своего человѣка Ивашка Лазарева. И Бож(ь)я воля сталася: тог(о) человѣка в Каѳѣ въ животѣ не стало. И Салтан бы тот живот велѣл нам отдати".

А нѣчто взмолвят Ивану: „Писал Государь наш Сюлемен Салтан к вашему Государю, что бѣжал от его гостя от Еѳархози одинъ паробок пократшы, а нынѣ во Государя вашег(о) землѣ. И Княз(ь) Великій тог(о) дѣтины в своем государствѣ не велѣл доискатися". И Ивану говорити: „Сказывал Скиндер(ь), что, как тот дѣ ‖ тина бѣжал от
л. 244. Еѳархози, и тому уж семнатцат(ь) лѣт. И Государь наш в своем государствѣ тог(о) дѣтины не мог доискатися: зан(е)же уж лѣт много прошло: нѣчто будет тог(о) дѣтины в животѣ не стало, или будет куды отшел в иные земли". Да пытати Ивану, как нынѣ туретцкой с крымским, и как с литовским, и с волошским, и с угорским. Сказывают, что взял Салтан Родос. Ино таки ли Салтан Родос взял? И будет взял, ино Салтановы ли люди нынѣ в Родосѣ? И родошаном что учинили? А у угорског(о) взял Бѣл-Город. Ино Бѣл-Город таки ли за ним? И на мут(ь)янской землѣ ег(о) ли люди, или будет мут(ь)янскіе люди его людей оттоле сослали? И о всѣх о тамошних дѣлех Ивану пытати подлинно ког(о) пригоже. Да посланы с Иваном казаки резанцы десят(ь) станицъ, да и список Ивану дан им по имяномъ: и гдѣ которых оставити. И Ивану тѣх каза-
л. 244 об. ков оставити в Азовѣ по списку ‖ четыре станицы. А в Каѳу ему тѣх казаков с собою взяти четыре ж станицы да оставити их в Каѳѣ. А с собою ему взяти казаков ко Царю-Городу двѣ станицы. Да которых казаков оставит в Азовѣ и в Каѳѣ, и ему тѣх казаков приказати: нѣчто крымской Цар(ь) похочет итти на Великог(о) Князя украйну или дѣтей своих и людей своих похочет послати,—и они б тогды ѣхали к Великому Князю станица. А иные бы еще там ся остали да вперед каковы там будут вѣсти, и они б ѣхали к Великому Князю по станицам жо, чтоб Княз(ь) Великій безвѣстен не был. Да как, дастъ Богъ, Иван будет у Салтана и рѣчи Салтану от Великог(о) Князя изговорит по записи и по Великог(о) Князя наказу, и Ивана стол(ь) борзо еще Салтан не отпустит, а за которыми дѣлы будет ему еще там мотчати,—и Ивану тогды послати
л. 245. к Великому Князю ка ‖ заков Великог(о) Князя, которые с ним посланы, кол(ь)ких пригоже. А с ними ему к Великому Князю отписати о всѣх о тамошних дѣлех подлинно. А нѣчто будет Ивану тѣх казаков не велят послати, и Ивану послати к пашам, чтоб донесли до Салтана, чтоб Салтан ослободил Ивану послати человѣка к Великому Князю. А как, ож дастъ Богъ, Иван отдѣлаетца у Сюлюмен Салтана, и Ивану у Сюлюмен Салтана проситис(ь) к Великому Князю. И учнет его Сюлемен Салтан отпущати на Крым, да и своего посла учнет с ним отпущати на Крым, и Ивану о том Сюлюмен Салтану говорити, чтоб его на Крым не отпущал, а отпустил бы его и своего посла на Азов, да и проводити б его велѣл и своего посла до Великог(о) Князя украйны, чтоб им безстрашно ѣхати до Великог(о) Князя украйны. А нѣчто будет Ивану пел(ь)зѣ
л. 245 об. тог(о) отговорити, чтоб ‖ ему на Крым не итти, а велит ему Салтан на Крым итти вмѣсте с своим послом,—и Ивану тогды и на Крым итти вмѣсте с Салтановым послом по Салтанову велѣн(ь)ю.

А опослѣ Ивану говорити накрѣпко по Великог(о) Князя наказу, чтоб Салтан послал к Великому Князю своего посла человѣка доброго. А нѣчто Скиндер(ь) учнет прiѣхав там говорити, что будто его Княз(ь) Великій не жаловал и бережен(ь)я ему

от Великог(о) Князя не было и кормы собѣ учнет сказывати малы и нечесть которую учнет собѣ сказывати, и нѣчто там о том Ивану учнет кто говорити, или хоти Ивану и не учнут о том говорити, а послышит то Иван, что Скиндер(ъ) то говорит,—и кто Ивану учнет о том говорити,—и Ивану тому говорити. И не учнут говорити, ино пашѣ которому молвити в розговоре, каково было жалован(ь)е Скиндерю от Великог(о) Князя. ‖ А говорити Ивану по тѣм списком, каковы ему списки дали о тѣх дѣлех л. 246.
казначѣи, что Скиндерю корму давано и что ему Княз(ь) Великій давал жалован(ь)я. И Ивану говорити по тѣм списком. А говорити: „То Скиндер(ъ) говорит негораздо; Государьское жалован(ь)е было к нему велико, честь ему была великая и кормы великіе даваны. А от Государя ему жалован(ь)е давано много и честь ему велика была, а ни в чем ему безчестія никоторог(о) не было“. Да говорити Ивану по тѣ(м) списком, каковы ему даны: „А то Скиндер(ъ) говорит негораздо, что к собѣ жалован(ь)я Государя нашег(о) не сказывает, а такое ему было жалован(ь)е“.

Да и то Ивану молвити в розговоре: „Государем Великим пригож промеж собя посылати таких людей, которые бы жили близко при Государех и дѣло бы знали и жалован(ь)е бы Государьское знали, а не корысти б смотрили“. И нѣчто взмолвят Ивану: „А то честь ли была ‖ Скиндерю: приѣхав к нему люди на подворье, да людей л. 246 об.
его перебили и самог(о) лаяли, и в том ему обороны не учинили?“

И Ивану говорити: „Во Государя нашего государствѣх много чюжих людей изо многих зем(е)ль. И приставовѣ Государя нашего говорили Скиндерю, чтоб его люди без пристава с подвор(ь)я не ходили. И люди Скиндеревы приставов не слушали и с подвор(ь)я ходили без приставов. И ѣхали пьяни азстороканског(о) посла люди и Скиндеревы люди пьяни ж с ними побранили, да учали их Скиндеревы люди бити, а они противу с ними учали битис(ь). И Скиндеревы люди их же били да переимав и перевязали, и сказали Государя нашего приказчиком, кому тѣ дѣла приказаны. И они послали да тѣх азстороканског(о) посла людей велѣли пустити. Ино было Скиндеревых людей как боронити? А они ж азстороканцов били и перевязали“. Да говорити по Великого Князя наказу: ‖ „А спросите о всѣх дѣлех янычан: Асана да Усейна и иных л. 247.
янычан, как там честь была Скиндерю и как там дѣла дѣлалися,—тол(ь)ко бы вам сказали правду“. И нѣчто учнут говорити: „А которой полон Скиндер(ъ) окупив привез на Москву да и армена привели полонъ,—и они у него силою тот полонъ отнимали, а денегъ не платили, а и платили ден(ь)ги да не всѣ?“ И Ивану говорити: „Которой полон Скиндер(ъ) привел да и армена полон привели да сказали приказным людем Государя нашег(о), на ком что дати. И которых людей привели с собою, и тѣ люди били челом Государя нашего приказным людем, что их которая армена окупали, а ден(ь)ги на них давали не многие, а в кабалы писали и прибавливали ден(ь)ги многие. И приказщики Государя нашег(о) велѣли им о том говорити, чтоб имали прямые ден(ь)ги. И армена опят(ь) говорили, что на них денег не тол(ь)ко да ‖ вали да гово- л. 247 об.
рили и не одинова не в одно слово. И как пришли на мѣру,—сказали правду, что на ком давали,—и казначѣи Государевы велѣли им на тѣх ден(ь)ги правити. И доправили им ден(ь)ги часа тог(о). А дотоле им денег не доправили по их рѣчем, что они негораздо сказывали“. А нѣчто вспросят Ивана: „А как Скиндер(ъ) выѣхал с Москвы,—и они у нег(о) на дорозе людей поотнимали?“ И Ивану говорити: „Которые люди были с Скиндерем Салтановы и его люди, и Государь нашъ (с) Скиндерем тѣх людей всѣх отпустил и зацѣпки им не было никоторые. А то было так: взял Скиндер(ъ) с собою крымцов. И Государя нашег(о) приставове, которые были у Скиндеря,—провожали

Скиндеря за город,—да познали крымског(о) татарина,—а он с Скиндерем ѣдет. И наши приказчики тог(о) татарина у нег(о) взяли тог(о) дѣля, что взял его Скиндер(ъ) с собою
л. 248. без вѣдома. Да и иных был Скиндер(ъ) людей крымских поимал ‖ с собою. И как Государя нашег(о) приставовѣ тог(о) крымца у Скиндеря на дорозе взяли, и Искиндер(ъ) и тѣх людей от собя отослал".

Да говорити о том о всем по Великог(о) Князя наказу. А нѣчто вспросят Ивана: „Ты поѣхал к нам, а Княз(ь) Великій нынѣ гдѣ и брат(ь)я его у нег(о) ли или по своим отчинам?" И Ивану говорити: „Яз поѣхал от своего Государя, а Государь мой на Москвѣ, а брат(ь)я его по своим отчинам". И взмолвят Ивану: „А на сем лѣте Великому Князю гдѣ быти?"

И Ивану говорити: „Яз тог(о) не вѣдаю, гдѣ на сем лѣте быти Государю нашему,— а яз поѣхал, а он на Москвѣ". И нѣчто взмолвят: „Сказывают, что быти на сем лѣте
л. 248 об. Великому Князю на своем дѣле на Коломнѣ". ‖ И Ивану говорити: „Того яз не вѣдаю, гдѣ Государю самому быти. А то есмя слышели, что Государь наш воеводам своим и людем многим велѣл быти на Коломнѣ. А тог(о) не вѣдаемъ, гдѣ Государю нашему на сем лѣте самому быти". А се такова память дана Ивану ж о Марке о Ѳрязинѣ. Да памят(ь) Ивану: „Нѣчто его вспросит Салтан или кто от Салтана его вспросит": „Писал яз к Великому Князю о Марке о лѣкаре, чтоб его ко мнѣ отпустил,—и Княз(ь) Великій его ко мнѣ чего дѣля не отпустил?" И Ивану говорити: „Марко, Господине, пріѣхал ко Государю нашему давно, а пріѣхал еще при отцѣ при твоем да бил челом Государю нашему в службу. Да и о том бил челом, чтоб Государь нашъ приказал к отцу
л. 249. твоему о его женѣ, чтоб отець твой ‖ жену Маркову к нему отпустил. И Государь наш и о женѣ его к отцу къ твоему и приказывал с своим сыном боярским з Борисом з Голохвастовым, чтоб жену его к нему отпустил. И отецъ твой, Салим шах Салтан, и хотѣл жену Маркову отпустити. А нынѣ въ Великом Новѣ-Городѣ болен боярин Государя нашего княз(ь) Александръ Володимерович. И Государь наш послал его тог(о) боярина лечити. А и нынѣ бы Салтан Маркову жену ко Государю нашему отпустил". А не взмолвят о том Ивану, и Ивану о том не говорити ничего. А се такова дана памят(ь) о Адрахмене о каѳинцѣ. Памят(ь) Ивану Семенову: „Нѣчто взмолвят ему про то, что на Москвѣ сидѣл в тюр(ь)мѣ каѳинской гость Адрахман,—чего дѣля тог(о) гостя Салтанова сажали в тюр(ь)му и такую ему соромоту чинили?" И Ивану говорити:
л. 249 об. „То еще над Адрахманом милость ‖ показали казначѣи Государскіе: а он был дошел казни, а Адрахман учинил такое великое невѣж(е)ство: пришед на Государя нашег(о) двор на казенной да говорил Государя нашег(о) приказным людем, казначѣем, невѣжливые рѣчи, лаял им великою лаею. И казначѣи Государя нашего велѣли его про то вкинути в тюр(ь)му. А казнити его не велѣли, его жалуючи, да и Государю тог(о) не сказали. А тол(ь)ко бы то казначѣи Государя нашег(о) Государю сказали, ино было ему быти кажнену. И они, ег(о) же жалуючи, Государю тог(о) не сказали. И сказали б Государю,—ино было ему быти кажнену. И Искиндер(ъ) присылал х казначѣем, чтоб его выпустили из тюр(ь)мы. И казначѣи его велѣли выкинути из тюр(ь)мы для Скиндеря". А се такова памят(ь) дана Ивану ж о Садет Гирѣй царевиче и о Ахматовых царе-
л. 250. вичевых дѣтех. Памят(ь) Ивану Семенову сыну Морозова. „Как, ож ‖ дастъ Богъ, пріѣдет к Салтану и будет у Салтана царевич крымской Менли-Гирѣев Царевъ сынъ Садет Гирѣй или будут Ахматовы царевичевы дѣти мен(ь)шіе у нег(о) жо,—и Ивану ко царевичам послати Великог(о) Князя татарина, ког(о) пригож, которой бы вѣрен,— или будет ему ког(о) пригож послати. И ког(о) Иван ко царевичем пошлет, ино б

тог(о) не вѣдал нихто. А приказати ему с тѣм ко царевичем: „Есть, Господине, со мною к вам от Государя моего рѣчи. И вы мнѣ с собою гдѣ велите видетис(ь)?“ И Ивану видетис(ь) с ними тайно. И царевичи б тог(о) межи себя не вѣдали один одног(о). И как Иван у которог(о) царевича будет,—и у царевича бы был Иван да толмач, а иной бы не был никто. Да говорити Ивану рѣч(и) царевичем от Великог(о) Князя: „Княз(ь) Великій велѣлъ тобѣ говорити“: „Чтоб еси похотѣл с нами быти в дружбѣ, а мы с тобою хотим быти в дружбѣ и дружбу свою хотим к тобѣ держати. А ты б к нам также дружбу ‖ свою держал; и другу бы еси нашему друг был, а недругу недругъ и л. 250 об.
дѣла б еси нашего берег, а нам дружбу свою чинил. А мы к тобѣ добро свое хотим держати и дружбу свою чинити. А что будет твое дѣло или вперед что свое дѣло захочеш дѣлати,—и ты б к нам приказывал и мы к тобѣ свою дружбу хотим держати“.

И нѣчто царевич учнет говорити Ивану: „Хочю яз ѣхати к Великому Князю“. И узнает то над ним Иван, что он ему говорити прямо, что хочет ѣхати к Великому Князю,—и Ивану ему говорити: „Похочеш, Господине, ѣхати ко Государю нашему,— и ты, Господине, поѣди къ Государю нашему. А Государь наш тобѣ в своей землѣ мѣсто дастъ, как тобѣ пригож быти у Государя нашего“. И взмолвит царевич: „Поѣду яз к Великому Князю, и Княз(ь) Великій мнѣ в своей землѣ мѣсто даст ли?“ ‖ А учнет л. 251.
имянно говорити о городкѣ о Мещерѣ: „Даст ли мнѣ Кня(з)ь Великій?“ Или об ином городкѣ, о котором учнет говорити: „Даст ли мнѣ Княз(ь) Великій тот город?“ И Ивану говорити: „Коли, Господине, поѣдеш ко Государю нашему и чег(о) учнеш у Государя нашег(о) просити или о чем ко Государю нашему прикажеш, а учнеш у нег(о) чего просити,—и Государь наш тобѣ в своей землѣ мѣсто дастъ. Мног(о) у Государя нашег(о) городов и волостей: есть ему, что тобѣ дати, гдѣ тобѣ у нег(о) быти“.

А учнет говорити о Коширѣ: „Даст ли мнѣ Княз(ь) Великій Коширу?“

И Ивану говорити: „Поѣдеш, Господине, ко Государю нашему, и Государь наш тобѣ Коширу даст“. И похочет царевич у Ивана на том правды: „Как яз буду у Великого Князя, и Княз(ь) бы Великій дал мнѣ городок Мещеру“. ‖ И Ивану на том л. 251 об.
правды не давати, а говорити ему царевичу: „Как, Господине, будеш у Государя нашего и учнешъ чег(о) у Государя нашег(о) просити,—ино, Господине, у Государя нашего мѣстъ много: есть ему, что тобѣ дати. А мнѣ, Господине, на том, как правда дати? То вѣдает Богъ да Государь наш, что тобѣ дастъ“. Да на Мещерѣ правды не давати и не иматися в том. А говорити о том по Великог(о) Князя наказу. А Ахматовым царевичевым дѣтем то ж ему говорити, чтоб похотѣли ѣхати к Великому Князю. А Княз(ь) Великій их жаловати хочет. А се такова памят(ь) дана Ивану ж. Памят(ь) Ивану Семенову.

„Х кому с ним послал Княз(ь) Великій свои поминки в Азов и грамоту к Бургану азовскому и к Магметю беккулу,—и Ивану та грамота и поминок ‖ дати Бургану и л. 252.
Магметю тайно, чтоб тог(о) Скиндер(ъ) не вѣдал. Да и словом Ивану молвити Бургану и Магметю, чтоб Великому Князю служили прямо. Да каковы будут вѣсти, и они б Великог(о) Князя о всем без вести не держали. А Княз(ь) Великій их и вперед жаловати хочет. А беречи Ивану тог(о) накрѣпко, чтоб тог(о) Скиндер(ь) не вѣдал, что Княз(ь) Великій к Бургану грамоты и поминки посылает“.

А се такова грамота с Иваном послана к Салтану о рухляди Великого Князя. А имя Божіе и Великог(о) Князя и Салтаново писано в крузѣх золотом.

„Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣк сы(й) и нынѣ есть: ‖ Отецъ и Сынъ и Святый л. 252 об.
Духъ. Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Руси

и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугор(од)скій, псковскій, смоленскій, тѳерскій, югорскій, пермьскій вятцкій, болгарскій и иныхъ, Сюлемен шах Салтану, Государю костянтинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и наталѣйскому, и римскому, и караманскому, и румскому, и иных земел(ь) Государю, и брату, и доброму прїятелю. Послали есмя с послом с своим с Иваном Семеновичем свою рухляд(ь) на нѣкоторую потребу. А велѣли есмя ему в твоей землѣ на себя купити, что нам требе. И ты б, брат наш, приказал своим приказчиком, чтоб с тое с нашие рухляди пошлинъ никоторых не
л. 253. имали; да и торговца б еси ему ‖ велѣл дати, кому купити, что будет надобе на наши потребы. Писан в нашем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ. Лѣт(а) ҂зла (1523) апрѣля". А се такова грамота послана к Салтану с Иваном же о зауморкех.

А имя Божіе и Великог(о) Князя и Салтаново и их государства писаны золотом в крузѣх же по тому ж, как в первой грамоте. „Божія воля ссталас(ь): в твоей землѣ не стало нашег(о) гостя Семена Андрѣева сына Хозникова. И твои приказчики, товар его собрав и переписав, запечатали, и нынѣ тот товар лежит в твоей землѣ у твоих приказчиков. А лѣтос(ь) посылали есмя к тобѣ своего человѣка Ивашка Лазарева с своею грамотою. И Божія воля ссталася: тог(о) нашего человѣка Ивашка в Каѳѣ в
л. 253 об. животѣ не стало. И приказчики твои тот его товар также собрали и переписавъ ‖ запечатали. И нынѣ поѣхал с нашим послом с Иваном Семенов сынъ Хозникова Васюк. И ты б тот Семенов товар велѣл отдати сыну его Васюку. А Ивашков бы еси живот Лазарева велѣл дати послу нашему Ивану. Да и иных будет которых наших людей не стало в твоей землѣ, а животы их собраны и переписаны и запечатаны стоят у приказчиков,—и ты б также тѣх наших людей животы велѣл отдати послу нашему Ивану.
л. 254. Писан в нашем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ. Лѣта ҂зла (1523) марта". ‖ А се такова грамота послана Бургану агѣ азовскому с Иваном же Семеновым.

„Великій Государь Василей, Божіею мілостію един правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугородскій, псковскій, смоленскій, тѳерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных. Брата нашег(о) Сюлемен Салтанову слузѣ Бургану агѣ азовскому. Каковы будут вѣсти в Азове,—и ты б нам служил: о вестех бы еси нас без вести не держал. А нѣчто услышиш про нашег(о) недруга про крымског(о): нѣчто похочет крымской итти на нашу украйну,—и ты б нам служил: нас бы еси о том без вести не держал. А мы тобя за твою службу жаловати хотим. А нынѣ послали есмя к тобѣ свое жалован(ь)е с своим послом с Иваномъ Семеновичем. Писан на Москвѣ.
л. 254 об. Лѣт(а) ҂зла (1523) апрѣля". ‖

А се такова грамота послана к Магмед бекъкулу азовскому с Васил(і)емъ с Верхъдеревским. А государства писаны в крузе ж.

„Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Русіи и иным многимъ землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугородскій, псковскій, смоленскій, тѳерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных. Брата нашег(о) Сюлемен Салтанову слузѣ Магмед беккулу азовскому. Что нам служиш и нас о вестех без вести не держиш,—ино то дѣлаеш гораздо. И мы, ож дастъ Богъ, за твою службу тебя жаловати хотим. А ты б и вперед нам служил. И каковы у тобя будут вѣсти, и ты б к нам о вестех отписывал. И нас бы еси о вестех без вести не держал. А нынѣ послали есмя к тобѣ свое жалован(ь)е с своим послом с Иваном с Семеновичем с Морозовым.

Да послали есмя ‖ проводити брата своего Сюлемен Салтанова посла Скиндеря и своего посла Ивана до Азова своег(о) сына боярског(о) Васил(і)я Өедорова сына Верхъдеревског(о), а с ним своих людей. И как, ож дастъ Богъ, придут в Азов и будет им время и л(ь)зѣ им итти из Азова,—и ты б их из Азова отпустил и проводити их велѣл до нашіе украйны, чтоб им, как дал Богъ, до нашие украйны здорово и без страху доитти. А будет им из Азова еще не время итти и побыти им будет в Азовѣ,—и вы б их берегли, чтоб им нечести ни от ког(о) не было. А как будет время и л(ь)зѣ им итти,—и ты б их тогды из Азова отпустил и проводити их велѣл, чтоб им без страху доитти до нашие украйны [1]). Да велѣли есмя оставит(ь) послу своему Ивану в Азовѣ станицы казаковъ своих; и ты б им велѣл быти в Азовѣ. Да каковы будут у тобя вѣсти в Азовѣ,—и ты б тѣх казаков к нам отпущал по станицѣ или по(с)кол(ь)ку будет пригож, чтоб яз безвѣстен не был. Писан на Москвѣ. Лѣт(а) ҂зла (1523) апрѣля.“ ‖ л. 255. л. 255 об.
А се такова грамота послана Салтанову послу Скиндерю. А государьства писаны мен(ь)шіе в крузе ж.

„Брата нашег(о) Сюлемен Салтанову послу Скиндерю князю. Которые наши люди украинные ходят по своим ухожаем на поле, а иных людей мы посылаем на поле своег(о) для дѣла,—и казаки азовскіе тѣх наших людей на поле имают, да водят в Азов, да их продают, и мног(о) лиха чинят нашим людем. И мы нынѣ о том приказали къ брату своему, к Сулемен Салтану, с своим послом с Иваном с Семеновичем с Морозовым. А ты от нас брату нашему, Сюлемен Салтану, молви ж, чтоб в Азов приказал своим приказчиком, а велѣл бы тог(о) беречи накрѣпко, чтоб азовскіе казаки наших людей на поле не имали и лиха бы им никоторог(о) не чинили. А хоти и попадет в руки азовским казаком наш человѣкъ, и приказчики б азовскіе тѣх наших людей у казаков имали, да к нам их отпущали, а денег бы ‖ на них не имали, чтоб тѣ казаки нашим людем лиха не чинили. Писан на Москвѣ лѣт(а) ҂зла (1523) апрѣля“. л. 256.

А Ивана Семенова Княз(ь) Великій отпустил марта 30 и поѣхал с Москвы.

А с Иваном послал Княз(ь) Великій Русина Бортенева да под(ь)ячег(о) Михаля Захарова да толмача Елболду. А клалис(ь) въ суды в Донковѣ. И пошли из Донкова в другую недѣлю по Велице дни в недѣлю Мироносицкую—апрѣля. А казаков резанцов послано с Иваном до Азова, которых ему воротити назад и которым побыти в Азовѣ, 5 станицъ. А в Каөу ему взяти с собою казаков и оставит(ь) тут 4 станицы. А с собою во Цар(ь)-Город взяти Ивану 11 станиц. ‖ Августа. Іюл(я) 28 дни [2]). Пріѣхали к Великому Князю из Азова от Ивана от Семенова казаки: Мижуня Нечаевъ с товарыщи з грамотою, да от Магмет беккула азовског(о) привезли грамоту ж. А се грамота Иванова к Великому Князю с Мижунею с товарищи. „Государю, Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Русіи, холопъ твой Иванецъ Семенов челом бьет. Божіею, Государь, милостію и твоим Государьским здоров(ь)ем Сюлемеч Салтанов посол Искиндер(ь) да и мы со всѣми люд(ь)ми пришли в Азов, дал Богъ, совсѣм поздорову, маіа 19. А стрѣтил, Государь, нас из Азова против рыбные ловли от города версты за четыре или за пят(ь) Аспага Ареиэпаганъ азовскій со многими люд(ь)ми на дву косопах с честію. А Сюлемен Салтана, Государь, сказывают нынѣ во Царѣ-Городѣ. ‖ А что есмя, Государь, в Азове вѣстей слышели, и мы, Государь, все то написав, да к тобѣ, ко л. 257. л. 257 об.

---

[1]) Въ рукописи: украйну.
[2]) Въ рукописи: послѣ августа прямо стоитъ іюль.

Государю, список послали с твоими Государьскими казаки: с Мижунею с Нечаевым да с Ивашком с Полубояриновым и съ их товарищы. А отпустили есмя их к тебѣ, ко Государю, полем июля 1. А затѣм есмя к тебѣ, Государю, ранее тог(о) с тою вѣстію полем не отпустили: сказывали, Государь, что полем проитти не мощно: по обѣ, деи, стороны Дону стояли многие нагайскіе татаровѣ с крымским полоном. И мы, Государь, наперед того июня 11 отпустили к тобѣ, Государю, с тою вѣстию в каюкѣх Доном твоихъ Государских казаков: толмача Гаврилка Буда да Иванка Звепцова с товарищы. А зашол, Государь, тот Гаврилко в Азов съ Яковом да Стрекалом: да по грѣхом, сказывает, в Азовѣ заболѣл. А в кою пору, Государь, крымскіе татаровѣ и азсторокани бѣгли от нагайских мырзъ и за Донъ возилися, и как, Государь, крымцы
л. 258. на Дону топли,—а тѣ, ‖ Государь, казаки Гаврилко и Иванко в ту пору на Дону были, а то видели.

Да и мы, Государь, видели, по перевозом к Азову идучи, днищ за пят(ь) и за шесть и за десят(ь), по которым мѣстомъ крымцы (за) Дон возилися. Ино, Государь, лежит топлых лошадей и верблюдов по берегу и по полю и телѣгъ метано добрѣ много; да и татарове, деи, Государь, крымскіе по перевозом многие топли. А что, Государь, отпустил еси нас наперед нас своих Государьских казаков резанцов к Азову полем: в головах Сенкю Курова с товарыщи да с ним дѣтей боярских Васюка Ивашенцова с товарищы, да три татарины,—и тѣ, Государь, казаки и дѣти боярскіе в Азовъ не бывали. А говорят, Государь, что их азовские казаки на поле побили, а иные, деи, у них поутекали ранены и ограблены. А при нас, Государь, азовскіе ж казаки привели в Азов твоих дѣтей боярских: Данилка Понцова, Ивашка плаксу Ушакова,
л. 258 об. Горяинка Иванчина, Гридю Мордвинова, Матѳѣйка Шпряева, ‖ Дулѣпка Аристова, Мишу Сорокина. И мы к тобѣ, Государю, с твоими казаки с толмачем з Гаврилком да с Иванком о том писали ж, что есмя Сюлемен Салтанову послу Изкиндерю и азовскому Кадыю и Диздару и Аспагѣ Арепзю и всѣм приказным людем о том говорили, чтоб они у казаков тѣх дѣтей боярских взяли да нам отдали. И Салтановы, Государь, азовскіе приказчики Кадый и Диздар и Аспага Арепз и всѣ приказные люди тогды нам отвѣчали так: „Нынѣ, дей, нам тѣх дѣтей боярских у казаков отняти, ни вам отдати без Государя нашег(о) вѣдома не мочно. И мы, деи, нынѣ тѣх азовских казаков велим подавати на поруки, чтоб у них тѣ дѣти боярскіе не изгибли и в нуже не были до Государя нашего указу. А тѣх, деи, Государя вашег(о) людей перепишем по имяном, да тот список пошлем къ своему Государю. И тѣ, деи, люди Государя вашег(о) не изгибнут до Государя нашег(о) указу. И после тог(о), Государь, спустя д(е)нь с пят(ь)
л. 259. казаки азовскпе учали тѣх ‖ дѣтей боярских продавати на корабли. И Василей Верхъдеревской и дѣти боярские тѣх, Государь, дѣтей боярских окупили. А после тог(о), Государь, азовскіе ж казаки привели в Азов дѣтей боярских: Олексѣя Бабина, да Олексѣя Головенкина, Сидора Яковцова сына Захар(ъ)ина да Ѳому Булгакова. И Алексѣя, Государь, Бабина окупили Русин Бортенев да Василей Верхъдеревской. А послали есмя к тебѣ, Государю, с твоими казаки с обѣма станицами Доном и полем списки слово в слово. А третей, Государь, список таков же дали есмя Васил(ь)ю Верхъдеревскому притчи для. А что есмя, Государь, в Азовѣ вестей слышели после первые станицы, и мы к тобѣ, Государю, нынѣ и то отписали з другою станщею с Мижунею с Нечаевым и с его товарыщи. А о Васил(е)ве, Государь, отпуске Верхъдеревског(о) и о проводѣх говорили есмя в Азовѣ с Искиндерем и со всѣми
л. 259 об. приказными люд(ь)ми. И они, Государь, о том в Азовѣ п(р)овода не умѣли учинити. ‖ А

приговорили, Государь, что им о Васильевѣ отпуске отписати х каѳинскому Санчаку. „И что, деи, нам о Васил(ь)е Санчакъ отпишет, и мы, деи, Васил(ь)ю по тому и провод учиним". А мы, Государь, из Азова х Каѳѣ пошли и на карабль сѣли июля 1.

А как, ож дастъ Богъ, Государь, в Каѳу придем и что, Государь, там вѣстей будет, и мы к тобѣ, Государю часа тог(о) о всем отпишем с Васил(і)ем Верхъдеревскимъ".

А се грамота Магмед беккула азовског(о) с Мижунею с Нечаевым с товарищы.

„Государю, Великому Князю Василію Ивановичу всея Руси, бѣлому Царю, холопъ твой Магомет бек азовскій Государю своему низко челом бьет. Жаловал еси, Государь, меня холопа своег(о): велѣл еси, Государь, собѣ служити. А велѣл еси, Государь, себя без вести не держати, каковы у нас в А‖зовѣ ни получать. Послал есми с весны с л. 260.
вест(ь)ми к тобѣ, Государю, четыре человѣки на своих конех о дву кон(ь): брата своег(о) Кебекчѣя да твоего сына боярског(о) Костею зовут Булгаков сынъ, да Ортюшею зовут Москвитин, да Мишкою зовут з грамотами, что, Государь, Царя крымского и Багатыр Салтана Мамай мырза потерял и силу их, Государь, всю побил. А кои, Государь, нарозно бѣгли крымци, ино, Государь, нагайская погоня и тѣх переняла, до Крыма не допустила и тѣх, Государь, побили. Утекли были, Государь, два Салтана: Казы Гирѣй Салтан да Бибѣй Салтан. Собрав, Государь, и достал(ь) сил своих, да стали у Перекопи. Нагайскіе, Государь, мырзы пришли и крымскіе с ними, Государь, билис(ь) три дни. И Богъ пособил нагаем: тут, Государь, и достал(ь) силу крымскую побили, а Салтаны утекли. И нагаи, Государь, мѣсяцъ равенъ воевали. Из горъ, из лѣсов волочили жены и дѣти и живот вес(ь) выгонили. Потом, Государь, сѣл был на царствѣ Казы Гирѣй Салтан. И твоему, Государь, ‖ брату, Сюлемен Царю, вѣсть пришла, что л. 260 об.
Царя крымског(о) убили и сила побита и Перекоп(ь) разорена, а на царствѣ сѣл Казы Гирѣй Салтан. И брат твой, Сюлемен Цар(ь), послал своего Салтана Саидет Гирѣя на царство. И Саидет Гирѣй Салтанъ приѣхал в Каѳу. И Казы Гирѣй Салтан, насаженой на царство, приѣхал в Каѳу ж к Саидет Гирѣй Салтану и Бибѣй Салтан. И по приказу брата твоег(о), Сюлеменя Царя, Саидет Гирѣй Салтан велѣл новому Царю Казы Гирѣю Салтану головы снят(ь)[1]). А Бибѣй Салтана и Чобан Салтана поимал да оковал и Абдрахман(а) бия оковал же. И иных многих князей и мырзъ переимал да и послал ко Царю-Граду. А нынѣ, Государь, брат твой, Сюлемен Цар(ь), посадил на царство Саидет Гирѣя Салтана. А молвил Государь наш: „Яз тебя с своим братом, с Великим Княземъ Василіем Ивановичем, смирю". А не велѣл ему никакова казака под твою украйну отпускати. Хто не станет слушати новог(о) Царя Саидет Гирѣя,—велѣл брат ‖ твой, л. 261.
Сюлемен Царь, на кол бити и пластати. А прислал Государь нашъ из Царя-Града дватцат(ь) тысяч конной силы да пят(ь)сот пищал(ь)ников поберечи новог(о) Царя, доколе укрѣпится.

Да еще, Государь, иные тобѣ вѣсти. Послал Саидет Гирѣй Цар(ь) Бабиш бия азстороканскому Царю Усейн Салтану о смиреніи и о братствѣ. А молвит так, чтоб еси нагайских мурзъ не перепустил за Дон на свою сторону, на азстороканскую. Да Агыш бию послал Девлет Келдѣем зовут татарина с тѣми ж рѣч(ь)ми, чтоб Агыш бий нагайских мурзъ не перепустил за Волгу. Саидет Гирѣй Цар(ь), кров(ь) взыскивая брата своего, Царя крымског(о), и Багатыр Салтана, а надѣятца на силу на отманског(о): и на то, Государь, грозу пущают. А нагайскые мурзы, Государь, на тѣ грозы и не смотрят. А пришли тѣ два посла ис Крыма в Азов на корабли. Полем, Государь,

[1]) Въ рукописи: стят(ь).

не смѣли ѣхати: от нагаи не проѣхати. Да еще, Государь, слышен(ь)е наше таково,
л. 261 об. что ‖ тебя, Государя Великог(о), устрашился Цар(ь) казанской: с Казани збѣжал да нашибся на Агышъ бия, и Агиш бий, Государь, и тог(о) потерял. А правой вѣсти, Государь, нѣт. Да в Азсторокани, Государь, посол твой осенешний добръ здоров. Царя, Государь, нагаи потеряли, а посла твоего ополонили да в Азсторокани оставили, а сами в погоню за крымскою силою пошли на третей день. Усейн Цар(ь) в Азсторокан(ь) въѣхал и сѣл на своем юртѣ без нагаи. А нагаемъ было, Государь, хотѣлос(ь) Азсторокан(ь) и город розкопат(ь). И царь Усейн нынѣ посла твоего вел(ь)ми чтит, да и хотѣл к тобѣ, Государю, отпустити: инъ, Государь, побоился, что, Государь, не проѣхати. Что есми холопъ твой, Государь, по ся мѣста вѣдал, то есми и списал тобѣ, Государю Великому, с твоим казаком с Мижунею послал. А затѣм, Государь, кои дѣла ни увѣдаю твои Государьскіе,—тебя, Государя, без вести не учну держати; а чтоб еси, Государь, сми-
л. 262. ловался, пожаловал ‖ меня, своег(о) холопа: прислал бы еси мнѣ портище чорных лисицъ. И яз бы про тебя, Государя Великог(о), и про твою радость сам износил перед твоим братом, а перед своим Государемъ Сюлемен Салтаном. А я тобѣ, Государю Великому, низко челом бью. в лѣт(о) ҂злв? (1524) писана грамота мѣсяца июня 24 день“. А иные грамоты и списки о вѣстех, что писали к Великому Князю из Азова Иван Семенов и Магмед беккул азовской, и тѣ списки лежат в сувое в лѣте ҂зла (1523)
л. 263. августа, а в книги не писаны. ‖ И лѣто ҂злв (1523) октября из Азова приѣхал к Великому Князю от Магмед беккула азовског(о) з грамотою Ѳедко Каменев резанецъ. А се грамота к Великому Князю с Ѳедком.

„Государю, Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Русіи, всесвѣтлому Государю, бѣлому Царю, холопъ твой, Государь, Магомет бек азовский Государю своему низко челом бьет. Мѣсяца, Государь, июля 26 дня пришел, Государь, посол Усейна Царя азсторокайског(о), а зовут, Государь, посла Аджи Холи бий. А идет, Государь, к Саидет Гирѣю Царю крымскому. А говорил, Государь, Цар(ь) Усейн крымскому Царю: „Похочеш с нами быти въ братствѣ и в дружбѣ, а похочеш своег(о) тушмана доставати,— и ты б со мною заодинъ шел на своего недруга, а Агыш бий нас не останет же: поидет
л. 263 об. с нами на Мамая и на ег(о) брат(ь)ю заодинъ. Кой час наш посол к тобѣ при ‖ дет, а похочеш свое дѣло дѣлати заодинъ с нами, и ты б вборзѣ немедля на кон(ь) пошел с своею силою, а к нам бы еси гонца отослал. А я, Усейн Цар(ь), готов есми с своими люд(ь)ми, и Агиш бій готов же с своими люд(ь)ми. Да коег(о) есми дни послал к тобѣ Аджи Холи бия, да тог(о) же дни послал есми гонца х казанскому Царю, чтоб и казанской Цар(ь) с нами ж заодинъ пошел на Мамая и на ег(о) брат(ь)ю. А не пойдеш ты, Саидет Гирѣй Цар(ь), на Мамая, ино и нам с Агишем не бывати на Мамая: нам одним с ним нѣким стати“. Да еще, Государь, побѣжал ис Крыма Чобан Салтан, а хотѣл, Государь, ѣхати в Казан(ь). И Чобан Салтан, Государь, устрашился нагайскіе орды: немочно ему в Казан(ь) проѣхати. И он, Государь, приѣхал в Азсторокан(ь). А из Асторокани, Государь, ѣхати ему в Тюмен(ь): кажут, Государь, есть ему племя в Тюмени. А твоег(о), Государь, посла Усейн Цар(ь) вел(ь)ми чтит, а хотѣл, Государь,
л. 264. твоег(о) посла вборзѣ отпустити к тобѣ, ко Государю. А крым ‖ скому, Государь, Царю стати нѣким и почати нѣчим, а надѣется, Государь, крымской Цар(ь) на Царя отманског(о). Ино, Государь, и отманскому ему не пособити,—самому от любово боронит(ь)ся, а земля, Государь, дал(ь)нея. Да еще, Государь, азовскіе казаки под Рус(ь) пошли: пошел, Государь, Тагай Соѳи, а с ним, Государь, сорок человѣкъ; другая станица, Государь, пошла тритцат(ь) человѣкъ, а голова у них Джанай Дашем

зовут. Да пошел, Государь, Сатыл Ган, а с ним, Государь, восмьдесят человѣкъ, да пошел, Государь, Доваш да Ходжа бак, а с ними, Государь, сорок человѣкъ да крымских, Государь, человѣкъ со ста с ними ж заодинъ вмѣсте: хотят, Государь, на заставу ударити, коя, Государь, на поли стоит у тобя, а хотят, Государь, татем притти. Слышен(ь)е наше, Государь, таково. Тебя, Великог(о) Всесвѣтлаг(о)[1]) Государя, бѣлог(о) Царя, без вести не держу. А пожалуеш, Государь, велиш собѣ служити, и ты б, Государь, своег(о) холопа без своих людей не держал. А послал есми, Государь, список сей с твоим сыном боярским съ Өедком с Васил(ь)евымъ сыном Каменева. Писана грамота мѣсяца августа 1 день". ‖ л. 264 об.

А се другая грамота Магмет беккула азовског(о) съ Өедком же с Каменевым: „Государю, Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Русіи, бѣлому Царю, холопъ твой Магамет беккул азовской из Азова низко челом бьет. Чтоб еси, Государь, смиловался, меня своег(о) холопа пожаловал. Здѣс(ь) есми, Государь, с кѣм твое дѣло Государьское дѣлал,—межи, Государь, нас третей не бывал. И тот, Государь, человѣкъ меня, холопа твоег(о), оставил. Пошел, Государь, к Москвѣ с твоим воеводою с Васил(і)ем с Верхъдеревским. Зовут его, Государь, в Азовѣ Гришка Бѣлой діак. И ты б, Государь, умилосердился своег(о) холопа пожаловал: тог(о) бы еси, Государь, діака, ко мнѣ к Азову прислал. Зане ж, Государь, залажуся ег(о) тог(о) дѣля, что не отвелика по-турскы знает. Иног(о), Государь, діака призват(ь) на твое дѣло на Государьское,—ино, Государь, толмач надобет. С тѣм есми, Государь, дѣла твои дѣлывал один на одинъ во дни и в нощи. Или как ся получит,—скажу ему твои дѣла ‖ Государьскіе, и он мнѣ, написавъ, да принесет, и я, холопъ твой, мишен(ь) свою приложу да к тобѣ, ко Государю, посылаю". ‖ л. 265. л. 265 об.

Лѣта ҂злв (1524) марта 25 дня. Писал к Великому Князю княз(ь) Микита Оболенской, что приѣхал в Нов-Городок из Крыма Великог(о) Князя татарин Сабака Небол(ь)синъ да казак Миша Тѳеритин, а были с Иваном Семеновым сыномъ Брюхова во Царѣ-Городѣ. А прислал с ними Иван Семенов и Иван Колычев грамоты. Да Иван же писал ко князю к Васил(і)ю к Шемячичу грамоту, не вѣдая тог(о), что княз(ь) Василей на Москвѣ. Как они были в Царѣ-Городѣ, и в тѣ поры было во Царѣ-Городѣ лихое повѣтрее. И княз(ь) Микита без Великог(о) Князя вѣдома у Сабаки и у Миши грамот не взял и не послал к Великому Князю. И Княз(ь) Великій послал в Нов-Городок в Сѣверской ко князю к Миките Ивашка Скрыпицына. А велѣл князю Миките и Ивашку с ним Миши и Сабаки вы(с)просити о всѣх о тамошних дѣлехъ подлинно. Да что Миша про тамошние дѣла скажет, и Княз(ь) Великій то им велѣл написати на список. А которые грамоты привез Миша от Ивана от Семенова, и Княз(ь) Великій тѣ грамоты велѣл переписав Ивашку к собѣ привести. А Мише Тѳерити ‖ нову с товарищы велѣл Княз(ь) Великій побыти в Новѣ-Городкѣ до своег(о) указу, а к собѣ имъ ѣздити не велѣл. И апрѣля 10 дня приѣхал к Великому Князю из Нова-Городка Ивашко Скрыпицын. А привез списки, что Миша Тверитинов сказывал, и грамоты, которые Иван Семенов и Иван Колычов прислали к Великому Князю. А се запис(ь), что Миша сказывал. Памят(ь) Ивашку Скрыпицыну сказати ему Государю Великому Князю. „Вспрашивал княз(ь) Микита Оболенской да с ним Ивашко Скрипицын казака Миши Тфери[ти]нова с товарищы, гдѣ Иван Семенов наѣхал туретцког(о) Салтана и о кою пору, и чтил ли Салтан Ивана, и каков был приход Иванов к Салтану, и много ли л. 266.

---

[1]) Въ рукописи: свесвѣтлаго.

л. 266 об. Иван жил во Царѣ-Городѣ, и о кою пору ‖ Салтан его отпустил, и как Салтан послал
к Великому Князю своего человѣка. И Миша Тѳеритинов с товарищы князю Миките
сказали про Иванов приход к Салтану и скол(ь)ко там побыл Иван во Царѣ-Городѣ,
и как Ивана Салтанъ отпустил по тому ж, какъ Иван с ними к Великому Князю
написал в спискѣ. А посла своего Салтан послал к Великому Князю с Иваном вмѣсте
того ж Скиндер(ь) Саку, которой был у Великог(о) Князя, а с ним Салтановых два чело-
вѣка Асаномъ зовут да Скиндерем зовут, молодые люди, а его людей шло с ним из
Бела-Города тол(ь)ко три человѣки, и то наймиты. Да гостей, сказывают, с собою взял
за своих людей человѣкъ пят(ь) ли, шесть ли. А гостей с ним шло изо Царя-Города
до Крыма человѣкъ з десят(ь), а всѣх людей с ним шло изо Царя-Города, которые ег(о) и
провожали до Перекопи, человѣкъ с тритцат(ь). А имат(ь) ему, сказывают, с собою
л. 267. людей из Каѳы янычан и гостей. А товару, сказывают, с Скиндерем мног(о). ‖ А Скин-
дер(ь) бол(ь)шее, сказывают, идет на Салтана рухляди купити: денег с ним Салтановых
много. А дѣла за ним великог(о) не чают. А там, сказывают, у Салтана Скиндер(ь)
молодой человѣкъ—водовоз бывал—потому словет: „Сака“. И урядства на нем нѣт ни-
ко(то)рог(о) и близко Салтана не живет, а дѣти ег(о) там торгуют. Да (с) Скиндерем же,
деи, идет с торгом гречин Ѳедором зовут, а сказывается Юр(ь)ю Малому родной брат,
Дмитреев жо сынъ. А Родос, сказывают, Салтан, как взял, так и нынѣ за ним, а
людей в городѣ урядных своих учинил. А тутошние люди осталис(ь) в Родосѣ моло-
дые, а лутчие люди всѣ из Родоса выѣхали. А которые люди тогды из Родоса выѣхали,
коли Салтан Родос взял, и тѣ, деи, нынѣча люди поставили против Родоса другой
город на островѣ крѣпокъ, сказывают, добрѣ, а люди к ним многие збираются в тот
л. 267 об. город. ‖ А Бѣл-Город, Миша сказывает, нынѣча за Салтаном, а живет в нем Пергат паша.
Да был, деи, бой Пергатъ пашѣ с угорскими люд(ь)ми. И угорскіе, деи, люди у Пергат
паши туретцких людей мног(о) побили. А одолѣл их Пергат Паша. И языки прислал
во Царь-[Городъ] человѣкъ с тритцат(ь) молодых людей пашенных и собою, деи,
худы добрѣ. А под Родосом, деи, у Салтана добрѣ много побили. А которые с ним
пушки и пищали были под Родосом, тѣ всѣ привезли розбиты в черенки.

А нынѣча, Миша сказывает, у Салтана людей добрых добрѣ мало: иных побили,
а иные вымерли. Тол(ь)ко при нем два пашы: Ибреим паша да Аяз паша, а Пири паша
пашство оставил. И Салтан его бив да послал под новой городок под Венецѣйской,
что поставили ег(о) против Родоса. А Кизылбашева приходу, Миша сказывает, Сал-
тан добрѣ на собя боится. А Кизылбаш, деи, на Салтана наряжается. Да и посла
л. 268. своег(о) Кизылбаш к Салтану присылал при Иванѣ тог(о) дѣля: которые ‖ городы по-
имал у Кизылбаша Салим шаг Салтан,—и Сулюмен бы Салтан Кизылбашу тѣх горо-
дов поступился. А приказал, деи, к Салтану Кизылбаш: „Не поступиш(ь)ся мнѣ тѣх
городов, что отецъ твой у меня поимал,—и яз, деи, иду твоей земли воевати“. А с
Кизылбашевым, деи, послом пришло было триста человѣкъ и Салтан велѣл у нег(о)
людей поимат(ь) не доходя Царя-Города за лименем, а с послом, деи, во Царь-Город
пришло тол(ь)ко человѣкъ с тритцат(ь). Да поставили посла во Царѣ-Городѣ, а сторожу у
нег(о) учинили добрѣ крѣпку: никакова человѣка послова з двора не пущают, а к
ним не пущают жо никог(о). И при них, сказывают, Кизылбашев посол у Салтана
не бывал. А слышели, сказывают, в Белѣ-Городѣ, что будто Салтан Кизылбашу тѣх
городов поступился, которые у нег(о) поимал отецъ его Салим шаг Салтан, и посла
отпустил Салтан Кизылбашева. И как Иван Семенов и Скиндер(ь) пришли в Перекоп(ь),
л. 268 об. и Скиндер(ь) тол(ь)ко—пят(ь) ден жил в Перекопи. Да на ‖ завтрее Рождества Христова

пошел в Каѳу. А говорил Ивану: „Иду в свой улус поднаряжат(ь)ся—в Манкуп, а жит(ь) ми там один мѣсяцъ,—да буду у тебя совсѣм готов“. И Миша с товарищы, сказывают, жили в Перекопи два мѣсяца, доколе их Иван отпустил. А от Скиндеря к Ивану вѣсть никакова не бывала. А Иванъ к нему не посылал жо никог(о). А люди, деи, Скиндеревы говорили, что Скиндерю итти ис Каѳы на просухѣ. А про волошског(о) посла Миша с товарищы сказывает, что приходил к Салтану тог(о) дѣля, что белогородцы ходили в литовскую землю да в литовской землѣ полону поимали мног(о). Да шли через волошскую землю, да учали было людей грабит(ь). И волошской велел их побити и полон отняти. Да на них присылал жаловат(ь)ся, что ходят в литовскую землю воевати и из литовской земли через его землю, да землю пустошат. И Салтан бы вперед своим людем заказалъ, чтоб через волошского землю его люди не ходили и земли ‖ не пустошили. И Салтан тог(о) волошского посла при Иванѣ и л. 269.
отпустил. А что брясловцы у белогородцов стада овеч(ь)и отгонили, и Миша с товарищы то ж сказывают, что Иван писал в спискѣ. А про повѣтрее Миша с товарищи князю Миките сказал по крестному целован(ь)ю: «Какъ пришел Иван во Цар(ь)-Город, а повѣтрее тишает, а гостей Великог(о) Князя и татар не стало повѣтреем сем(ь) человѣкъ. А как Иван пошел изо Царя-Города, а по(вѣ)трее добрѣ потишело». А что Иван писал к Великому Князю, что повѣтреѣ во Царѣ-Городѣ при нем добрѣ было сил(ь)но, а как Иван пошел изо Царя-Города, ино тог(о) сил(ь)неѣ учало быти,—и Миша с товарищы сказывает: «То, деи, Иван писал тог(о) дѣля, что Великог(о) Князя рухляди там не продал и не променил, а назадъ еѣ не повез жо, оставил еѣ там; и он боялся от Великог(о) Князя опалы, да вставил то, что будто повѣтреѣ было велико; и ему бы тѣм отмолвит(ь)ся, что за по ‖ вѣтреем рухляди не взял. А как л. 269 об.
Иван пошел изо Царя-Города, и на дорозѣ Бог миловал от повѣтрее. Одного человѣка Иванова не стало вь Ядренѣ поле, да не повѣтреем. А как пришли в Крым, и в Крымѣ также Бог миловал: повѣтрее не являвалос(ь) и не умирывал никаков человѣкъ. А в Крымѣ и в Каѳѣ до них и при них повѣтрее не бывало ж“. А про крымског(о) Царя Миша и Сабака сказывают, что его князи всѣ не любят и у нег(о) не живет никто [изъ] князей, а всѣ живут по своим улусом, а живут у нег(о) все янычанѣ. А князи его не любят тог(о) дѣля, что живет с турецког(о) обычая и слушает янычан, а от янычан крымцом великая сила и нечесть чинится. А по князей Цар(ь) коли пошлет, и они к нему иногды поѣдут, а иногды не ѣдут. А коли Иван был Семенов у Царя, и тогды был у Царя один Булгак Адрахманов брат, а нес к нему Иван поминков девят(ь): три сукна, да шапку черну, да рыс(ь), да шубу хребтову, да юѳть ролдуг, да юѳть тимов. ‖ А к Ивану Цар(ь) корму послал л. 270.
пят(ь) овец, да сорок хлѣбов, да два воза сѣна, да свечю велику вощаную.

А Ивану Колычову, сказывают, в Крымѣ нечести и силы нѣт никоторые от крымцов, тол(ь)ко бы которог(о) крымца Великог(о) Князя люди не зазамали, а Ивана Цар(ь) отпустити хочет. А ждал от Великог(о) Князя гонца. А нагаи, сказывают, крымцы добрѣ боятся и сторожи у них на поле великие; зиму всю стерегли крымцы на поле, розставяс(ь) по дорогам, пят(ь)сот человѣкъ, переменяяс(ь) по мѣсяцем. А людем Цар(ь) не велѣл роз(ъ)ѣзжат(ь)ся. А говорят так, что будто Цар(ь) хочет литовские земли воевати. А Миша с товарищы говорит, что им немочно итти воевати: люди худы и пѣши добрѣ. Бол(ь)шое, деи, боится Цар(ь) и крымцы нагайског(о) приходу: тог(о) дѣля людем не велѣл роз(ъ)ѣзжатис(ь). Да сказывал Сабак татарин: „Перед их поѣздом за пят(ь) ден, как они поѣхали ис Крыма, пришел из Асторокани ‖ крымской л. 270 об.

татарин, а ѣхал в Асторокан(ь) с Чебаном царевичем". И тот татарин сказывает, что был Мамай под Асторокан(ь)ю, стоял сем(ь) день, а с ним был Юсуп мырза: ходил опричним полком. А Кошум мырза с Мамаем под Азсторокан(ь) не пошел: с Мамаем в розни. И выходил из Азсторокани Чебан царевич крымской с асторoccканцы, да Юсуп мырзу побил, да и самого, деи, Юсупа убил, и Мамай мырза от Асторокани пошел проч(ь), а кочует, деи, на сей сторонѣ Волги—по Волзѣ. А Агыш, сказывают, с Мамаем в розни ж. А того, сказывают, не слышали, гдѣ Агиш кочует,—на сей ли сторонѣ Волги, на той ли. И тот, деи, татарин крымской, что пришел из Асторокани, сказал то пришедъ царице Магмед Гирѣевѣ, что сынъ еѣ в Азсторокани Чебан царевич здоров, и Юсуп мырзу нагайског(о) убил, и людей его побил,—и царица тому татарину дала сукно. А Миша, сказывает, слышел, что пошел Мамай мырза от Асторокани кочеват(ь) на старое на нагайское кочевище на Теркъ на реку под Тюмен(ь) подалос(ь) к Хва-

л. 271. линскому морю. ‖ А как Миша пошли из Крыму, всѣх их четыре человѣки; и как пришли на конскую воду в четвертой ден(ь) от Крыма, а с ними осмеро лошадей, и тут их татаровѣ розгоняли,—они сами за реку пѣши перешли, а лошадей лед не поднял и они лошади помотали за рекою, и татаровѣ лошади поимали, а за ними за реку не полѣзли, а угадывают, что их розгоняли сторожи крымские, которые стерегут от нагай, да и того чают: нѣчто будет за ними погоня была. Из Крыма отпустили их Иван Колычов и Иван Семенов без царева вѣдома. А которые их люди розгоняли, тѣх было пятнадцат(ь) человѣкъ. А князей нынѣ в Крымѣ: Мемеш княз(ь), Ширин-Довлет Бахты Барын, Адрахман княз(ь), брат его Булгак, Ахмет—паша Куликов, Халил княз(ь), брат его паша мырза, Бибѣй мырза, Мансги мырза. Да из нагаи пришел Тиниш мырз(а), и князи, деи, тог(о) Тениш мырзы просили у Царя, а хотѣли

л. 271 об. его убити,—и Цар(ь) имъ не дал. И после тог(о) ‖ Цар(ь) посылал по князей, и князи к нему не пошли, а говорят так: „Тол(ь)ко нам не даш Тиниш мырзы,—и мы к тобѣ не идем". А близко у Царя ни один княз(ь) не живет. А про Останю, сказывают, не слыхали, а пришли, сказывают, после розгони, Миша с товарищы на первой ташлык от конской воды в пятницу на зборной недѣле, да нашли, сказывают, стан,—люди стояли перед ними ден за пят(ь), за шесть. И тут, на стану том, покинуты двѣ короб(ь)и, а в них спуски птич(ь)и да кипы рѣзаны ужища, да рогожи, да и сани метаны и хомуты, да мешки холщовые. И они потому угадывают, что то Останя стоял да клался с саней на в(ь)юки. Да шли, сказывают, оттоле верстъ с пят(ь) да нашли котлик покинут худ мѣдян и оттоле попошли,—ино порошка была пала; да учали сходит(ь)—ино ископыт(ь) и встрѣчю есть, и Миша с товарищы и тог(о) угадывают:

л. 272. нѣчто, деи, будет их розгоняли. Да назавтрее, сказывают, нашли ‖ слѣд пѣшег(о) человѣка: шол от Крыма к Сомару. Да как пришли к Самару на песок, и слѣд у них утерялся; а опричь(ь) тог(о), сказывают, на полѣ дороги не видали. А Ивана Семенова Цар(ь) в Крымѣ не хотѣл держати, а говорил Ивану Цар(ь): „Как, деи, отдѣлаеш(ь)ся, и ты мнѣ скажися, и яз тобя отпущу и проводников тобѣ дам до Великог(о) Князя украйны". И Иван, сказывают, живет в Крымѣ за Скиндерем, что Скиндер(ь) ис Каѳы не ѣдетъ, а задержан(ь)я ему в Крымѣ нѣт. А про Шаусеин Сеитя Миша и Сабак сказывают,—в Крымѣ говорят, что ему в Казан(ь) назад не быват(ь); да слышели, сказывают, слухом, а дополна не вѣдают,—будто Сеит(ь) в Крымѣ женился. А Якуш путивлец сказывал князю Миките. Как его княз(ь) Микита посылал осенес(ь) з дѣт(ь)ми з боярскими в вожѣх за татары в погоню, и дѣти боярскіе, дошед татар, полон у них

л. 272 об. отполонили; и Якуш, проводив дѣтей боярских до украйны, а сам воротился ‖ был в

свои ухожаи. И тѣ татаровѣ воротились(ъ) назад севрюков искати по ухожаем да того Якуша взяли, и привели ег(о) в Крым ко Царю. И Цар(ь), деи, на тѣх татар опалѣлся, которые его поимали: „Чег(о) для, деи, под Великог(о) Князя украйну ходите и людей Великог(о) Князя имаете?" Да у татар Якуша велѣл отняти, а у татар велѣл кони поотнимати и их пограбит(и), а иных, деи, татар велѣл казнити. А Яковца послал к Ивану х Колычеву, а приказал к Ивану: „Попал в руки моим татаром на украйнѣ Великог(о) Князя человѣкъ,—и яз его у татар отнял, а на татар есми оnолѣлся и казнити их велѣл, чтоб вперед Великог(о) Князя людей на украйнѣ не имали. И ты окупи тог(о) Великог(о) Князя человѣка". И Иван Царю отказал: „Отпустиш(ь), Господине, меня к моему Государю, и яз того человѣка откуплю, а нынѣ мнѣ его какъ о(т)купити, коли яз собѣ отпуску не вѣдаю?" И о(т)купил его Иван Семенов, а дал, сказывает, на нем 15 рублев. Да Миша ж и Сабак сказывают: „Как Мамай пошел к Азсторокани, и от нег(о) утек и прибѣжал в Крым Ислам Салтан Магмед Гирѣев Царевъ сынъ и живет нынѣча ‖ в Перекопи, а с ним приѣхало тол(ь)ко десят(ь) человѣкъ". А л. 273.
се грамота Ивана Семенова. „Государю, Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Русіи, холоп твой Иванец Семенов челом бьет. Бож(і)ею милостію и твоим Государьским здоров(ь)ем приѣхали есмя в Царь-Город августа 26,—а Салтана, Государь, в Царѣ-Городѣ нѣт. А были есмя, Государь, у Салтана на стану впервые августа 29 на италѣйской сторонѣ, верстъ з десят(ь) от Царя-Города; а вдругие есмя, Государь, у Салтана был(и) на отпускѣ въ том же стану сентября 13. А всего есмя, Государь, в Царѣ-Городѣ были пят(ь) недѣль, а корму, Государь, нам давали дватцат(ь) ден, а из Царя-Города, Государь, отпустил нас Салтан сухим путем на Бѣл-Город сентября 30 и пристава, Государь, нам дал и кормъ нам по дорозѣ велѣл давати. И пристав, Государь, нам давал по дорозѣ корму непомногу. А в Бѣл-Город, Государь, приѣхали есмя октября тридцаты ж, а жили есмя, Государь, в Белѣ-Городѣ шесть недѣль,—дожидали Изкиндеря. А корму, Государь, нам в Белѣ-Городѣ не давали. А велѣл, Государь, Салтан Искиндерю в Белѣ-Городѣ, ‖ л. 273 об.
взем янычан двѣсти человѣкъ, да на(съ) проводити до Перекопи; а крымскому, Государь, Царю, Салтан наказал с Скиндерем же, чтоб Царь послал своих многих людей проводити нас да и Изкиндеря до твоей Государьской украйны. А сказывает, Государь, Изскиндер(ь), что Салтан послал его нынѣ не посол(ь)ством,—послал его рухляди купити; и рѣчи, Государь, от Салтана к тебѣ, Государю, сказывает за ним есть ж(е). А посла, Государь, своег(о) бол(ь)шег(о) Салтан к тебѣ, Государю, ялся ж прислати. И приѣхали есмя, Государь, в Перекоп(ь) декабря 21, а крымской Цар(ь) Сады Гирѣй в Перекопи. И Скиндер(ь), Государь, у Царя был да приѣзжал, Государь, ко мнѣ на подвор(ь)е, а говорил, чтоб мнѣ ко Царю итти. И яз, Государь, отговаривался мног(о) и Изкиндер(ь), Государь, говорил: „Мнѣ, деи, наказывал Салтан тобѣ говорити, чтоб ты у Царя был, а не быт(и), деи, тобѣ у Царя непригож: приѣхал еси вь его землю, а здѣсе тобѣ в Перекопи побыти. А станетца какова притча или соромота над тобою, а пристава у тебя нѣт, а яз ѣду в Манкупъ побывати к собѣ в улус, и тобѣ тогды ко Царю как послати"? А опосле тог(о), Государь, и сам Царь присылал по меня, и яз, Государь, у нег(о) был. А ѣдучи, Государь, к Перекопи, на дорозѣ ‖ Изкиндер(ь) л. 274.
нам говорил: „Не будет, деи, тобѣ жит(ь)я в Перекопи ни часу". А нынѣ, Государь, из Перекопи отпуска собѣ не вѣдаемъ. Искиндер(ь), Государь, поѣхал в Каѳу к собѣ в улусъ, а Царь из Перекопи поѣхал в Киркор генваря 16. А после, Государь, Царя в Перекопи на базаре кликал бирич, чтоб, деи, казаки крымские нихто не от(ъ)ѣзжал никуда, а готовилися б со Царем на службу, а были бы всѣ люди готовы в Перекопи

до Велика дни за мѣсяцъ. А будто, деи, Государь, крымскому итти на литовскую землю, а иные, Государь, говорят, что ему итти на нагаев, а полные, Государь, вѣсти нѣт. А сего лѣта, Государь, сказывают, у крымског(о) в Перекопи литовской гонец был, да и от волошского, Государь, сказывают, у нег(о) гончишко был. А что есмя, Государь, в Царѣ-Городѣ и в Перекопи вѣстей слышели, и мы, Государь, изписав да к тобѣ, Государю, список послали с твоими Государьскими казаки—с Мишею с Тверитином и съ его товарищы, да с татарином с Собаком, да з путивльцом сь Якушом з бортником февраля 14. А бортника, Государь, послали есмя тог(о) для, что твои Государьские
л. 274 об. казаки, сказывают, ‖ ис Перекопи полем не бывали, а татарин, Государь, Сабак, сказывает, не знает жо. А хотѣли есмя, Государь, к тобѣ из Перекопи ранеѣ того послати, ино, Государь, доѣхати было немочно: стала студен(ь)—великіе морозы. А из Царя-Города к тобѣ, Государю, не послали есмя твоих Государьских казаков потому, что было им немочно проѣхати. А сего лѣт(а) во Царѣ-Городѣ и по всѣм городом турским и по улусом было великое повѣтрее, а стало повѣтрее быти с Петрова дни, а то во Царѣ-Городѣ по всѣм городным воротом пишут, кол(ь)ко которог(о) дни из города людей вынесут и велика и мала. Ино, деи, на всяк день вынесут из города тысячу двѣсте человѣкъ, а на иной день бол(ь)ши тог(о)". А и поѣхал Иван изо Царя-Города, а повѣтрее от часу пущает. А что список послал Иван Семенов о тамошнем хожен(ь)е, и тот список в книги не писан, а помѣчено на нем: лѣта да
л. 275. деи(ь), да положет(и) тотъ список в турецкой ящик. ‖ И апрѣля 27 дня писал к Великому Князю княз(ь) Микита Оболенской, что Иван Семенов пришел в Путивль и турецког(о) посол Скиндер(ь), а наперед себя Иван послал к Великому Князю Великог(о) Князя татар Курмана Кубердѣева сына с товарищы с грамотами. А отпустил их Иван от реки от Хорола. Да и грамоты княз(ь) Микита Ивана Семенова и Ивана Колычева переписав прислал к Великому Князю с Васюком с Резановым.

А се грамота Ивана Семенова,—а Ивана Колычева писаны в крымском ящикѣ. „Государю, Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Русіи, холоп твой Иванец Семенов челом бьет. Божіею милостію и твоим Государьским здоров(ь)ем выѣхали есми ис Перекопи в середу на страстной недѣле и полем есмя, Государь, до Хороля поздорову ж дошли, а послал, Государь, Царь проводити полем Изкиндеря да и нас Бул-
л. 275 об. гака князя, Адрахманова брата, да Тенебек мурзу ‖ Урусакова сына Китая, а с ними, Государь, татар з двѣсте; а проводили, Государь, нас до Псла. А турецког(о) Салтана сказывают, Государь, во Царѣ-Городѣ. А крымской Сады Гирѣй в Киркорѣ, а твой Государьской гонец Останя Андрѣев приѣхал в Перекоп(ь) февраля 20 (дня), а Кудедар приѣхал наперед его за ден(ь). И послали, Государь, в Кыркор ко Царю гонца часа того, и Цар(ь) прислал по Ивана по Колычева и по Останю, а велѣл имъ ѣхати в Кыркор к собѣ. И поѣхали, Государь, Иван и Останя ко Царю февраля 28, а ис Киркора, Государь, марта 14 Иван Колычев прислал ко мнѣ твою Государьскую грамоту с твоим казаком з Баишем с Идайчиковым да ко мнѣ, Государь, грамоту прислал же. А после тог(о), Государь, марта 23, Иван же Колычев прислал ко мнѣ памятцу с твоим Государьским татарином з Бозиком. И яз, Государь, твою грамоту и памятцу, да и свою грамоту послал к тебѣ, ко Государю, с Хороля с твоими Государевыми казаки с Курманом да с Кузелкою с Налетовым и съ их товарищы. А что есмя вѣстей слышели в Перекопи и на поле, и мы, Государь, исписав да к тебѣ,
л. 276. Государю, список послали. А (у) Искиндер(я) ‖ , Государь, кафинцев Салтановых людей два идайбачина да осьмнатцат(ь) янычен и с толмачем, да Искиндеревых три чело-

вѣки, да с Скиндерем же три татарины крымские, да с ним же ѣдет из Царя-Города грекъ, Ѳедором зовут, Юр(ь)ю Малому брат. А про Иванов, Государь, отпускъ и про Останин вѣдома нѣт, а о всем, деи, к тобѣ, Государю, Цар(ь) отписал с Искиндерем; а наперед тог(о) послали ж есмя к тебѣ, Государю, ис Перекопи на зборное воскресеніе твоих государьских казаков—Мишу Тѳеритинова да татарина Сабака с товарищы и о всем есмя к тебѣ, Государю, с ними отписали же. А гостей, Государь, с Искиндерем каѳинцов и турков и ормени человѣкъ з дватцат(ь)". И Княз(ь) Великій послал в Нов-Городок Семена Чашникова. А велѣл Ивану и Искиндерю быти в Новѣ-Городцѣ, а без своего им вѣдома ѣздити не велѣл и рухляд(ь) у Ивана и у Скиндеря и у гостей всю велѣл трясти для повѣтрея, а Ивану Семенову велѣл Княз(ь) Великій к собѣ отписати, как его к Салтану приход, ‖ и какова была ему там честь от Салтана, и что л. 276 об.
ему корму давали. И маія (?) Иван Семенов прислал тому своему тамошнему хожен(ь)ю список. (Помѣта въ текстѣ и на ярлыкѣ: „сего списка послана въ высокий кабинетъ копия при доношении ассесора Семена Иванова 31-го декабря 1739 году"). А се список, что прислал Иван Семенов с Русином с Козлянйновым. „Лѣта ҂зла (1523) августа 26 Великог(о) Князя посол Иван Семенов пришел к Царю-Городу, да стал Арепз корабленой меж Царя-Города и Галаты. И Иван Семенов послал в город наперед себя с кoriginally кробля татарина Келдиша да казака Кузему Налетова к Аяз пашѣ о подвор(ь)е, чтоб велѣл подворіе дати. И с татарином с Келдишем и с Куземкою вмѣсте к Ивану приѣхали на карабль Салтановы чеуши Гайрадин да Мурат да говорили Ивану: „Государя нашег(о) Сулемен Салтана нынѣ в городѣ нѣт, а поѣхал Государь нашъ на потѣху тому ден з десят(ь), а про тебя, господине, нам вѣсти не было, потому, господине, Государь нашъ против тобя и встрѣчю не послал. И Аяз ‖ паша, господине, л. 277.
послал нас против тобя, а велѣл намъ у тобя в приставех быти и подвор(ь)е, господине, тобѣ нам велѣл дати". Да пытали чеуши Ивана о здоров(ь)е, а Иван их пытал и руку им дал. И с кобля с Иваном ѣхали приставове к Скели в одном сандале, а от Скели до подвор(ь)я под Ивана и под Русина подавали свои лошади и до подвор(ь)я чеуши Ивана проводили, и Русина, и сокол(ь)ника, и толмача, и казаков, и татаръ всѣх по подворіем изставили. И тог(о) дни корму Ивану не дали, а говорили Ивану приставовѣ: „Чтоб еси, господине, пожаловал,—нынѣ о корму не подивил: вѣсти, господине, про тебя не было, потому, господине, на тебя и корму не собрали, а нынѣ, господине, позно,—корму на тебя собрати немочно". Того ж (д)ни приѣхали к Ивану на подвор(ь)е от Аяз паши Салтановы толмачи—Мустоѳа драгаман да Чебан, а говорили Ивану: „Аяз паша велѣл тобѣ челом ударити, да велѣл о Государском здоров(ь)е пытати", ‖ да и о Иванове здоров(ь)е пытали, а Иван их пытал о Салтанове здоров(ь)е, а л. 277 об.
опосле о пашинѣ и о их здоров(ь)е. Да говорили Ивану толмачи, чтоб Иван ѣхал к Аяз пашѣ на подвор(ь)е с пашею видѣтис(ь) и о Государском дѣле с ним переговорити: „Зан(е)же, господине, здѣ обычай таков,—от которог(о) ни буди Государя посол придет к нашему Государю, и тому, господине, послу первое быти у паш, да Государьское дѣло с пашами переговорити. И паши, господине, скажут Салтану то ж, господине: (и) Государь нашъ велит у собя послу быти; а то, господине, у Государя нашег(о) бол(ь)шіе люди Ибреим паша да Аяз паша и дѣла бол(ь)шіе всѣ на них лежат; как Салтану они придумают,—и Салтан так и учинит, а мы, господине, за добродѣтел(ь) тобѣ дружим и здѣшней обычай сказываем, а которые, господине, Государя вашего послы наперед сего у Государя нашег(о) бывали—Василей Коробов и иные,—и мы, господине, по тому ж имъ дружили, а они, господине, нас за то жаловали". Да

говорили толмачи Ивану пристойно, чтоб Иван наперед к пашам ѣхал: „А тол(ь)ко, л. 278. господине, ты наперед у паш не будеш и тобѣ ‖ у Салтана и долго не быти и дѣла Государского не здѣлати". И Иван имъ отвѣчал: „Послал меня Государь мой к Государю вашему и рѣчи мнѣ велѣл говорити брату своему, Сюлемен Салтану,—и мнѣ к пашам чего для ѣхати на подвор(ь)е? Велит мнѣ Салтан у себя быти, и яз ему от своег(о) Государя и рѣчи говорю, а пашам мнѣ Государя своег(о) рѣчи как говорити? А был посол Государя вашег(о) у Государя нашег(о) Скиндер(ь), и он грамоты подал и рѣчи говорил самому Государю, а бояром своим Государь нашъ не велѣл у него рѣчей слушати. Сам Государь рѣчей его слушал". А приставовѣ чеуши Мурат и Гайрадин того ж дни да и на завтрее в четвергъ по тому ж Ивану говорили накрѣпко, чтоб Иван о Государьском дѣле ѣхал к Аяз пашѣ на подвор(ь)е: „А не поѣдеш, господине, к пашам на подвор(ь)е, и тобѣ у Салтана не бывати ни в шесть мѣсяцъ". И л. 278 об. Иван чеушем отвѣчал тѣ ж рѣчи, что и толмачем, а к пашам не поѣхал. ‖ А на третей ден(ь), в пятницу, приѣхав приставовѣ Ивану говорили: „Сегодни, господине, ѣхати тобѣ к Салтану в стан и ты, господине, буди готов, и которая рухляд(ь) у тебя на короблѣ, а к завтрею будет надобна, и ты еѣ вели имати, а мы в ту пору шед под тебя суды изготовим да часа тог(о) по тебя будем. А завтра рано быти тобѣ у Салтана, а хочет Салтан завтра ж ѣхати на свое дѣло, тебя отпустя, да быти там Салтану мѣсяца с полтора, а тобѣ его дожидат(ь) здѣс(ь) в городѣ". Да того ж часу приставовѣ по Ивана приѣхали, а за ними привели аргумаки и Иван Семенов и Русин ѣхали к Скели на аргамакѣх с приставы вмѣсте, а морем ѣхали приставовѣ с Иваном в одномъ сандале. И того дни к Салтану не поспѣли в стан, а начевали за новым городком в улусе, у море на берегу, не доѣхав Салтанова стану версты за три или за четыре. Августа 29 встав рано до зори приставовѣ да поѣхали с Иваном к Салтану в стан и наѣхали л. 279. Салтана на Бехкоз бахчѣ на итолѣйской сторонѣ, в вразе, меж горами, а турки ‖ зовут то мѣсто Государской врагъ и тут в Салтановѣ стану стоит шатров с полтораста. И привели приставовѣ Ивана до середи стану рано на зорѣ, близко Салтанова шатра, и тут приставовѣ велѣли Ивану сѣсти. А сам Салтан живет во дворѣ, тут у нег(о) дворец наряжан. А как розсвело гораздо, ож ѣдут люди нарядны в бархатех на аргамакѣх мимо Ивана к Цареву шатру человѣкъ с тритцат(ь) или с сорок, и как передние люди приѣзжают против Ивана, и приставовѣ почали Ивану говорити накрѣпко: „Встан(ь), Ибреим паша ѣдет", и Иван не встал, а молыл: „Молоди люди ѣздят, а мнѣ против ково вставати?"—И приставовѣ Ивана за плече имают и говорят: „Встан(ь), Ибреим паша ѣдет, а то у Государя нашег(о) бол(ь)шей человѣкъ, пригож тобѣ против его встати и челом ударит(ь)". И Иван пропустил многие люди, и как будет против Ивана Ибреим паша,—и он наперед Ивана в седлѣ приподылся и поклонился, и приставовѣ чеуши Ивану молвили: „Ибреим паша тобѣ челом ударил", и Иван по тому ж против л. 279 об. паши приподылся ‖ и поклонился по турскiи ж. И приѣхав Ибреим паша близко к Салтанову двору и сшед с оргамака да пошел в шатер, а приставове чеуши за ним же пошли. И мало погодя, приставове пришед к Ивану в стан да говорили Ивану: „Послал нас Государь наш Сюлемен Салтан по тебя, а велѣл тобѣ к собѣ итти". И пришел Иван к тому ж шатру и у шатра велѣли приставовѣ послати ковер, да тут Иван мален(ь)ко посидѣл, и велѣли приставовѣ Ивану в шатер пойти, а сказали в шатрѣ Салтана; и вшел Иван, а Салтана в шатрѣ нѣт, а сидит в шатрѣ Ибреим паша да казначѣй Аббисалом. И против Ивана Ибреим паша встал да пытал Ивана о Государском здоров(ь)е и о его здоров(ь)е, а Иван против пытал его о Салтановѣ здоров(ь)е и о его здоров(ь)е.

И посадил Ивана Ибреим паша против собя, да говорил паша Ивану: „Что, господине, с тобою дѣло и наказ от Государя вашег(о) к нашему Государю, и ты, господине, говори с нами и мы то дѣло скажем своему Государю". И Иван пашѣ молвил: „Послал меня Государь мой к вашему Государю ‖ и рѣчи мнѣ велѣл говорити брату своему, л. 280.
Сюлемен Салтану, и велит мнѣ Салтан у собя быти и яз ему от своег(о) Государя и рѣчи говорю, а тобѣ мнѣ Государя своег(о) рѣчи как говорити?—а был посол Государя вашего у Государя нашег(о) Скиндер(ъ), и онъ грамоты подал и рѣчи говорил самому Государю, а бояром своим Государь нашъ не велѣл у нег(о) речей слушати. Сам Государь рѣчей ег(о) слушал". И Ибреим паша Ивану молыл: „И ты, господине, мален(ь)ко посиди, а яз шед к своему Государю тебя скажу и ты, господине, уже ж у Государя нашег(о) будеш". И как вышед Иван из шатра, сѣл на коврѣ, и в шатер принесли к паше на мисе ѣсти из Салтановы поварни, да ѣдши паша пошел к Салтану. И вышел от Салтана из полатки, толмач Мустоѳа, да пришед толмач Ивану говорил: „Государь нашъ Сюлемен Салтан велѣл тобѣ к собѣ итти". А оприч(ь) толмача, Ивана не встрѣтил ни проводил нихто, а приставовѣ чеуши осталися у Салтанова шатра, а посторон(ь) Салтановы полатки сидит человѣкъ з десят(ь) в бархатех: адабаши и чеуши ‖ л. 280 об.
и хадымы. И как Иван пришел близко их, и они против Ивана встали и поклонилис(ь) потурски. И вшел Иван к Салтану, а он сидит на своем мѣсте, а у нег(о) Ибреим паша да казначѣй и діак Аббисалом, да у дверей капичѣи баши. И велѣл паша Ивану пойти к Салтану к руце, а опосле тог(о) Иван от Государя Салтану поклон правил и поминки являл по записи, и посол(ь)ство правил, и грамоты подал, а взял посол(ь)ство и грамоты Ибреим паша, а посол(ь)ства правил Иван три стат(ь)и, а одной стат(ь)и еще не правил. И Ибреим паша у Ивана рѣч(ь) перенял, а говорил паша Ивану: „Иные Государскіе рѣчи с нами переговориш(ь) и мы их Государю скажем": а самъ Салтан не проговорил к Ивану ни одного слова ни х которой рѣчи. И вышел Иван от Салтана, а приставовѣ стоят у Салтанова шатра, а в кою пору Иван был у Салтана, а в ту пору приставовѣ велѣли шатер поставити и проводили приставовѣ Ивана в шатер, а за Иваном пришел в шатер толмач Мустоѳа переводит(ь) посол(ь)ства ‖ и грамот(ы); да л. 281.
перевед посол(ь)ство и грамоты перед Иваном да пошел толмач к Ибреим пашѣ, а поминки Великог(о) Князя велѣли приставовѣ у казаков взяти Салтановым янычаном. И Ивановы поминки поимали янычанѣ ж, да зашед янычанѣ стали против дверей Салтановы полатки, и Салтан на поминки смотрил из-за людей, а с Иваном вмѣсте поминки у Салтана не были; а как Иван от Салтана вышел, и в ту пору к Салтану поминки принесли, а корму Ивану явили в стану приставовѣ от Салтана: колачи да рыбу шевриженну сухую, да на дву блюдех икры, да на дву ж блюдех ягоды затинные соленые, да ягоды изюм, да арбузы и дыни; да тут же в шатер приходили к Ивану приставове, а говорили Ивану от паши: „Велѣл, господине, тобѣ говорити Ибреим паша": „Поѣд(ь), господине, ко мнѣ в стан да там ‖ с тобою переговорим Государские дѣла", а Ибреим л. 281 об.
паша в ту пору у Салтана, и Иван чеушем отвѣчал: „Ибреим паша готов на Салтановѣ дворѣ, а яз здѣсе ж готов и яз иду в Салтанов шатер да тут с нимъ говорю Государьские дѣла, а в стан ми к пашѣ чего деля ѣхати". И приставовѣ к Салтанову двору ходили, да того ж часу пришед в другие, говорили Ивану пристойно от паши, чтоб Иван к пашѣ в стан ѣхал. Да говорили Ивану чеуши: „У Государя нашег(о) такова пошлина,—от которых Государей у него послы ни бывают, и они, дей, ѣздят к пашам на подвор(ь)е да говорят дѣла Государские у них на подвор(ь)е, и паши тѣ дѣла доносят до Салтана, зан(е)же паши у Государя нашег(о) бол(ь)шие люди и всѣ

дѣла Государьские на них лежат: как они придумают, и Салтан так и учинит". И Иван чеушем отвѣчал: „Был посол Государя вашег(о) у Государя нашег(о) Скиндер(ъ) и он дѣла Государьские говорил со Государя нашег(о) бояры на Государьском же дворѣ, а к бояром не ѣздил по подвор(ъ)емъ Государьского для дѣла". И приставовѣ ходили на Салтанов двор к Ибреим пашѣ от Ивана с отвѣтом. И Ибреим паша с приставы
л. 282. к Ивану отвѣчал: „А коли, ‖ деи, ты ко мнѣ в стан не ѣдеш, и мнѣ до тебя дѣла нѣт, а тобѣ до меня". И молыли приставовѣ Ивану: „Да коли, господине, к пашѣ не ѣдеш(ь), и ты, господине, поѣд(ь) в город". И дали приставовѣ под Ивана и под Русина свои кони и ѣхал Иван да Русин к сандалу на конех, а приставовѣ шли перед Иваном до судна пѣши и ко Царю-Городу ѣхали приставовѣ с Иваном в одном сандале, а от Скели до подвор(ъ)я ѣхали приставовѣ с Иваном на оргумакѣх. Да говорили приставовѣ и толмач Чебан Ивану на подвор(ъ)е: „Велѣл, господине, нам Государь нашъ Сюлемен Салтан тобѣ говорити,—которая у тебя будет рухляд(ь) добрая, соболи и лисицы черные, и шубы бѣл(ь)и добрые, или будет иная какая рухляд(ь) добрая, и Государь нашъ велѣл нам у тебя взяти да к собѣ принесть—посмотрити, а что ся Государю полюбит, и Государь нашъ велит тобѣ за то ден(ь)ги заплатит(ь)". И имали у Ивана
л. 282 об. Великог(о) Князя рухледи соболи и цки лис(ь)и всѣ и шубы бѣл(ь)и ‖ и Иванову рухляд(ь) имали ж к Салтану смотрит(и), да принесли назад, а на Салтана не купили ничего. Сентября 12 приѣхав приставовѣ к Ивану на подвор(ъ)е, да говорили Ивану: „Сегодни, господине, тобѣ быти у Салтана в стану, да то тобѣ, господине, и отпускъ, и мы, господине, шед да под тебя суды изготовим, да по тебѣ часа [того] будем". И ѣхали приставове с Иваном к Скели на конех, а морем ѣхали приставовѣ с Иваном до стану в одномъ же сандале. И приѣхав в стан после полден и того дни Иван у Салтана не был. И поставили Ивану в стану шатер, близко Салтанова шатра, да тут Иван и начевал. И того ж дни в стану приходил к Ивану Андреян грек от казначѣя и от діака Салтанова от Аббисалома, а говорил Андрѣян Ивану: „Велѣл, господине, тобѣ Аббисалом говорити": „Наша, деи, господине, пошлинка есть и ты б, господине, нас не забыл; а наперед того послы бывали у нашего Государя от Государя вашег(о) и
л. 283. они, господине, нам пошлину давали и ты б, господине, нас не покинул же". ‖ „Да пригож, господине Иван, тобѣ его почествовати, зан(е)же, господине, он у Салтана ближней человѣкъ и дѣла Государские бол(ь)шие на нем лежат. А не почтиш, господине, его,—ино, господине, и дѣлу не здѣлатца". И Иван Андрѣяну отвѣчал: „Яз от своег(о) Государя послан не пошлин уставливати, а дѣлают Государские дѣла приказные люди не посулов для, а будет к нам его дружба и добродѣтел(ь) и мы против за собя не стоим, а Государского для дѣла мнѣ чего для посулы давати". И Андрѣян Ивану отвѣчал: „Аббисалом, господине, говорит: и тол(ь)ко, деи, меня посол не почтит, ино, деи, и дѣлу не здѣлатца, и велѣлъ мнѣ на послѣ взяти карабленые налоны каѳинской и царегородской и всѣ пошлины с рухледи азовские, и каѳинские, и царегородцкие". И Иван отвѣчал: „В(о) всѣх землях с послов пошлины нѣт, а нынѣ был Салтанов посол у Государя нашег(о) Искиндер(ъ),—ино с него пошлины Государь нашъ не велѣл же имати, да и вперед на послѣх пошлины не будет, ано и не посол был у Государя нашег(о),
л. 283 об. ты, Андрѣян, с Салтановою грамотою, и Государь нашъ и на тобѣ пошлин(ы) ‖ имати не велѣл же, а на мнѣ велит Салтан взяти карабленые налоны и с рухледи пошлину, и яз все поплачю, а ему мнѣ от того посулов не давати". И Андрѣянъ молыл: „И Аббисалом, господине, говоритъ—тол(ь)ко, деи, меня посол почтит, и яз, деи, ему от Салтана выберу поминки добры, а тол(ь)ко ж меня не почтит, и яз послу отберу поминки худы".

И Иван молыл: „Яз прислан Государского дѣля дѣла, а не поминков для, а посулов мнѣ оттого не давати“. А после Андрѣяна пришел к Ивану пристав Мурат чеуш, а говорил Ивану: „Велѣл, господине, тобѣ Салтан молыт(ь)“: „Аббисалом у меня человѣк ближней, діак и казначѣй и зят(ь) и ты меня дѣля его почти, нѣчто ему пошли“. И Иван отвѣчал: „Коли Государь говорит, и мы Государя для, что ся у нас лучит, и мы ему пошлем“. И приѣхав в город, послал ему Иван шубу горнастапну. Да того ж вечера в стану явили Ивану корму 4 бораны, 10 куров, 70 хлѣбов, да дыни и арбу ‖ зы и л. 284.
ягоды зятинные соленые и изюм. А на завтреѣ, сентября 13 дня, в стану Ибреим паша проѣхал из своего стану к Салтанову двору рано мимо Иванов шатер, и помотчав мало из Салтанова шатра приставовѣ чеуши Мурат и Гайрадин пришли к Ивану в шатер, а за ними принесли от Салтана Ивану жалован(ь)е и велѣли приставове Ивану итти к Салтану челом ударити на жалован(ь)е. И близко Салтанова шатра велѣли приставове послати ковер да тут Ивана посадили, а посидѣв мало, велѣли приставовѣ Ивану пойтти к Салтану, а сами приставовѣ осталис(ь) у Салтанова шатра, а с Иваном шел к Салтану толмач Чебан, а оприч(ь) толмача Ивану стрѣчи и проводов не было. А Великог(о) Князя людей с Иваном у Салтана были Русин, да толмач, да татарин Келдиш, да под(ъ)ячей, а иных не пустили. И вшел Иван к Салтану, а Салтан сидит на своем мѣсте, а у нег(о) Ибреим паша ‖ да Аббисалом; и к Салтановѣ руцѣ л. 284 об.
водили Ивана—Ибреим паша да толмач Чебан, и тут у Салтана Иван говорил: „Государьские дѣла еще иные неговорены и намъ их здѣсе говорити?“. И Ибреим паша перед Салтаном Ивану отвѣчал: „Которые еси рѣчи Салтану говорил от своег(о) Государя, и яз, деи, тобѣ ужже тому отвѣт дам, а будет у тебя еще иные Государские рѣчи не говорены, и яз с тобою ужже переговорю в Салтановѣ шатрѣ“. И тут Иван Салтану и челом ударил, а не проговорил Салтан к Ивану никакова слова. И вышел Иван от Салтана и посадили приставовѣ Ивана на том же мѣсте. А после Ивана Ибреим паша да Аббисалом у Салтана были долго, и Аббисалом вышел наперед в Салтанов шатер, а Ибреим паша после его был у Салтана долго и вышел Ибреим от Салтана в шатер, а в шатрѣ Салтановы спаги немногие люди. И принесли к пашѣ на трех мисах ѣствы из Салтановы поварни, а что было людей в шатрѣ и тѣ всѣ, вышед, посѣдѣли перед шатром человѣкъ по пяти и пошли вмѣсте. И перед тѣх людей в мѣстех в трех и в четырех ѣсть ‖ поставили ж по одной мисе, а Изкиндер(ь) вышед из шетра, да отшед л. 285.
сѣл далече. Да как паша ѣл, и после тог(о) приставовѣ чеуши—Мурат и Гайрадин и толмач Чебан пришли из шатра от Ибреим паши по Ивана, а велѣли Ивану итти в шатер к пашѣ. И вшел Иван в шатер, а с пашею сидит Аббисалом; и паша против Ивана встал да посадил Ивана против собя и Иван с пашею говорил Государские дѣла по Государскому наказу. И паша о всѣх Государских дѣлех Ивану отвѣт дал словом, а записи отвѣтные паша Ивану не дал. Да говорил Ивану паша: „О всѣх, деи, о тѣх дѣлех Государь нашъ отпишет к вашему Государю в своей грамоте с тобою, а как грамоту напишут, и яз еѣ к тобѣ пришлю“. И прислал Ибреим паша Салтанову грамоту к Ивану на подвор(ь)е с Чебаном с толмачем, и о той грамоте, Государь, что укажет, как велит еѣ к собѣ прислати? А писана грамота сербским языком, слова в ней русские многие, а прочесть еѣ не умѣем. ‖ Да говорил Иван пашѣ, чтоб Салтан послал к л. 285 об.
Великому Князю своего посла доброг(о) человѣка, которой бы жил близко при Государе и дѣло бы ему меж Государей л(ь)зѣ было дѣлати. И Ибреим паша отвѣчал: „Хочет Государь нашъ часа тог(о) послат(ь) к вашему Государю бол(ь)шего посла добраго своег(о) человѣка, и о тѣх о всѣх дѣлех к Государю к вашему Салтан с своим послом

отпишет же, а нынѣ Государь нашъ посылает Изкиндеря с тобою вмѣсте з ден(ь)гами соболей купити, да и тобя проводити, а не посол(ь)ством". А в Белѣ-Городѣ, Государь, и на дорозѣ от Бела-Города идучи к Перекопи, Изкиндер(ь) говорил в речи и не одинова: „Нынѣ, деи, яз иду не посол(ь)ством, послал, деи, меня Салтан з ден(ь)гами рухледи купити да и тебя проводити, а рѣчи, деи, от Салтана к Вашему Государю за мною не великие". А приѣхав из Каѳы в Перекоп(ь), перед поѣздом, Изкиндер(ь) говорил: „Прислал ко мнѣ Государь мой гонца со многими грамотами, а иду нынѣ от Государя к Государю
л. 286. с великими дѣлы". ‖ Да с Скиндерем крымской татарин Хозя Карамыш самъ третей, а сказывал Изкиндер(ь), что за ним ко Государю и рѣчи есть. А се запис(ь) Иванова ж Семенова: „Приѣхал Иван в Царь-Город августа 27, а в Царѣ-Городѣ повѣтрее, а гостей и торговых людей, и казаков, и татар, и наших людей в Царѣ-Городѣ не стало многих. А изо Царя-Города Иван поѣхал сентября 30, а повѣтрее в Царѣ-Городѣ еще велико, а на дорозѣ от Царя-Города до Бела-Города наших людей не стало четырех человѣкъ, а в Бѣл-Город Иван приѣхал октября 30. А сказывают в Белѣ-Городѣ повѣтрее было ж, да унялос(ь) до Ивана; и о Ѳилиповѣ заговеинѣ в Белѣ-Городѣ не стало в Ивановѣ караванѣ дву человѣкъ; да с тѣх мѣстъ, дал Бог, в Ивановѣ караванѣ всѣ люди поздорову, скорбь никоторая не бывала ни на какова человѣка. А Изкиндер(ь) наѣхал Ивана
л. 286 об. о Веден(ь)евѣ дни в Белѣ-Городѣ, а поѣхал из Царя ‖ Города после Ивана въ дватцатой день и при нем, сказывает, повѣтрее стало униматца. И Салтан, деи, в город въѣхал и отпустил, деи, меня, Салтан из города. А в Перекоп(ь) Иван приѣхал перед Рождеством Христовым, в понедѣл(ь)ник, да в Перекопи зимовал. И в караване в Иванове, дал Богъ, всѣ люди в Перекопи зимовали поздорову. И полем дошли до Государскіе украйны поздорову ж, да и до сѣх мѣстъ, дал Богъ, всѣ люди здоровы, а сказывают в Перекопи и в Каѳѣ повѣтрее было ж, да унялос(ь), сказывают, с осени рано, задолго до Иванова приѣзда". А сей список прислал Иван Семенов крымских вѣстей, да Иван же прислал список кормовой, и тот список дан казначѣю Петру Головину. „Лѣта ҂злв (1524) февраля 15 дня в Перекоп(ь) от волошского пригонил гонецъ, а крымской Цар(ь) в ту пору в Кыркоре. И того ж часу волошского гонца отпустили к Царю. А говорили, деи, в Перекопи ага яныченской и иные турки, что волошской
л. 287. крымскому прислал с тѣм: нагайскіе, деи, мырзы, ‖ агыш з брат(ь)ею, присылали посла к литовскому королю о том, чтоб имъ корол(ь) отдал Ашихмата, Царя бол(ь)шіе орды: „И тол(ь)ко деи нам отдаш Шахмата, и Царь, деи, да и мы будем с тобою в крѣпкой дружбе и пойдем на крымскую орду заодин. Корол(ь)! пошли к Очакову судовую рат(ь), а Шахмет Царь пойдет к Перекопи и х Крыму, да крымскую орду розорим, а городы, деи, Царю ненадобе, а Очакова и Ислама поступитца тобѣ, королю, а чтоб, деи, нашего недруга да твоего, крымской орды, меж нас не было". И корол(ь), де, Шахматца Царя нагайским мырзам отдал. Да в Перекопи ж говорили: „Крымской, деи, Сады Гирѣй посылал к Салтану о том, чтоб Салтан послал к волошскому, чтоб, Салтана для, волошской [с] Сады Гирѣем был по тому ж, как был волошской наперед тог(о) с Магмед Гирѣем с крымскимъ". И туретцкой к волошскому посылал: „О чем, деи, еси с моим Сады Гирѣем с крымским не в дружбе"? И волошской, деи, прислал гонца к Сады Гирѣю, Салтана для, а писал, деи, воевода крымскому: „Похочешь, деи, со мною быти в дружбе, и ты б ко мнѣ прислал Мангита Аталыка князя черленог(о),
л. 287 об. а иного бы еси мимо его ко мнѣ [не] посылал". ‖ Марта 22 из Царя—Города в Перекоп(ь) пригонил гонец и того ж часу отпустили его к Царю в Кыркор, а говорили турки и ормена меж собя: „Прислал, деи, туретцкой х крымскому о том, чтоб еси жил

бережно и князем бы еси своим и мурзам и татаром никакову человѣку от(ъ)ѣзжат(ь) не велѣл, а во Царѣ, деи, нынѣ Городѣ велика нынѣ замятня: от турецкого(о), деи, Салтана отложилася Мисюр(ь) и всѣх, деи, городов и пригородков мисюрских отложилос(ь) от Салтана 68 городов, а держит, деи, нынѣча Мисюр(ь) Ахмат паша, что был от Салтана Санчаком на Мисюри. Да послал, деи, Ахмат паша и вся земля мисюрская х Кызылбашу, чтоб, деи, еси пошел на турецког(о) часу тог(о), а Мисюр(ь), деи, твоя отчина перед тобою". Марта 23 Иванъ Семенов и Искиндер(ь) выѣхал из Перекопи да стали на поле от Перекопи верстъ с пят(ь). И тог(о), деи, дни к Ивану Искиндер(ь) приказывал: „Сего, деи, дни прислал ко мнѣ сынъ грамоту из Царя-Города, ‖ а писал ко мнѣ, что Салтановы хозяев(а) многие люди царегородцы и иных городов пошли были к Осподню гробу и мисюрцы, деи, тѣх людей не пропустили, и Государь нашъ послал отвѣдывати, чег(о) дѣля тѣх людей не пропустили и кто не пропустил. А к Мисюри Государь наш послал своих паш и санчаков со многими люд(ь)ми, а велѣл им тог(о) мѣста беречи. А самому деи Салтану на сей веснѣ итти на угорског(о) короля, на литовског(о), деи, короля Салтан отрядил своих санчаков многихъ, а с ними сорок тысяч(ь) да и х крымскому, деи, Сади-Гирѣю Салтан писал, а велѣл ему итти на литовског(о) ж короля". Апрѣля 1, ѣдучи на поле, говорил с Иваном Булгак княз(ь) да в розговорѣ к речи приговорил: „Турской, дей, нынѣча, писал к нашему Государю, чтоб Цар(ь) пошел на литовского короля: „А будет, деи, у тебя людей мало,—и яз к тобѣ людей пришлю", и Салтану, деи, нынѣча к нашему Государю людей послати ‖ своих нел(ь)зѣ: и самому, деи, ему недосуг. Взял был Салтан ѳрязской город Родос и ему нынѣча со ѳрязы великая бран(ь), да еще ему с Мисюр(ь)ю нынѣча ж страшная великая бран(ь)". И Иван молыл: „А с Мисюр(ь)ю какой брани быти—Мисюр(ь) Салтанова земля?". И Булгакъ молыл: „Была его, а нынѣча меж их великая бран(ь)". И апрѣля 3 на поле ж говорил Ивану Искиндер(ь): „Государь нашъ, Сюлемен Салтан, прислал ко мнѣ з гонцом в Перекоп(ь) грамоты о многих дѣлех, и яз нынѣча иду от своег(о) Государя к вашему Государю с великими дѣлы". Апрѣля 5 на арсле сказывал Ивану Искиндер(ь): „Вечере, деи, приходили к нам два человѣка из Перекопи, а ходили, деи, нашею ж сакмою, а не видали, сказывают, никакова человѣка, а сказывают, что х крымскому Царю пришла вѣсть после нас, что литовской корол(ь) послал к Очакову Остро(ж)ског(о) с конною рат(ь)ю, а Дашковича Днепром судовою рат(ь)ю, а шел, деи, Дашкович к Днепру из Черкасов Конскою Водою. ‖ И крымской, деи, Царь нынѣ со всѣми люд(ь)ми стоит за Днепром на Конской Водѣ, по обѣ сторонѣ, а дожидает Дашковича: как поворотит назад, и Царю его не пропустит(и). А орменя, деи, говорят меж собя: „Литовская, деи, сила Очаков розорила, а взяли, деи, его в два дни, да пошла, деи, литовская сила конная и судовая к Белу-Городу, а силы, деи, литовской конной и судовой ҂п (80000)". А Булгаков княжой человѣкъ говорил с русаки: „Дашкович, деи, пошел к Очакову Днепром, а с ним судовые рати сорок тысячь, а Острожской, деи, пошел берегом, а с ним конной сорок же тысячь, а розорив, деи, Очаков да быт(ь), деи, сказывают, имъ в Перекопи, й тол(ь)ко, деи, пойдут, и они, деи, всѣ городки крымские поемлют, а Царь, деи, нынѣ в Перекопи, а князи и всѣ люди выбил к Очакову к Днѣпру на берег". ‖

л. 288.

л. 288 об.

л. 289.

л. 290.

Лѣта ҂злв (1524) июн(я) (?) приговорил Княз(ь) Великій з бояры, что ему время велѣти к собѣ ѣхати из Нова-Городка Ивану Семенову сыну Брюхову и турецкому послу Скиндерю. И послал Княз(ь) Великій в Новый Городок Ивашка Прокудина, а приказал с Ивашком к Ивану к Семенову, чтоб Иван поѣхал к Великому Князю на

подводах, а Ивашку Прокудину велѣл ѣхати с Искиндерем вмѣсте и кормъ ему по дорозѣ ѣдучи велѣл давати, а коня и иноходца Княз(ь) Великій к Скиндерю с Ивашком не послал тог(о) дѣля: писал к Великому Князю Иванъ Семенов, что на отпуске Ивану говорил Ибреим паша: „Тебя Салтан отпущает к твоему Государю, а с тобою посылает к Великому Князю своег(о) человѣка Скиндеря, а не посол(ь)ством посылает его: тебя проводити и купити на собя, что потребная". А в Крымѣ говорил Скиндер(ь) Ивану, что его Салтан послал к Великому Князю посол(ь)ством,—и Княз(ь)
л. 290 об. Великій поговорил з бояры: „Там Ивану ‖ пашы говорили от Салтана, что Скиндеря Салтан посылает к Великому Князю не посол(ь)ством, а он сам сказывается, что идет посол(ь)ством. Ино тому вѣрити, что паши говорили, а тому не вѣрити, что Скиндер(ь) говорил". Да тог(о) дѣля, поговоря з бояры, иноходца и коня к нему не послал, а велѣл ему тол(ь)ко кормъ давати ему и на ег(о) люди да подводы ему велѣл дати. И как Скиндер(ь) приѣхал на Москву, и Княз(ь) Великій встрѣчю к нему пристава не посләлъ, а велѣл с ним ѣхати в город и на подвор(ь)е его поставити Ивашку Прокудину. И велѣл Княз(ь) Великій Изкиндерю быти на дворѣ и посылал по нег(о) на подвор(ь)е Ивашка ж Прокудина. И как приѣхал Скиндер(ь) на дворъ и взошол на переднеѣ крыл(ь)цо, и Княз(ь) Великій послал его встрѣтити Шыгону Поджогина, да діака своего Труѳана Ил(ь)ина, да Володимера Тороканова поминков
л. 291. дѣля. А в другой строче велѣл его встрѣтити въ брусяных ‖ сенѣх Васил(ь)ю Яковлю, да Елизару Цыплятеву, да Мен(ь)шому Путятину. И как вшол к Великому Князю, и явил его Великому Князю челом ударити Василей Яковль. Искиндер(ь) правил Великому Князю от Салтана поклон, да подал грамоту, и Княз(ь) Великій звал его к руцѣ, и велѣл ему сѣсти, и звал его к собѣ ѣсти. И Скиндер(ь) не ѣл у Великог(о) Князя, отговорился тог(о) дѣля, что тогды было их говѣино, и с медом Княз(ь) Великій за ним не посылал, и велѣл ему Княз(ь) Великій итти в набережную полату, и высылал к нему Федора Карпова, Шыгону Поджогина да діака своег(о) Мен(ь)шого Путятина, а велѣл ему говорити: „Государь наш велѣл тобѣ говорити": „Наперед сего присылал к нам Салтан тебя ж Изкиндеря, а приказал к нам, что с нами в дружбе и в братствѣ хочет быти; и мы хотя с ним быти в дружбѣ и в братствѣ, посылали
л. 291 об. к нему своег(о) бол(ь) ‖ шег(о) посла, доброго своег(о) человѣка Ивана Семеновича. И послу нашему Ивану от Салтана говорил паша его Ибреим, что Салтан с нами в дружбѣ и в братствѣ хочет быти и посылает к нам своег(о) бол(ь)шег(о) посла великог(о) человѣка, а Скиндеря посылает проводити Ивана, чтоб ему без страху итти и на собя, что потребная купити, и от Салтана с тобою к нам каков приказ ест(ь) ли?" И Скиндер(ь) говорил: „Государь нашъ и ныне с Великим Князем в дружбѣ и в братствѣ хочет быти и послал меня вмѣсте с Иваном, а со мною послал к Великому Князю грамоту, а в грамоте в своей то ж писал, что в дружбѣ и в братствѣ с Великим Князем хочет быти: и послы бы и гости на обе стороны ходили без зацѣпки и зауморков бы не было, а того яз не слыхал, чтоб Ибреим паша Ивану говорил, что Государь наш хочет послати к Великому Князю своег(о) бол(ь)шег(о) посла". И Федоръ
л. 292. с товарицы Скиндерю говорили: ‖ „Государь наш с которыми Государи в дружбѣ и в братствѣ, ино межи их грамоты утверженные; и наперед того, коли ты был у нашего Государя, и тогды тобѣ от Государя о том говорили ег(о) бояре, и ты говорил: „Пошлет Государь к Салтану своег(о) посла, и там у Салтана то дѣло здѣлают же". И Государь наш послал своег(о) бол(ь)шег(о) посла, и там Государя нашего послу о том слова никакова не было, как им быти в дружбе и в братствѣ, и с тобою пак(и)

ныне о том каков приказ ест(ь) ли? Как Салтану быти со Государем нашим в дружбѣ и в братствѣ, и каким межи их крѣпостем быти?" И Скиндер(ь) говорил: „Со мною приказу от Государя от моег(о) никоторог(о) нѣтъ, опричь тог(о), что послал со мною Государь мой грамоту к Великому Князю". И Княз(ь) Великій велѣл ему того дни ѣхати на подвор(ь)е. А се грамота Сюлеман шах Салтанова к Великому Князю с Иваном с Семеновым: „Силы находец, Суйлеман шах Солтан, Салим шаг Царев ‖ сынъ. л. 292 об.
Милостію Божіею яз Великій Царь и сил(ь)ный Государь, всѣм землям приморским и по сушным и по всяким странам знаем, и дал(ь)ним землям господинъ, и Царем Царь, и Государем господинъ, первая земля поперек—многа земля румская и уруская, еще караманская, и анатол(і)йская, и роман(і)йская, и перская, и Мисюрю славному и сил(ь)ному, и всей земли арапской и иным многим землям Господинъ. Пишет высота царства ми во всем почтенному и всякой ч(ес)ти и славам достойному и Богомъ Господем подарованному и славному нашему доброму приятелю, Князю Великому, Государю земли московской, и владимерскому, и болгарскому, и пермьскому, и иным многим землям восточным Государю и Князю Великому и славному многое здравие и порадование в веселиѣх, аки нашему приятелю и доброму суседу. Потом вѣдомо буди благородствію твоему, что на сех временех к честным вратом царства ми прислал еси ‖ посла своег(о) почтеннаго благородства ти, именем л. 293.
Ивана—Семеновича, и он дошел животом и здравіем до царства ми вмѣсте с нашим послом с Искиндерем Испаги Угланом, и что благородствіе твое послал приятел(ь)ских рѣчех приятел(ь)ским путем о здравіе и о животе поновляючи и торгу для, как есть было наперед тог(о) писано в грамотах и что в посол(ь)ствѣх было наказано и в грамотах писано, будучи з Божіем хотѣніем и помилованіем,—и тѣ реченныя пословѣ в добрем счаст(ь)и сут(ь) дошли в добрем часу. И узнали есмя все сполна, что за приятел(ь)ство и за любов(ь) и единъ другому въ правой дружбѣ быти и добраг(о) живота ради от обѣих странах живота и здравия по истиннѣх и по правдѣх вел(ь)ми, яко непоколебимо, держати и мир и любов(ь) межи обѣма нами, держанія ради добро мыслити. Да будет во всем по тому и то есть всезнатно царства ми. ‖ Тако л. 293 об.
же да есть вѣдомо благородствію твоему, что царство мое на предреченнем приятел(ь)стве и на стат(ь)ѣ, как есмя поставили клятву и вѣру, и нынѣ на том стоим. И еще бол(ь)ши тог(о) стоим и клятву поновляем и вѣру крѣпче учинили. Также опят(ь) заповѣд(ь) здѣ царства[1]) мое(го), как есмя имали наперед сего закон по хотѣн(і)ю и по мол(ь)бѣ вашие милости, закон и приятел(ь)ство да будет межи нами, как есть было межи нас обоих, так же и нынѣ по тому да будет. И как было людем торговым промежи обѣих странах торгомъ и всяким путем ходити и отходити, и товаръ продавати, и ходили и отходили безо всякой неволи и зла и обиды, по тому бы и ныне, на сех временах, да ходят и отходят и торгом да торгуют всяким. А никоторые забавки и похищен(ь)я да не будет от наших людей в обѣих странах. А которому человѣку Божіим хотѣніем случится смерть, а что у нег(о) понайдется товару по обычаю, да напи ‖ шется на список и да положится в сумках за пѣчат(ь)ми в л. 294.
казну или индѣ в добром мѣстѣ, доколева обвестится племяни. Как похотят дойти з грамотами обѣих стран, и тот товаръ да отдается. А инако да не будет. Так вѣдомо буди благородствію твоему. Та(к)же в сех временах вышереченный посол благородствія твоего къ честным вратом царствія нашего дошел и руку царства ми целовал

---

[1]) въ рукописи: царство мое.

и законъ посол(ь)ства по закону старому довершил и на мерѣ поставил и назад по велѣн(и)ю царства ми оправився пошел. И з Божіимъ хотѣніем и повелѣніем животом и здравием до благородія твоег(о) да дойдетъ и со благородствием твоем да ся сстанут. Также да вѣсть благородствіе твое, что вышереченный посол благородія твоег(о), яко ж слышел царствия моего, что, семо идучи оттуду, в нѣкоей вѣси некоим людем
л. 294 об. земским неколико поговорил и межи ‖ себя и межи их свар был, и одинъ одного межи себя туто пушкою уморил. Также межи иных людей, некоторых зверей ловячи по полем, и они у них имали вел(ь)ми до досады. И того ради хочет царство мое, о том обыскав, и тѣх людей, до закона доведши, казнити. О том хочет царство мое вел(ь)ми тѣх показнити, как и благородствіе твое услышит. Так же да будет вѣдомо благородствию твоему, что и рѣч(ь)ми говорил царству моему предреченный посол благородія твоего, что ныне хочеш да и вперед воля благородія твоего хотѣти вѣчнаго ради приятел(ь)ства и любви ради. И вѣдома для человѣкъ благородія твоего на всяко время да будут. И коли посла похочеш прилучити, да ся упослует по законному обычаю. И товар всякой похочет показати,—и здѣшним людем торгъ им да будет, как есть и у
л. 295. благородія твоего. О том благородствие твое навѣдомо паки от нас, и иные ‖ рѣчи на уста скажет предреченный посол благородію твоему. Писана и дана сентября двадесятдевятый, на мѣсте славном и стол(ь)нем Царе-Граде“. А се грамота Салтанова к Великому Князю съ Скиндерем. „Силы находец Суйлеман шаг Солтан, Салим шаг Царевъ сынъ. Милостію Божіею яз Велій Царь, и сил(ь)ный Государь, и Великій Государь, и великій амиръ, Султан Суйлеман хан, и всѣм землям приморским и румским, и караманским, и анатолиским, и романѣйским, и перским, и мисюрским, и всей землѣ арапской и иным многим землям Государь. Пишет высота царства ми во всѣм почтенному и всякой ч(ес)ти и славѣ достойному и Богом подарованному и нашему
л. 295 об. доброму приятелю и сусѣду Великому Князю ‖ Васил(і)ю, Государю московскому, и болгарскому, и владимирскому, и сиверскому, и иным многим землямъ восточным Государь и Великому Князю многое поздравленіе и весел(і)е благородствію твоему, аки моему доброму приятелю. Потом вѣдомо буди благородствію твоему, како в сѣх временах благородствію твоему пригодства и приятел(ь)ства и любови ради и межи нами обѣма которая есть любов(ь) и приятел(ь)ство, поновленія ради и крѣпости, и непоколебимо дѣлаючи, послал своег(о) посла почтеннаг(о), аки вел(ь)ми ближняг(о) слугу, по имени Ивана. И что благородствіе твое в грамоте писал, и рѣч(ь)ми царствію моему с нашим знаменитым послом Искиндерем приказывал на знат(ь)е и на вѣдан(ь)е, как то было межу нами обѣма приятел(ь)ство и любовь, тог(о) ради мы, приняв прошен(і)е благородствія твоег(о), как было межу обѣма нами приятел(ь)ство и любов(ь) наперед сег(о), до сѣх мѣстъ, и в грамотах писано и утверженой мир
л. 296. поставлен, так же и нынѣ ‖ и вперед межи нами обѣма да будет в первых и в нынѣшних грамотах. И как еси приказывал к нам с послом благородства ти, чтоб и в нынешних временах межу нами обѣма, как было наперед того живот и приятел(ь)ство,—да и нынѣ поновится, ясно заключится. И люди бы ваши и наши торговые да ходят животом и здравіем, водами и землями со всяким торгом и с послом и своею волею да ходят, и да будут в бережен(ь)е и въ борони, как было в нашем царствіе при дѣде и при отце при упокойникех [въ прежнихъ] временѣх. Так же и во времена царства моег(о) да будет, а инако да не будет никакому человѣку ни зацѣпки и заман(ь)я без опыту. И нихто да не имат(ь) власть всякой человѣкъ в житіи царствія моег(о) во временех сих кому ког(о) обидети. Но да будут паки торговци с обе сто-

роны, с торгом и з другим дѣлом, которые приходят и отходят, како хотят, и по своей волѣ торгуют и купльствуют и продают. ‖ И аще которому человѣку смерть л. 296 об.
прилучится, а останется у нег(о) рухляд(ь),—и никакову человѣку вь ег(о) рухляд(ь) не вступитис(ь), ни грабити, но да будет сохранена за печат(ь)ю та рухляд(ь). А коли придут с обѣ стороны в кой ден(ь) запечатаног(о) взыщут имѣн(ь)я, полно да отдастся лицем от обѣих стран,—ниже да оставит, ни возмет лишка ни одной ден(ь)ги, паки тѣм чином отворотив назад, и пошлют ко господину товару с вѣрющею грамотою от обѣих стран, коли ни придет. Тако ся да знает и учинит, от царства моег(о) велико такое повелен(і)е и хотѣн(і)е ест(ь), так бы ся держати, как ест(ь) реч(ь)ми по грамотам вѣрющим и заповѣдь в книгах записана и печат(ь)ю царствія моего запечатано. Паки тако да ест(ь) и требует быти. Тако и благородствіе твое в вышереченных записаных и завязаных да стоит, и непоколебимо да будет на том стояніи и подержаніи, как тому достоит и пригож быти, со всѣм сердцем и со всѣм ‖ хотѣ- л. 297.
ніем и обычаем веселым и любовным путем. На том стояніе да будет благородіе твое. И да не убавит благородіе ти ни едино от сих. А что посол благородства ти, по имени Иван, иже ест(ь) пришел посол(ь)ским путем с Царским приятел(ь)ством, с нашим послом в одном мѣсте до царства моег(о) заедино дошли и посол(ь)скій пут(ь) по закону и путем дошли приятел(ь)ским и посол(ь)ским, кой ест(ь) был закон,—по чину на мѣсто донес и свершил [и] благо, со всѣмъ царьства ми красным и добрым путем. Тамо также и ко благородству ти красным путем послан и добрым благосовѣтием послан от врат царьства ми, добрем благосовѣтіем тамо послан со всѣм животом и здравием къ благородству ти послан. И з Божіим хотѣніем и повѣленіем до благородства ти животом и здравіем да дойдет ко здравію благородствія твоег(о) паки тот же посол царства ми Искиндер(ь), раб царства ми, его ж послал есмь сам посол(ь)ским путем до благородія твоего,—паки любве ради ег(о) сам есмъ послал заедино с послом благородія ‖ твоег(о). И что учнет благородію твоему, что с ним наказано, как учнет л. 297 об.
говорити благородію твоему, и благородіе бы твое ему вѣрил, понеж(е) сут(ь) рѣчи благород(і)я моег(о). Также царство мое с Искиндерем предреченным нѣколико аспръ тамо в землю благородствия ти послал, яко да купит кожи, шуб для от всякого чину царства моег(о) ради, а там да ми купит кожухи на готовые аспры. О том да учинит так благородство твое. Также бы предреченный посол благородствія моег(о) да будет убережен и оборенен от всякого зла. И колико похочет время тамо побыти, доколѣ восхочет сполна тое рухляди найти и издоволитис(ь) по нашему наказу, как есмя ему наказали купити, и посол(ь)ство посол(ь)ствовати,—потом его да пошлете к нам. А как наше дѣло дополна исправит и посол(ь)ствует, и благородіе бы твое, как уже он захочет сам торговати, тогды благородіе твое да пошлет благородие твое на купование всякой рухляд(и) единого человѣка, которой бы знал всяког(о) товару ‖ купования. И о л. 298.
том царствіе мое хочет имѣти великое благодареніе, аки моему доброму приятелю и доброму сусѣду. Так буди вѣдомо благородію твоему. И скол(ь)ко уже захочет и денег станет, тол(ь)ко рухляди да купит. Инако да не будет царствія моег(о) прошен(і)е и мол(ь)ба“.

Да выслушал Княз(ь) Великій грамоты Салтановы, что Салтан прислал с Иваном с Семеновым и Скиндерем, да говорил з бояры, что ему Скиндеря к Салтану отпустити, а с ним своег(о) доброго человѣка послати не пригож, тог(о) дѣля, что Салтан бол(ь)шего посла не прислал и с Искиндерем приказу от него нѣт, каким межи их крѣпостем быти. А послати с ним рухляди дѣля молодог(о) человѣка, что Иван оставил рухляд(ь) во Царѣ-Городѣ Великог(о) Князя. И сентября (?) велѣл Княз(ь)

л. 298 об. Великій Скиндерю быти на дворѣ. И как Скиндер(ь) на двор приѣхал, ‖ и Княз(ь) Великій к нему выслал с отвѣтом Федора Карпова, да Шигону, да діаков мен(ь)шог(о) Путятина, да Труѳана Ил(ь)ина. А се отвѣт Искиндерю. Отвѣт Великог(о) Государя Васил(і)я, Божіею милостію Государя всея Руси и Великог(о) Князя, Сюлемен шах Салтанову Скиндерю Сакѣ. Шыгона говорил: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям всточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити": „Прислал к нам брат нашъ, Сюлемен Салтан, вмѣсте с нашим послом с Иваном тобя Скиндеря, и говорил еси нам от Сюлемен Салтана, что с нами в дружбѣ и в братствѣ хочет быти по
л. 299. тому ж, как с нами был в дружбѣ и в братствѣ ‖ отецъ его, Салим шах Салтан, а нам бы с ним по тому ж быти в дружбѣ и в братствѣ, и люди бы наши меж нас на обе стороны ѣздили здоров(ь)я нашего видѣти, да и гостем бы нашим на обе стороны пут(ь) был чистъ без всякие зацѣпки, и заумorком бы на обе стороны не быти. А в грамоте в своей Салтан с нашим послом с Иваном и с тобою то ж к нам писал. И как мы были в дружбе и в братствѣ с отцем сь его, с Салим шах Салтаном, и брат нашъ, Салим шах Салтан, писал к нам в своих грамотах, как есть пригож нашему Государству. А ныне которые грамоты привез к нам ты от Сюлемен Салтана, и в тѣх грамотах Сюлемен салтан писал к нам не по тому, как есть пригож нашему Государству".

Шыгона ж говорил: „Великій Государь велѣл тобѣ говорити": „Да говорил нашему
л. 299 об. послу Ивану Ибреим паша, что Салтан о братствѣ и о дружбѣ посылает ‖ к нам своег(о) бол(ь)шег(о) посла. И ты от нас молви брату нашему Сюлемен Салтану: мы с ним в дружбѣ и в братствѣ хотим быти по тому, как с нами был в дружбѣ и в братствѣ отецъ его, Салим шах Салтан. А он бы по тому ж с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в грамотах бы в своих писал к нам, как есть пригож нашему Государству, по тому ж, как к нам писал отецъ его, Салим шах Салтан, да и люди бы наши межи нас ѣздили нашего здоров(ь)я видѣти, да и гости б наши на обе стороны ходили без всякой зацѣпки, и заумorков бы на обе стороны не было. А как будет у нас его бол(ь)шей посол, и мы о тѣх дѣлех о всѣх велим переговорити сь ег(о) послом, и о братствѣ и о дружбѣ покрепим. А нынѣ тобя отпущаем к брату своему, Сюлемен Салтану, а посылаем с тобою к Салтану свою грамоту". Мен(ь)шей говорил. А ся запис(ь) в отвѣте Скиндерю не дана. „Великій Государь велѣл тобѣ говорити": „Да
л. 300. говорил ‖ еси нам от Салтана, чтоб нам с Саип Гирѣем царевичом, которог(о) наши измѣнники казанцы, нам измѣнивъ, в Казан(ь) взяли, помиритис(ь). Ино и Салтану то гораздо вѣдомо, что изначала на тот юртъ Царей сажаем мы из своих рук. И мы з Божіею волею и ныне хотим держатися того ж обычая". Мен(ь)шой ж говорил: „Великій Государь велѣл тобѣ говорити": „Да посылаем с тобою вмѣстѣ к Салтану своих людей торговых Алексѣйка Можаетинова, да Мурзу Черного, да Опалю Кузмина; да велѣли есмя Ивану Семенову послати своег(о) человѣка Шемета. И как, дастъ Бог, будеш у Салтана, и ты от нас Салтану молви,—которую есмя свою рухляд(ь) послали с своим послом с Иваном с Семеновым на нѣкоторые свои потребы, и посол нашъ Иван нашу рухляд(ь) оставил во Царѣ-Городѣ. И Сюлемен бы Салтан к той рухляди
л. 300 об. тѣм нашим людем ‖ велѣл дати своих купцов по тому ж, как мы здѣс(ь) велѣли дати тобѣ купцов. И велѣл бы ту нашу рухляд(ь) продати и купити нам, что потребная, а мы к Салтану с своими люд(ь)ми, в своей грамоте о том пишем, а с тобою о том к Салтану свою грамоту посылаем жо. Да чтоб тѣм нашим людем по брата нашего городом от брата нашего людей неч(ес)ти и силы никоторые нигдѣ не было, пошлин

бы с тѣх людей никоторых не имали. Да во Царѣ бы Городѣ брат нашъ с тѣх
людей пошлин имати не велѣл, зан(е)же мы их посылаем о своих дѣлех". И выслу-
шав отвѣт, Скиндер(ь) говорил: „Говорили есте в отвѣте, что говорил Ибреим паша
Ивану, что Салтан посылает ко Государю своег(о) великог(о) посла. И Государь мой
послал меня посол(ь)ством, а о бол(ь)шем послѣ слово не бывало". И Федоръ ему с това-
рищи говорили: „Скиндер(ь), ‖ присылал тобя наперед того Салтан к нашему Государю л. 301.
посол(ь)ством, чтоб Государь наш с Салтаном был в дружбѣ и в братствѣ. И Государь
наш тогды высылал к тобѣ говорити бояр своих, что с Салтаном в дружбе и в брат-
ствѣ хочет быти, да и о том велѣл с тобою говорити своим бояром, каким грамотам
межи Государя нашего и Салтана быти о дружбе и о братствѣ. И ты говорил, что с
тобою о том не приказано, а ныне от Салтана Государя нашего боярину о том слова
никоторог(о) не было. И в грамоте тог(о) Салтан ко Государю нашему не писал, да
и с тобою о том, сказываеш, приказу нѣт. Ино что Салтанова дружба, и как ему
быти с Великим Князем?" Скиндер(ь) говорил: „Государь наш, Сюлемен Салтан, и
ныне со Государем вашим хочет быти в дружбе и в братствѣ, а о том дѣлати со
мною не наказано. Послал со мною грамоту и яз то довез". ‖ л. 301 об.

И Федоръ с товарищи ему говорили: „И нынѣ Государь нашъ тобя к Салтану
отпущает, а к Салтану посылает с тобою свою грамоту". Да Искиндер(ь) же говорил:
„Говорили есте мнѣ о Казани, что Казан(ь) юртъ изначала Государя вашег(о). Ино
Саип Гирѣй Цар(ь) присылал ко Государю нашему сеѣ весны бити челом, а зало-
жился за Государя нашего: и то юртъ Государя нашего, и Княз(ь) бы Великій х Ка-
зани рати не посылал". И Шыгона ему говорил: „Посылал Саип Гирѣй Цар(ь) к Салтану,—
ино то он вѣдает, а то изначала юртъ Государя нашего". И Скиндер(ь) жо говорил:
„Да говорили ми есте в отвѣте, что Государь наш к вашему Государю писал не по
пригожу в своей грамоте, ино что непригож(е)ство"? И Шыгона ему говорил: „Наперед
тог(о) писал ‖ ко Государю нашему отец ег(о), Салим шах Салтан, и опослѣ пак(и) л. 302.
тог(о) Сюлемен Салтан писал ко Государю нашему по пригожу, как есть пригож Го-
сударю нашему". И Скиндер(ь) говорил: „Яз того не вѣдаю, что будет непригож
писано и не так, как Государю пригож. А что есте в отвѣте говорили, что Княз(ь)
Великій с нами вмѣсте посылает своих людей да Иванова человѣка Семенова с нами
ж вмѣсте посылает тог(о) дѣля, что Иван оставил рухляд(ь) Великог(о) Князя во
Царѣ-Городѣ,—ино вел(ь)ми добро, и Государь бы Княз(ь) Великій написал о том к
Салтану грамоту, а рухляд(ь) готова, дана на неѣ полата, а ключ у Ивана у Семе-
нова. И ког(о) Государь пошлет к Салтану своих людей, да и Иванова человѣка
пошлет, и мы тѣх людей до Салтана допровадим и силы им и неч(ес)ти от Государя
нашего людей не будет". Да и отпустил Княз(ь) Великій Скиндеря. А в приставех
с Искиндерем поѣхал Ивашко Прокудинъ. ‖ А во Цар(ь)-Город послал Княз(ь) Вели- л. 302 об.
кій с Скиндерем своих торговых людей Алексѣйка Можаетинова, да Мурзу Черного,
да Опалю Кузмина. А Ивану Семенову велѣл Княз(ь) Великій послати к рухляди
своег(о) человѣка. И послал Иван своег(о) человѣка Шемета. А Княз(ь) Великій с
Скиндерем к Салтану послал свою грамоту, а о рухляди с своими люд(ь)ми Княз(ь)
Великій к Салтану послал грамоту ж. А се грамоты к Салтану съ Скиндерем. А
поѣхал Скиндер(ь) на Путивль да на Крым, а Доном просился, и Княз(ь) Великій
ег(о) Доном не пустил: нѣкоторое прозябло слово от Скиндеревых людей и от сторон-
[нихъ], что Скиндер(ь) послан смотрити мѣстъ на Дону ставити город, и того дѣля
Доном не пущен. ‖ л. 303.

„Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый и ныне есть, Отецъ и Сын и Святый Духъ. Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Рус(и), и иным многим землям восточным и сѣверным Государь, и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугородскій, псковскій, смоленскій, тферскій, югорскій, пермьскій, вятскій, болгарскій и иныхъ. Сюлемен шах Салтану, Государю костянтинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и наталѣйскому, и римскому, и карамаискому, и румскому и иных земел(ь) Государю и брату и доброму приятелю. Посылали есмя к тобѣ своег(о) посла Ивана Семенова сына Морозова и ты нашего посла Ивана к нам отпустил, а с ним прислал еси к нам Скиндеря, а в грамоте в своей к нам писал еси с нашим послом с Иваном, и словом еси отказал нашему послу Ивану, и с Скиндерем еси к нам в своей грамоте то ж писал, что с нами в дружбе
л. 303 об. и в братствѣ ‖ хочеш быти по тому ж, как с нами был в дружбѣ и в братствѣ отецъ твой, Салим шах Салтан, а нам бы с тобою по тому ж быти в дружбѣ и в братствѣ, и послы б наши межи нас ходили на обе стороны нашего здоров(ь)я видѣти, да и гостем бы нашим на обѣ стороны пут(ь) был чистъ безо всякие зацѣпки, и заморков бы на обѣ стороны не было. Да говорил нашему послу Ивану паша твой Ибреим, что ты вмѣсте с нашим послом с Иваном послал к нам Скиндеря о нѣкоторых о своих потребах, а бол(ь)шег(о) своег(о) посла к нам о дружбѣ и о братствѣ посылаеш часа того. И ты б к нам послал своег(о) посла, и был бы еси с нами в дружбе и в братствѣ по тому ж, как с нами был в дружбѣ и в братствѣ отецъ твой, Салим шах Салтан. А мы с тобою по тому ж в дружбе и в братствѣ хотим быти, как с нами был отецъ твой, Салим шах Салтан, и послы б наши межи нас ходили на обе стороны нашего здоров(ь)я видѣти, да и гостем бы нашим на обе стороны пут(ь) был
л. 304. чисть безо всякие ‖ зацѣпки, и заморков бы не было на обе стороны. А как будет у нас твой бол(ь)шей посол, и мы тогды о всѣх о тѣх дѣлех с твоим бол(ь)шим послом велим говорити своим бояром, и о дружбе и о братствѣ тогды покрѣпим, и вмѣсте с твоим бол(ь)шим послом пошлем к тобѣ тогды своег(о) бол(ь)шег(о) посла. А ныне послали есмя к тобѣ вмѣсте съ Скиндерем своих торговых людей Алексѣйка Можаятина, да Мурзу Черного, да Опалю Кузмина, а с ними вмѣсте велѣли есмя послати послу своему Ивану Семенову своег(о) человѣка Шемета тог(о) дѣля: посылали есмя свою рухляд(ь) с своим послом с Иваном на нѣкоторые свои потребы, и ты нашего посла Ивана вборзѣ к нам отпустил, и он тоѣ рухляди продати не успѣл. И Иван говорил пашѣ твоему Аязу, чтоб той рухляди велѣл указати во Царѣ-Городѣ мѣсто, гдѣ та рухляд(ь) положити. И Аяз паша велѣл Мурат(у) чеушу указати
л. 304 об. мѣсто ту нашу рухляд(ь) положити и взяти велѣл ту рухляд(ь) Мурат(у) чеушу. ‖ И посол нашъ Иван ту нашу рухляд(ь) во Царѣ-Городѣ оставил, а отдал еѣ Мурат(у) чеушу, да и список тоѣ рухляди Иван послал с Муратом к Аяз пашѣ, и Аяз паша тот список дал казначѣю твоему и діаку Аббисалому. И как до тебя дойдут тѣ наши торговые люди Алексѣйко и Мурза и Опаля, и ты б к той нашей рухляди тѣм нашим людем велѣл дати своих купцов по тому ж, как мы велѣли здѣс(ь) дати Скиндерю своих купцев, что тобѣ купити потребная, и велѣл бы еси тѣм купцом ту нашу рухляд(ь) продати и купити нам, что потребная, а пошлин бы еси в своих городех на тѣх наших людех никоторых имати не велѣл, зан(е)же мы их послали о своих потребах. И как ту нашу рухляд(ь) изпродадут и купят, что нам потребная, и ты б тѣх наших купцов Алексѣйка и Мурзу и Опалю велѣл к нам отпустити, и проводити бы еси их велѣл до наших украин, чтоб им здорово и без страху дойти до

наших украин. А что будет тобѣ которая потребная в наших государствѣх понадобится, и мы ‖ тобѣ также хотим дружбу свою держати. Писан в нашем государстве. л. 305.
в нашем граде Москвѣ лѣта ҂злг (1524) сентября мѣсяца". А се грамота к Салтану с торговци с Олексѣем с Можаетиновым с товарищы. Имена в крузѣх по тому же, как съ Скиндерем в грамоте. „Посылали есмя с своим послом с Иваном с Семеновым свою рухляд(ь) на нѣкоторые свои потребы, и ты посла нашего Ивана к нам вборзе отпустил, и посол нашъ Иван тоѣ рухляди продати не успѣл. И говорил Иван твоему пашѣ Аязу, чтобы велѣли указати мѣсто, гдѣ та рухляд(ь) положити и кому еѣ беречи. И Аяз паша велѣл ту рухляд(ь) взяти у Ивана Мурат(у) чеушу и мѣсто ей велѣл указати, гдѣ та рухляд(ь) положити. И посол нашъ Иван ту нашу рухляд(ь) оставил во Царѣ-Городѣ, а дал еѣ Мурат(у) чеушу, да и список ‖ тоѣ рухляди Иван л. 305 об.
послал к Аяз пашѣ с Муратом. И Аяз паша тот список дал твоему казначѣю и діаку Аббисалому. И мы ныне с сею своею грамотою послали к тебѣ своих торговых людей Алексѣйка Можаетинова, да Мурзу Чѐрного, да Опалю Кузмина, а послу своему Ивану Семенову велѣли есмя с ними вмѣсте послати своег(о) человѣка Шемета. И как до тобя дойдут тѣ наши люди с сею нашею грамотою, и ты б к той нашей рухляди тѣм нашим людем велѣл дати своих купцов по тому ж, как мы здѣс(ь) велѣли дати Скиндерю своих купцев купити тобѣ, что потребная. И велѣл бы еси тѣм своим купцем ту нашу рухляд(ь) продати и купити, что нам потребная, а пошлин бы еси в своих городѣх на тѣх наших людех имати не велѣл. зан(е)же мы их послали о своих потребах. А что будет тобѣ которая потребная в наших государствех понадобится, и мы тобѣ также хотим дружбу свою держати. А как ту нашу рухляд(ь) изпродадут ‖ и купят, что нам потребная, и ты б тѣх наших л. 306.
купцов Алексѣйка Можаетинова с товарищы велѣл к нам отпустити и проводити бы еси их велѣл до наших украин, чтоб им здорово и без страху дойти до наших украин. Писан в нашем государствѣ в нашем градѣ Москвѣ лѣта ҂з тритцат(ь) трет(ь)яго (1524) (?) сентября". И на подворье говорил Скиндер(ь) приставу Ивашку Прокудину: „Чтоб мнѣ извѣстил Иван Шигона и діакъ Мен(ь)шой, что непригож Салтан писал к Великому Князю". И Княз(ь) Великій велѣл к нему послати запис(ь), что непригож(е)ство. А се запис(ь).—„Иван Шыгона и діакъ Мен(ь)шей велѣли тобѣ сказати": „Приказал еси к нам, что мы тобѣ говорили в отвѣте от Великог(о) Государя, что Государь ваш Сюлемен ‖ Салтан писал к нашему Государю не так, как есть пригож л. 306 об.
Государю нашему и как писал отецъ его, Салим шах Салтан, ко Государю нашему, и нам бы тобѣ сказати, что непригож(е)ство. И наперед сего отецъ его, Салим шах-Салтан, писал ко Государю нашему в своих грамотах Государю нашему „братом", а нынѣ в тѣх грамотах, которые грамоты ты привез от Салтана ко Государю нашему, Сюлемен Салтан „*брата*" Государю нашему не писал,—то непригож(е)ство Государю нашему". И поѣхал Скиндер(ь) с Москвы (?) сентября, а в приставѣх поѣхал съ Скиндерем Ивашко ж Прокудинъ. ‖ И лѣта ҂злг (1525) прислали к Івану к Семенову гра- л. 307.
моту его люди Шемет с товарищы из Каѳы, которых людей своих послал Иван Семенов с Скиндерем во Царь-Город отдавати рухляд(ь) Великог(о) Князя. А в грамоте писали, что Скиндер(ь) Великог(о) Князя людем Алексѣю Можаятинову с товарищы великую соромоту чинил: и плат(ь)е и ден(ь)ги на них имал, да и с Ивановых людей шубы и зубы рыб(ь)и имал, а которых извощиков с нимъ отпустили казначѣи с Москвы, а ему было их отпустити без зацѣпки совсѣм к Москве,—и он тѣх людей в Каѳѣ попродал. И Княз(ь) Великій говорил з бояры: „Коли Искиндер(ь) над

Великог(о) Князя люд(ь)ми такову соромоту учинил, и он нѣчто учнет которые непригожие рѣчи Салтану или пашам говорити,—и Великому Князю пригож к Салтану послати своег(о) человѣка з грамотою тог(о) дѣля, чтоб тѣх людей, которых продал
л. 307 об. Скиндер(ь), Салтан доискался да велѣл отдати. А нѣчто Скиндер(ь) Салтану ‖ учнет которую безлѣпицу говорити, и Салтан бы ему по тому не вѣрил". И послал Княз(ь) Великій к Салтану з грамотою своих татар служилых: в головах Кудояра Карачева сына Мурадинова самово пятого с товарищы, а до Азова с Кудояром же вмѣсте послал Княз(ь) Великій своег(о) казака Собаку Небол(ь)сина самово ж пятог(о) съ товарищы. Да в Азовѣ Собакѣ с товарищы велѣл Княз(ь) Великій остатис(ь) для тамошних вѣстей, да каковы будут вѣсти, и Княз(ь) Великій тогды Собакѣ велѣл к собѣ ѣхати из Азова, а Кудояру саму пяту ѣхати во Царь-Город. А се такова грамота
л. 308. послана к Салтану с Кудояром. А государьства писаны в крузех. ‖ „Присылал еси к нам своег(о) человѣка Скиндеря и мы к тобѣ Скиндеря отпустили, а с ним вмѣсте послали есмя к тобѣ своих людей Олексѣйка Можаетинова, да Мурзу Черного, да Опалю Кузмина с своею грамотою, а писали есмя к тобѣ в своей грамоте, что посылали есмя рухляд(ь) с своим послом с Иваном на нѣкоторые на свои потребы. И ты бы к той нашей рухляди велѣл дати своег(о) торговца, кому на нас купити, что нам потребная. И здѣс(ь) нам сказывал посол наш Иван, что еси к той нашей рухляди продати и купити нам, что потребная, велѣл дати Саку Скиндеря. И тогды Сака Скиндерь к нашей рухляди купцов не привел, кому та рухляд(ь) купити, и что было надобе на наши потребы, и он тог(о) не купил, а ты посла нашего Ивана к нам вборзѣ отпустил. И наши твои, Аяз паша, на ту нашу рухляд(ь) во Царѣ-Городѣ дали по-
л. 308 об. лату да и ключ тоѣ полаты дали послу нашему Ивану; и мы с тѣм ключем ‖ с тѣми ж с своими люд(ь)ми с Олексѣйком с Можаетиновым, да с Мурзою, да с Опалею Кузминым велѣли послу своему Ивану вмѣсте с Скиндерем послати своих людей, кому та рухляд(ь) тѣм нашим людем отдати. А иных наших людей Скиндер(ь) на Москвѣ понаймовал ѣхати с собою до Каѳы, а взял их у нашего казначѣя на свои руки, что ему их из Каѳы одноличпо отпустити, а лиху над ними никоторому никак не быти, а отпустити их всѣх назад совсѣм. И ныне к нам приѣхали из Крыма гонцы от Сайдет Гирѣя Царя, а с ними к нам приѣхали наши торговые люди, которые были в Каѳѣ, и которые были в Крымѣ. И тѣ наши люди нам сказывали, что от Искиндеря от Саки тѣм нашим людем, которых есмя с ним к тебѣ послали, Олексѣю Можаетинову с товарищы нечесть, и соромота, и продажа велика была; да и посла нашего Ивановым людем соромота и продажа была, а которых наших людей с собою до Каѳы
л. 309. пона ‖ ймовал, и он, пришед в Каѳу, тѣх наших людей попродал. И что будет Скиндер(ь) на наших людех поимал, да и на посла нашего на Ивановых людех что будет поимал,—и ты б то велѣл поотдавати нашим людем, а которых наших людей Сака Скиндер(ь) попродавал,—и ты б тѣх наших людей велѣл доискатис(ь); да наших бы еси людей, которых мы к тебѣ послали—Алексѣйка Можаетинова с товарищы, и посла нашего Ивановых людей, и тѣх людей, которых Скиндер(ь) попродал, всѣх к нам отпустил. А ныне послали есмя к тебѣ своих казаков Кудояра Карачова сына Мурадинова с сею своею грамотою тог(о) дѣля: коли еще Искиндер(ь) здѣс(ь) у нас был, и он приставу здѣсе говорил непригожие рѣчи, а ныне над нашими люд(ь)ми так учинил. И Искиндер(ь) нѣчто учнет говорити нѣкоторые неправые рѣчи, чтобы межи нас с тобою какіе вражды не учинил. Да как до тобя доѣдут тѣ наши казаки
л. 309 об. Кудаяр Карачев с товарищы, ‖ и ты б их не издержав к нам отпустил. Писан в на-

шем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ лѣт(а) ҂з тритцат(ь) трет(ь)яго (1525) мѣсяца июн(я) 2 ден(ь)". А се такова грамота послана в Азов к Бургану. „Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Руси, и иным многим землям всточным и сѣверным Государь, и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, новгородцкій, псковскій, смоленскій, тѳерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных брата нашего Сюлемен шах Салтанову слузѣ Бурган(у) агѣ диздерю азовскому. Послали есмя к брату своему, къ Сулемен шах Салтану, своих казаков—Кудояра Карачова сына Мурадинова с товарищы. И как тѣ наши казаки ‖ Кудояръ л. 310.
Карачев с товарищы в Азов приѣдут, и ты б нам тѣм послужил, посадил бы еси его на корабль с товарищы, и отпустил бы еси их в Каѳу, чтоб им, как дал Бог, до брата нашего, до Сюлемен шах Салтана, здорово доѣхати. Писан в нашем государствѣ в нашем градѣ Москвѣ лѣт(а) ҂злг (1525) июня". А се такова грамота послана в Каѳу к Санчагу с тѣми ж казаки, с Кудояром с товарищы. А[1]) Государьства писаны в крузѣ назади. „Брата нашего Сюлемен шах Салтанову слузѣ Магмедю, князю Санчагу каѳинскому. Послали есмя к брату своему, к Сюлемен шах Салтану, своих казаков Кудояра Карачова сына Мурадинова с товарищы. И как тѣ наши казаки Кудояр Карачов с товарищы в Каѳу пріѣдут, и ты б нам тѣм послужил: посадил бы еси его на корабль с товарищы и отпустил бы еси ‖ их к Салтану, чтоб л. 310 об.
им, как дал Бог, до брата нашего, до Сюлемен шах Салтана, здорово доѣхати. Писан в нашем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ лѣта ҂з тритцат(ь) трет(ь)яго (1525) июн(ь)". А се такова памят(ь) дана Кудояру, а велѣно еѣ проучивати да изодрати. Памят(ь) Кудояру. Нѣчто возмолвят ему: „Писал Княз(ь) Великій, что непригожие рѣчи Искиндер(ь) Сака на Москвѣ говорил приставу,—ино что непригож(е)ство Скиндерево?" И Кудояру говорити: „Государь наш для Салтана Скиндеря жаловал и ч(е)сть ему держал, как есть пригож. Пристава ему дали, и подворіе велѣл указати, и кормы великіе велѣл давати, и он то жалован(ь)е ни во что поставил, и приставу говорил, что к нему Государьского жалован(ь)я мало, и корму мало, и нечесть собѣ от Государя там жо сказывал; а кор ‖ му ему давали на день по(с)тол(ь)ку, а пытайте янычан, которые л. 311.
с ним были. И он кормы продавал, а приставу говорит, что корму мало, а Государю нечесть приносил. А отпущая, его Государь жаловал своим великим жалован(ь)ем и давал ему много своег(о) жалован(ь)я. И он также говорил, что ему жалован(ь)я Государьског(о) мало, да тогды ж говорил: „Доѣду до Салтана и яз межи Великог(о) Князя с Салтаном вражду учиню",—да и иные многие рѣчи непригожие говорил. И здѣсе что будет говорил про Государя, что ег(о) Государь не жаловал, и он то все лгал". А нѣчто взмолвят: „А ѣсти его Княз(ь) Великій к собѣ чего для не звал?" И Кудояру говорити: „Государь наш его жаловал, ѣсть его к собѣ звал, и Изскиндер(ь) говорил, что ему ѣсти нел(ь)зѣ того дѣля, что у них говѣн(ь)е; и Государь наш велѣл ему и приставу о том молвити, чтоб он ѣл у Государя. И Изкиндер(ь) ся отмолвил тѣм, что у них говѣн(ь)е. А на отпускѣ, как его Государь учал отпущати, и он его не звал ѣсть тог(о) для, что зашло Государя ‖ нашего говѣн(ь)е и ему было тогды за столом л. 311 об.
быти у Государя нашего непригож; и Государь наш ѣсти ег(о) не звал, а на подворіе к нему посылал кормы великие и честь ему чинил, как есть пригож, а жалован(ь)я своег(о) Государь наш давал ему много". А поѣхал Кудояръ с Москвы июня 4, а поѣхал на Рязан(ь), и с Резани Кудояръ поѣхал июня 15 ден(ь). ‖ Лѣт(а) ҂злг (1525) л. 312.

---

[1]) Въ рукописи лишнее „о".

маія 20 писали из Азова к Великому Князю с казаки с резанцы про крымские вѣсти, что посылал крымской Царь к туретцкому Царю силы просит(ь), а хотел итти на Великог(о) Князя украйны. И туретцкой к нему послал воеводу своег(о) урюмскего—Магмет бек Михал улуя, а с ним пятнатцат(ь) тысяч. Да из Азова ж писал к Великому Князю Ивашко Королевской, что, как пришол Искиндер(ь) Сака из Крыма, и говорил Сат Кирѣю Царю, что его Княз(ь) Великій не жаловал и ч(ес)ти ему от Великог(о) Князя не было, да и с очей его сослал, и Царю, деи, отманскому лаял. И Сат Кирѣй, Царь крымской, с тѣми вѣстьми посылал посла ко отманскому, и отманскій, деи, Царь дал ему на пособ(ь) своих людей тритцат(ь) тысяч поити на Великог(о)
л. 312 об. Князя украйны. ‖ И того ж лѣта, маія 27 ден(ь), писали изъ Азова с Великог(о) Князя казаки с резанцы, съ Ширяком с Малым с товарицы, что, деи, выступил Царь казанской из Крыма, а с ним пят(ь)десят тысячъ, а итти ему было на Великог(о) Князя
л. 313. украйны. ‖ И того ж лѣт(а), июля 12, писали из Азова к Великому Князю с казаки, с резанцы—с Ивашком с Шубиным с товарицы про крымские вѣсти, что Ислам Царь Саидет Гирѣя Царя ис Крыма збил и к Саидет Гирѣю Царю приходилъ на пособ(ъ) Санчаг каѳинской, а с ним тысяча турок и сем(ь)сот. И Ислам Царь Санчага
л. 314. побил и турок всѣх побил и на царствѣ учинили Ислама Царя. ‖ Лѣт(а) ꙁз тритцат(ь) пятаг(о) (1526) декабря 4 Княз(ь) Великій учал наряжатис(ь) к Пречистой на Тихвину. И приѣхали к Великому Князю его люди торговые изо Царя-Города, что их посылал Княз(ь) Великій о рухляди, что была с Иваном с Семеновым, Олексѣй Можаятинов с товарицы и сказали, что им Салтан дал людей рухляд(ь) продати и купити [что продати], и их отпустил. И посла своего Сюлемен Салтан не посылает, а прислал Скиндеря того дѣля, что(б) купити потребная. А се грамота з гост(ь)ми Салтанова с Олексѣем с таварищы. „Сюлемен шаг, Салим шаг силы находцов Царевъ сынъ, Великій Государь, разумом достижет на всяко постиженіе и справедливством слово доводит, в Костянтинопол(ь)ском государьствѣ и оттолѣ до Каѳы пути достижен(і)я заповед(ь)ми и повелѣн(ь)ми кадыем и всѣм пошлинником с бережен(ь)ем допровадити велѣли есмя вас. И Великому Гамаюну Васил(і)ю Ивановичу, Господу вѣдомо бы было, что
л. 314 об. всякому к нам хотящему от Москвы ‖ приходити посол(ь)ством или каких случаев дѣлы также есмя наказали и таким же обычаем заповѣдали, да въ всяком пространствѣ и в миру ходят безо всяких зацѣпок и вперед и назад. И по какову дѣлу посол имѣтис(ь) будет с малыми люд(ь)ми и со многими по всей дорозѣ до наших счястливых ворот никаким случаем от наших людей вредитис(ь) будет, развѣ гдѣ по нѣкакой винѣ ж, и которые вины земским судом подлежат, да по закону градскому и по правилом истязани будут,—о тѣх убо ни едино слово имѣется. И всѣ наши пошлинники, на сѣ наши книги смотря, вѣрите. Лѣт(а) девят(ь) сот тритцат(ь) перваго, мѣсяца августа, писана в Костянтинополи“. И декабря (?) из Нова-Городка из Сѣверского писал к Великому Князю намѣстник княз(ь) Микита Оболенской, что идет к Великому Князю изо Царя-Города Сака Скиндер(ь). А Княз(ь) Великій в ту пору
л. 315. наряжаетца ѣхати на Тихвину. ‖ И Княз(ь) Великій ѣдучи приказал казначѣю своему Петру Головину против Скиндеря дати пристава, и Петръ посылал к ним встрѣчю пристава Бакаку Митроѳанова сына Карачарова. То был у него пристав и на Москвѣ. И приставу у него быти Княз(ь) Великій иному на Москвѣ не велѣл того дѣля, что Искиндер(ь) пришел невѣдомо, посол(ь)ством или о торгу. И как Княз(ь) Великій приѣхал с Тихвины, и генваря 24 велѣл Княз(ь) Великій у собя быти Скиндерю. И как Искиндер(ь) пришел на двор,—и Княз(ь) Великій встрѣтити его не велѣл

никому. И приговорил Княз(ь) Великій: „Как Скиндер(ь) придет к Великому Князю и будет пришел послом и как грамоту подастъ, ино его к руцѣ позвати и ѣсти его звати, и почтити его за посла, а полехку". И как Искиндер(ь) вшел к Великому Князю, и правил от Салтана Великому Князю поздравленіе, да подал грамоту, и в грамоте написано: „Послали есмя к твоему царству нѣколикія рухляди ‖ купити—бѣлки, л. 315 об.
и соболя, и плат(ь)я(па) не(с)кол(ь)ко тысящ аспръ вѣрнаго раба своего послом Саку Скиндеря". И Князь Великій Саку Скиндеря к руцѣ позвал, да и ѣсти его к собѣ позвал, а опосле стола послал за ним с медом Бокаку ж Митроѳанова. И бил челом Скиндер(ь) Великому Князю, чтоб Княз(ь) Великій дал ему людей и ослободил ему купити, что потребная. И Княз(ь) Великій ему людей велѣл дати и ослободил ему товар купити. И жил Искиндер(ь) на Москвѣ до сентября лѣта ӡз тритцат(ь) шестаго (1527). А се грамота Салтанова [съ] Скиндерем.

„Милостію Бож(і)ею яз Великій Цар(ь), и сил(ь)ный Государь, и великій амир, Султан Сюлеман Царь, всѣм землям приморским, и румским, и караманским, и неатол(ь)ским, и романѣйским, и перскимъ, ‖ и мисюрским, и всей землѣ арапской, и л. 316.
иным многим землям господинъ, и Царем Царь, и Великій Государь и возможной. Пишет высота царства моего и великое господъство ми мудрому Государю и всѣми почтенному Великому Князю Васил(і)ю, Государю земли московской, и смоленскому, и сѣверскому, и угорскій, и болгарскій, и иным многим землям в(о)сточным Государю—много здрав(і)е и веселіе государству твоему. Паки вѣдомо да будет государству твоему, како в се время царства моего высота потребы ради, нѣколикоя рухляди купли ради, бѣлки и соболей, царьской моей высо[тѣ] нѣколику тысущ аспръ послал с рабом царства моего, вѣрным послом Сака Скиндерем, и грамоту есми с ним по вашему приятел(ь)ству и по обычаем царства твоего послали есмя и поручили. И како вышереченной Сака Скиндер(ь), посол нашъ, придет приятел(ь)ским путем ко государству твоему, так бы еси учинил. И послал с аспрами моими колико может добыти, что на потребу—бѣлки, и соболей, ‖ и платья,—и иные рухляди купити. Государство ваше л. 316 об.
человѣка ему дастъ и не уймеш(ь), ни заповѣдаеш(ь), како вышереченную работу: бѣлку, и соболи, и плат(ь)е похочет купити, чтоб не стояно зато было,—то государство твое приятел(ь)ски учинит реченную работу, плат(ь)е и рухляд(ь) потребную сполна да будет отправлено. О том государство твое нам не постоит. А что тобѣ понадобитца в нашем государствѣ,—и мы твоему (го)сударьству за то не стоим. А как вышереченный Сака Скиндер(ь), посол нашіе высости, плат(ь)е, и соболи, и бѣлку сполна по воле, как захочет, покупит и помыслит которым путем к нам итти, а придет к тобѣ проситис(ь), и ты б по своему обычею пут(ь) ему дал и благословил, и воеводу своег(о) с ним пошлеш(ь), которой бы с ним заодно шел. А скол(ь)ко будет тобѣ пригоже своих людей с своим воеводою послати, стол(ь)ко бы еси человѣкъ послал и проводити бы еси нашего посла велѣл, гдѣ похочет вылести на мою землю, чтоб был оборонен ‖ л. 317.
от всяких злых невол(ь) и со всею рухляд(ь)ю. Писан мѣсяца (?) дан 20 в мѣсте царьскаго стол(ь)на и славна Цари-Града". И лѣт(а) ӡз тритцат(ь) шестаго (1527), ноября 10, Княз(ь) Великій Скиндеря с Москвы во Царь-Град отпустил, а с ним послал к Салтану свою грамоту. А се грамота. „Богъ наш Троица, иже прежде вѣк сый и нынѣ есть, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ. Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію един правый Государь всея Русіи и иным многим землям восточным и сѣверным Государь, и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугородцкій, псковскій, смоленскій, тѳерскій, югорскій, ‖ пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных.—Сюлеман шах Салтану, л. 317 об.

Государю костянтинопол(ь)скому, и беломорскому, и черноморскому, и наталѣйскому, и римскому, и караманскому, и румскому, и иных земел(ь) Государю, брату и доброму прiятелю. Присылал еси к нам своего раба, Саку Скиндеря, с своею грамотою. А в грамоте в своей к нам писал еси, что еси послал (с) Скиндерем аспры купити на собя нѣкоторая потребная. И нам бы ослободити Искиндерю в своих государствех купити на тобя потребная и человѣка бы нам ему торговца на то дати. И мы в своих государ(ь)ствех Скиндерю ослободили все купити, что ему на тобя потребная, и торговца есмя ему на то дали. И как куплю сотворил и время ему отселе ѣхати, и он у нас просился, и мы его к тебѣ отпустили и проводити есмя его велѣли по своим государьством. Писан в нашем государстве, в нашем граде Москвѣ, лѣт(а) ҂злѕ (1527)
л. 318. ноября мѣсяца". ‖

Лѣт(а) ҂з тритцат(ь) семаг(о) (1529). Княз(ь) Великiй поѣхал в свою богомол(ь)ю, в Кирилов манастыр(ь). И писали к Великому Князю с Москвы боярин Михайло Юр(ь)евъ да казначѣй Петръ Головин, что Салтана туретцкого торговец его Ондрѣян грек на Москву приѣхал. И Княз(ь) Великiй писал на Москву к Михаилу и к Петру, чтоб Ондрѣяну быти у собя да его вспросити: будут с ним от Салтана грамоты,—и тѣ б грамоты у Ондрѣяна взяли. И как Княз(ь) Великiй из Кирилова манастыря приѣхал на Москву,—и велѣл Ондрѣяну быти у собя. И Ондрѣян пришед к Великому Князю да говорил: „Государь мой, Сюлеман Солтан, прислал со мною к тобѣ грамоту, и ту грамоту взяли у меня твои бояре Михайло Юр(ь)евъ да Петръ Головин". А се грамота Салтанова, а писано вверху в нишану: „Сюлейман Салтан, Салим шах Царевъ сынъ, силы
л. 318 об. находец, Государем Государь". ‖ „Милостiю Бож(i)ею яз Великiй Царь, и сил(ь)ный Государь, и великiй повелител(ь), Солтан Сюлейман Цар(ь), всѣм землям приморским, и румским, и караманским, и анаталiйским, и дулкадарским, и романийским, и перским, и Мисюрю славному граду, и всеѣ землѣ арабской, и иным многим землям Господинъ и Царем Царь. Пишет высота царства ми мудрому и благородному и всякой честп и славе достойному и Богом подарованному нашему доброму приятелю и почтенному сусѣду, кралю Василiю, Князю Великому, Государю землѣ владимерской, и московской, и болгарской, и наугородцкой, и всѣх русских, и смоленскiй, и пъсковскiй, и тѳерскiй, и всѣм землям всточным, и иным многим землям Государю многа ти здравiя и веселiя Господьству ти. Паки вѣдомо да ест(ь) благородству ти: нынѣ послали есмя слугу и торговца царьства ми именем Андрѣя, и понес нашу грамоту, зан(е)же такое (слово) молвлено на великих вратѣх царства ми: преж бо сего нѣколико аспръ и товару
л. 319. нашего царьского, колико имѣл в руках Ондрѣй, ‖ дал на пят(ь) сот тысяч денег товару продати в московской землѣ ко угодiю царства моего тѣм людем, кои сут(ь) и нынѣ в московской землѣ благородства ти: именем Синан арменин от Гасан-Кеѳти и Муратом зовут от Царя-Города арменин и Иван Попович от Вил(ь)ны; было межу ими укрѣпленiе и уложенiе пред судiями и кадыи, надобной товар дал пред послухи, крѣпко ест(ь) утвержено. И тѣ люди, как пошли в землю благородства ти, колико время ест(ь), тамо и есть, ниж(е) хотят да прiидут назад и с тѣми кунами царства ми. И имѣнiе наше царьское дръжат. Того ради тако ест(ь) прошенiе царства нашего: как дойдет до тебя се(й)[1] наш человѣкъ с почтеннною сею нашею грамотою къ твоему благородству, и твое бы благородство о том дѣле, о котором яз тобѣ писал, с аспрами царства нашего и тѣх людей пошлеш(ь) одноличпо ко мнѣ. И ипако[2]) не учинит бла-

---

[1]) въ рукописи: „сесь".
[2]) въ рукописи: „иноко".

городство твое, так учинит, как есми писали к тобѣ. Писан мѣсяца марта 7, в стол(ь)нем славнем и великом столѣ ‖ ". А се грамота Салтанова бол(ь)шая, а писано в нишану: „Сюлеман Солтан, Салим шаг Царевъ сынъ, силы находец, Государемъ Государь". „Милостію Бож(і)ею яз Великій Государь, и сил(ь)ный Царь, и Великій повелител(ь), Царь Солтан Сюйлеман, всѣм землям приморским, и румским, и караманским, и анатолійским, и роман(і)йским, и перским, и дулкадарским, и романским, и Мисюрю славному мѣсту, и всей землѣ арапской, и иным многим землям Господинъ, и Царем Царь, великій и возможный. Пишет высота великая господьства ми всѣми почтенному и благородному и всякой чести и славѣ достойному нашему доброму пріятелю и почтенному сусѣду, Великому Князю, почтенному Государю московскому и володимерскому, и новгородцкому, и пъсковскому, смоленскому, и тверскому, югорскому, и болгарскому, и пермьскому, и вятцкому, и иным многим землям всточным Государю Великому и славному Васил(і)ю—много ти здравіе и любезно веселіе благородству ти. ‖ И доброю волею да восприимет благородство ти. И еще вѣдомо да ест(ь) благородству ти, како то в прошедших временах и нынѣ есть: человѣкъ и слуга, раб и купец царства ми, ходил в земли господьства ти при наших прародителех и дѣтех их покойникѣх, куплю дѣючи, что было надобе царьству их: шубы избранны от соболей и добрые лисицы покупал и к нам привозил, каковы нам пригожалис(ь) и высотѣ царства нашего. И сего вышереченнаго купца и слугу царства ми с сыном заедино послали есмя их с нашими царьскими аспрами, чтоб нам купил надобнаго плат(ь)я от всякія розни; так просим от благородства ти и жадаем: как пріидет онъ к вамъ с почтенными нашими книгами, вышереченный наш купец Андрѣй, придет в землю благородства ти,—и ты б по старым обычаем, и по законом, и по путем приятел(ь)ским, что будет къ угодію нам надобе царству ми, и по хотѣнію нашей высости,— вышереченный наш посланник учнет торговати плат(ь)я собол(ь)я нашими аспрами,— и ты б заповѣдал своим купцем, ‖ чтоб с ним заодино были, и торговали б ему, и смотрили, и помогали. А не было бы ему ни от кого никоторые споны и силы по тому нашему вышереченному посланнику царства ми, чтоб покупил доброе нарочитое по нашему хотѣнію, и отправлял бы ся добрым поведеніем и ценою прямою купил бы: и то нам от твоего благородія вел(ь)ми за честь и великое приятелство и дружбы по(д)твержение. И как исторгует, и ты б его его к нам отпустил без всякіе зацѣпки и убытка и насил(ь)ства со всяким благодушством, добра и здрава, к нашей высотѣ царства (да) возвратится и придет. И которою дорогою захочет, туды придет к нам; куды ся ему годит, куды бы шол без страха, куды его хотѣніе будет, ту бы был отпущен и оборонен по старому закону и по обычаем сам и с нашею казною и с кон(я)ми и со всяким товаром и ото всякіе неволи и насил(ь)ства оборонен, как его хотѣніе будет, от твоег(о) благородія людей и до нас дошел бы поздорову. Писана 7 апрѣля в мѣсте славнаго ‖ стол(ь)наго Цари-Града, названием Стамбол—Констянтинопол(ь)".

л. 319 об. — л. 320. — л. 320 об. — л. 321.

А се грамота пашина к Петру к Головину.

„Милостію Божиею мы есмя всѣпочтеный Ибрюгимъ паша, великій и сил(ь)ный правител(ь), и начал(ь)ник, и избраны(й) муж великог(о) и сил(ь)ног(о) Царя господина Солтан Сюйлеман Царя. Пишет высота царства ми господину моему, еже ест(ь) начал(ь)ник великій и сил(ь)ный и всѣми почтенный,—многа ти здравія и веселія господьству твоему,—всѣми почтенному Петру Головину, великому казначѣю и пашѣ, нашему приятелю. Еще вѣдомо да ест(ь) тобѣ, что преж сего времени подал нѣколико готовых аспръ и еще нѣколико рухляди от имѣнія царьскаго за потребу царь-

скую слуга и купец царьскія высоты по имени казнохранител(ь) Ондрѣй—дал своим людем: по имени Синану от Гасан-Кеѳти, да Мурату арменину от мѣста Цари-Града, да Ивану Поповичу от Вил(ь)ны—пят(ь)сот тысяч аспръ атманских денег от царьскіе
л. 321 об. казны: посланы к Москве рухляди купити. И как пошли, ‖ нѣколико уж время назад не бывали. Тог(о) ради есть послана о том царская грамота всѣми почтенному кралю и Великому Князю Василію. И как до вашия милости ся почтенная наша грамота дойдет, и ты б учинил приятел(ь)ство: тѣх прежереченных людей и с купами по старым обычаем и законом однолично пошлеш(ь) к нам. А мы твоему благородію по тому ж приятел(ь)ство хотим чинити добре. Тебѣ же Бог взвеселитъ. Аминь“.

А на сторонѣ написано туретцким пис(ь)мом: „Юнусов сынъ—Ибрагим паша“.

И как Ондрѣян исторговал, и тог(о) же лѣта маія мѣсяца Княз(ь) Великій Ондрѣяна с Москвы отпустил, а послал с ним к Салтану свою грамоту.

л. 322. А се грамота с Ондрѣяном. ‖

„Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый и нынѣ есть, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ.

Великій Государь Василей, Божіею милостію един правый Государь всея Руси, и инымъ многим землям восточным и сѣверным Государь, и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, новгородцкій, псковскій, смоленскій, тѳерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных.

Сюлемен шах Салтану, Государю костянтинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и наталѣйскому, и римскому, и караманскому, и румскому, и иных земел(ь) Государю, брату и доброму приятелю.

Писал еси к нам в своей грамоте, что еси послал в наши государьства слугу и купца своег(о) Андрѣя Грека с своими аспрами купити на собя нѣкоторая потреб-
л. 322 об. ная,—и нам бы твоему куп ‖ цу Андрѣю в своих государствех ослободити купити на тобя, что потребная, и тамги бы нам на нем имати не велѣти. И как твой слуга и купец Андрѣан приѣхал в наши государьства, и мы ему в своих государствех ослободили купити, что ему надобе. А тамги есмя съ ег(о) товару со всег(о), что у нег(о) ни было, имати не велѣли. Да был здѣс(ь) суд твоему купцу Андрѣану перед нашим казначѣем, перед Петром Ивановым сыном Головина, и перед нашими діаки о рухляди с арменином с Синаном. И в иной рухляди Андрѣан по суду прав, а в иной Синан у Андрѣана отцеловался. И пришло было взяти на Ондрѣанѣ с тоѣ рухляди на нас тамги сто рублев и два(д)цат(ь) рублев и шесть рублев. И мы для тобя и тоѣ тамги на твоем слузѣ и купцѣ на Ондрѣанѣ имати не велѣли. А как Андрѣанъ изторговал и похотѣл проч(ь) ити, и мы ему волю дали. И ег(о) есмя отпустили и проводити
л. 323. есмя ег(о) велѣли. Писан в нашем государьстве, ‖ в нашем градѣ Москвѣ лѣт(а) ҂злз (1529) маія мѣсяца 21-го дня“.

Лѣта ҂зли (1529) октября. Писали к Великому Князю из Смоленьска боярин и намѣстникъ княз(ь) Юрій Дмитреевич Пронской с товарищы, что идет к Великому Князю от туретског(о) Салтана посол Скиндер(ь) Сака. И Княз(ь) Великій писал ко князю къ Юрію. А велѣл ему к собѣ ѣхати из Смоленска, а пристав с ним из Смоленска поѣхал Михѣй Ознобишин. А велѣл Княз(ь) Великій Скиндерю побыти в Вязмѣ, доколе Княз(ь) Великій сам будет в Можайскѣ.

И октября 3 дня Княз(ь) Великій в Можаескъ приѣхал и послал по Искиндеря Юшка Шестова, велѣл ему ѣхати в Можаескъ. И как Изскиндерь приѣхал в Можаескъ, и Княз(ь) Великій велѣл у него быти для бережен(ь)я и с ним ѣздити Ивану Кляпикову,

да с ним тритцат(ь) сынов боярских, да дватцат(ь) конюхов, а в приставех у него велѣл быти, кормъ давати Ивану Ступишину да подіачему Микифору Дылдину. ‖ И л. 323 об. октября 17 дня велѣл Княз(ь) Великій Скиндерю быти на дворѣ. А посылал по него Ивана Кляпикова да Ивана Ступишина.

И как Скиндер(ь) приѣхал на двор, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтити перед бол(ь)шею избою в сѣнех дьяком—Ѳѳонас(ь)ю Курицыну да Трет(ь)яку Ракову. А как пришел к сѣнем к выходной избѣ, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтити у сѣней перед выходною избою Ѳедору Карпову да діяку своему Мен(ь)шему Путятину. И как вшел в избу, и явил его Великому Князю челом ударити Ѳедор же. И Искиндер(ь) правил Великому Князю поздравлен(і)е, да подал Великому Князю от Салтана грамоту.

А се грамота.

А се вверху писано в пишану золотом: „Сюйлеман Солтан, Салим шаг Царевъ сынъ, силы находецъ, Государем Государь“. ‖ л. 324.

„Милостію Бож(і)ею яз Великій Государь, и сил(ь)ный Царь, и великій повелител(ь), Сюйлеман Цар(ь), всѣм землям приморским, и караманским, и перским, и наталійским, и румским, и руманским, и арабским, и азямским, и всѣм землям, и Мисюрю сл(а)вному граду великой области, и иным многим землям господинъ и инѣм мнозем Царем Царь, и Государем Государь. Пишет высота царьства ми всѣми почтенному и благородному и Богомъ подарованному нашему доброму приятелю и почтенному сусѣду, Великому Князю Васил(і)ю, Государю земли московской, и володимерской, и смоленской, и болгарской, и угорской, и русской, и иным многим землям восточным Государь—много ти здравие и веселие и любов(ь) благородству ти. И о том да восприимет благородство ти. И паки есть вѣдомо, как наперед сего в предние времяна царьския ми для высоты, потреб дѣля, посылыванъ посол(ь)ским путем, нѣколико дорог приятел(ь)ства ради ‖ от царь- л. 324 об. ских наших ворот, раб царьства нашег(о), по имяни *всѣми почтенный Искиндер(ъ)*. И нынѣ послан к благородству ти также того ради, по первому обычаю и приятел(ь)ству, посол(ь)ским путем вышереченный Искиндерь,—также паки за надобныи потребы послан царские ми ради высоты, что нам любо, с нашими книгами послан к свѣтлости кралевства ти.

И как придет с нашими книгами до твоег(о) благородства и з Бож(і)им повелѣнием и Божиею милостію наше посол(ь)ство покажет вашему благородству,—и по обычаю и по закону преднему примет благородство ти, и ты уразумѣв заповѣдаешъ слугам своим: швецом и мастером, чтоб были поручени и берегли и помагали вышереченному послу Искиндерю, рабу царьства ми, за высоту царьства нашег(о), скол(ь)ко ему будет надобѣ соболей и шуб собол(ь)их, и от иного, что будет ‖ ему надобѣ (по) запо- л. 325. веди царьства нашег(о), покупали б ему на ден(ь)ги прямо(ю) ценою однолично. И как он покупит то все и исполнит по нашему посол(ь)ству и придет х кралевства ти высотѣ, и ты б учинил нам гораздо приятелство: вышереченнаго пашег(о) посла Искиндеря, раба царьства нашег(о), и с купленым товаром царьства нашег(о) без всяког(о) задержания, коим путем похочет и поити, и твое бы благородство тѣмъ путем его отпустил и отправил к странѣ царьства нашег(о), чтоб ему и до нашие державы идучи, на пути, прежереченному Искиндерю и его дружинѣ, и конем, и товару—шкоты и силы никоторые бы и згибели не было, о всем бы был управлен от благородства твоего животом и здравием. Да придет царьства нашег(о) странѣ с люд(ь)ми со всѣми и с товаром и все до нас допровадит без кручины“.

И Княз(ь) Великій звал его к руцѣ, да велѣл ему сѣсти, да звал его Княз(ь) Великій ѣсти, и велѣл ему итти стола ждати на подворье близко Великог(о) Князя

л. 325 об. двора ‖ у конюшни. А за столом сидѣл против его Иван Кляпиков. И ѣлъ того дни Изкиндер(ь) у Великого Князя, а после стола посылал Княз(ь) Великій потчивати Искиндеря Ивана Кляпикова да Ивана Ступишина.

И октября 21-го дня велѣл Княз(ь) Великій Искиндерю быти на дворѣ, а посылал по него Ивана ж Кляпикова, а велѣл ему итти на то же подвор(ь)е, гдѣ стола ждал, и послал к нему Ѳедора Иванова сына Карпова да діяка своего Мен(ь)шего Путятина, а велѣл ему молвити: „Государь нашъ велѣл тобѣ го(во)рити": „Писал к нам брат нашъ, Сюлеман шах Салтанъ, чтобы нам тобѣ дати торговцов и ослободити тобѣ купити в своих государьствех, что тобѣ надобе на Салтана потребная. И мы тобѣ торговцов велѣли дати и ослободили тобѣ купити, что тобѣ надобе, и тобя нынѣ отпускаем. И
л. 326. ты поѣдь к Москвѣ, да торгуй, да оттоле поѣд(ь) к Салтану". ‖ Да велѣл ему Княз(ь) Великій к собѣ итти. И как Скиндер(ь) пришел на дворъ, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтити по тому же, как был впервые у Великого Князя. И как вшел в избу к Великому Князю, и Князь Великій ему сам молвил: „Искиндер(ь), писал к нам брат нашъ, Сюлеман шах Салтанъ, чтоб нам тобѣ торговца дати и ослободити тобѣ торговати в своих государьствех и купити, что тобѣ на добе. И мы тобѣ торговцов дали и торговати тобѣ ослободили, и ты поѣд(ь) к Москве да торгуй и купи, что тобѣ надобе". И отпустил Княз(ь) Великій Скиндеря на Москву: то ему и к Салтану отпускъ. А приставове с ним поѣхали: Иван Ступишинъ, да Чюра толмач, да с ними дватцат(ь) конюхов. И как Княз(ь) Великій приѣхал на Москву, и Искиндер(ь) присылал х казначѣю, к Петру к Головину, что он болен добрѣ: „И Петръ бы прислал человѣка, а
л. 326 об. ве ‖ лѣл бы рухляд(ь) Салтанову и мою переписати: нѣчто Бож(і)я воля ссѳанетца— меня в животѣ не станет—ино бы Салтанова рухляд(ь) и моя не пропала". И Княз(ь) Великій велѣлъ Петру послати рухлядь Салтанову переписати и пересмотрити Семена Дмитреева сына Чяшникова да діяка Микиѳора Семенова. И они рухляд(ь) смотрили и переписали. И после того Скиндеря в животѣ не стало. И в той ж рухляди нашли после Скиндеря списки, и в тѣх спискех писано, что будто пришел полоняникъ из Азова, а сказывал, что будто туретцког(о) людей побил угорьской корол(ь). И Княз(ь) Великій тому обрадовался и звонити велѣл. И иные рѣчи писал. А Княз(ь) Великій был янычанъ отпустил, которые были съ Скиндерем, а рухляд(ь) им Салтанову давали, и они не взяли. И Княз(ь) Великій говорил з бояры: „Такие рѣчи Скиндер(ь) говорил да
л. 327. и писал, и он нѣчто будет какову грамоту послал к Салтану с тѣми ‖ янычаны. Ино их пригоже обыскати да и к Салтану то в грамоте написати, чего дѣля их велѣти обыскати". И послал Княз(ь) Великій янычян обыскивати дьяка своего Мен(ь)шего Путятина, а велѣл их обыскати и велѣл их поставити в Дорогобуже, а у них велѣл быти в Дорогобужѣ для бережен(ь)я Остане Андрѣеву да Чюрѣ Руделеву. И приговорил Княз(ь) Великій, что ему янычан отпустити, а Салтанова рухляд(ь) отослати с тѣми янычаны и с торговыми люд(ь)ми, а к Салтану послати своего человѣка з грамотою. И послал Княз(ь) Великій к Салтану з грамотою своего человѣка Темеша Кадышева, да с ними же отпустил с Москвы царегородцов Пирохмата с товарищы. А с рухляд(ь)ю послал в Дорогобуж Семена Чяшникова да діака Микиѳора Семенова.
л. 327 об. А велѣлъ Семену Чяшникову, и Микиѳору, и Остане, и Чюрѣ рухляд(ь) ‖ отдати янычаном—Усейну с товарищы и царегородцом—Пирахмату с товарищы, да Темешу Кадышеву с товарищы. А к рухляди печати свои всѣм велѣл приложити. И велѣл их Князь Великій отпустити из Дорогобужа, а пристава велѣл с ними послати—Михѣя Ознобишина до Смоленска, а в Смоленску им на посадѣ стояти не велѣлъ, а велѣл

им проити Смоленескъ. А се грамота с Темешем к Салтану. „Богъ наш Троица, иже прежде вѣк сый и нынѣ есть, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ. Великій Государь Василей, Божіею милостию един правый Государь всея Русіи, и иным многим землям восточным и сѣверным Государь, и Великій Княз(ь) володимерскій, ‖ московскій, л. 328.
новогородцкій, псковскій, смоленскій, тѳерскій, югорьскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных, Сюлеман шах Салтану, Государю костянтинопол(ь)скому, и беломорскому. и черноморскому, и наталѣйскому, и римскому, и румскому, и иных земел(ь) Государю, брату и доброму приятелю. Присылал еси к нам своег(о) раба Саку Скиндеря с сво(е)ю грамотою, а в грамоте в своей к нам писал еси, что еси послал Скиндеря купити на собя нѣкоторая потребная шубъ и соболей. И нам бы ослободити Искиндерю в своих государьствех купити на тобя потребная, и человѣка бы нам ему торговца на то дати, кому ему что купити. И мы в своих государьствех Скиндерю ослободили все купити, что ему на тобя потребная, и торговцов есмя ему на то дали. И прислал Скиндер(ь) х казначѣем нашимъ, что на него ‖ пришла великая болѣзнь,—и казначѣи бы л. 328 об.
наши прислали к нему наших людей, которая твоя рухляд(ь) с ним пришла и которую рухляд(ь) здѣсь на тобя покупил, того бы велѣли посмотрити, да что и его рухляди, того бы всего велѣли посмотрити и переписати. И казначѣи наши послали к Искиндерю нашег(о) доброго человѣка Семена Дмитреева сына Чяшникова да діяка нашег(о) Микиѳора Семенова, а велѣли рухляд(ь) твою да и Скиндереву рухлядь всю пересмотрити и переписати. И Бож(і)я воля ссталася,—Скиндеря в животѣ не стало. И коли смотрили у Искиндеря рухляди нашы люди,—и в той рухляди списки Скиндеревы. И в тѣх списках написал Скиндер(ь) лжывые слова. Ино твоих людей того дѣля обыскивали, чтобы иных лживых слов не было, а людей есмя твоих к тобѣ велѣли отпустити, да и торговых есмя людей всѣх велѣли отпустити, а к тобѣ вмѣсте с твоими люд(ь)ми послали есмя с сею своею ‖ грамотою своих казаков Темеша Кадышева л. 329.
с товарищы, а которая рухляд(ь) твоя была с Искиндерем да его рухлядь, и мы казначѣем своим ту рухляд(ь) всю велѣли послати к тобѣ за печат(ь)ми с твоими янычаны—с Усейном, да с Осаном, да съ Хидыр-Балы, да с Овдѣем, да с Усейном же, да с Касысом, да с Ѳергатом, да с Багатом, да с торговыми люд(ь)ми—с Челебѣем з Бурсянином, да со царегородцы—с Пирохматом с Азибѣевым, да съ Санватом с Махметевым, да с Алпем с Мырзиновым, да с Алием с Исуповым, да з Бутаком с Кулуевым, да с Азимусою с Ахметевым, да съ своими казаки с Темешем с Кадышевым с товарищы. Да и список тоѣ рухляди, которую рухляд(ь) переписал нашъ доброй человѣкъ Семен Дмитреевъ сынъ Чяшников да діяк Микиѳор Семенов,—казначѣи нашы дали твоим людем—Усейну янычанину да Пирохмату Азибѣеву с товарищы. А противен(ь) того списка казначѣи нашы у собя оставили. И как до тобя ‖ л. 329 об.
дойдут твои люди и наши казаки Темеш Кадышев с товарищы, и ты б нашего казака Темеша Кадышева с товарищы не издержав часа того к нам отпустил. Писан в нашем государьстве, в нашемъ градѣ Москвѣ лѣт(а) ѕзли 1529 декабря мѣсяца“.

А се грамота королю с Темешем: „От Великог(о) Государя Васил(і)я, Бож(і)ею милостію Государя всеа Русіи и Великог(о) Князя володимерского, московского, новгородцког(о), псковского, смоленского, тѳерского, югорского, пермьског(о), вятцког(о), болгарского и иных—брату и свату нашему Жыгимонту, Королю пол(ь)скому и Великому Князю литовскому. Присылал к нам брат нашъ, Сюлеман шах Салтан, своего посла Скиндеря, а с ним прислал свои аспры купити на собя нѣкоторая потребная: соболи, и шубы, и иная потребная. И Бож(і)я воля ссталас(ь), посла брата нашего,

л. 330. Скиндеря, в животѣ не стало. И кото ‖ рые с ним люди были Салтановы и торговые люди, и мы тѣх людей всѣх отпустили к Салтану, а с ними вмѣсте послали есмя к Салтану своего казака Темеша Кадышева с товарищы, да и рухляд(ь) есмя Салтанову, которая была съ Скиндерем и его рухляд(ь), послали есмя к Салтану с тѣми его люд(ь)ми сь янычаны, сь Усеином с товарищы, и с торговыми люд(ь)ми и с своим казаком с Темешем с Кадышевым. И ты б нашему человѣку Темешу с товарищы дал пут(ь), чтоб ему по твоей землѣ итти доброво(ь)но, без всякие зацѣпки и съ рухляд(ь)ю брата нашего, Сюлеман шах Салтановою. И проводити бы еси их велѣл по своей землѣ до границы, чтоб ему до брата нашего, до Сюлеман шах Салтана, здорово доѣхати и сь его рухляд(ь)ю. Писан на Москвѣ лѣта ҂зли (1529)[1]". А се грамота к Жигимонтовым королевым паном с Темешем же. „От Великого Государя Васил(і)я,
л. 330 об. Божіею милостію ‖ Государя всея Русіи и Великог(о) Князя володимерского, московского, новгородцког(о), псковского, смоленског(о), тѳерского, югорског(о), пермьского, вятцкого, болгарьского и иных, брата и свата нашего Жыгимонта короля воеводам, и паном, и старостам, и намѣстником, и всѣм приказным людем по литовской землѣ и по лятцкой. Присылал к нам брат наш, Сюлеман шах Салтан, своего посла Скиндеря, а с ним прислал свои аспры купити на собя нѣкоторое потребная: соболи, и шубы, и иная потребная. И Бож(і)я воля ссталас(ь), брата нашего Сюлеман шах Салтанова посла Скиндеря в животѣ не стало. И которые были с ним люди Салтановы и торговые люди, и мы тѣх людей всѣхъ отпустили к Салтану, а с ними вмѣсте послали есмя к Салтану своих казаков—Темеша Кадышева с товарищы, да и рухляд(ь) есмя
л. 331. Салтанову, которая рухляд(ь) Салтанова была съ Скиндерем, послали к нему ‖ сь янычаны—с Усейном с товарищы и с торговыми люд(ь)ми, и своих казаков с Темешем с Кадышевым с товарищы. И вы б нашему казаку Темешу Кадышеву с товарищы по литовской землѣ и по лятцкой учинили путь чистъ по перемирным грамотам и по крестному целован(і)ю, и проводити бы есте ихъ велѣли до границъ по брата нашег(о) землѣ, чтоб им до Сюлеман шах Салтана здорово доѣхати и с рухляд(ь)ю. Писан на
л. 331 об. Москвѣ лѣта ҂зли (1529)"[1] ‖.

Лѣта ҂з тридцат(ь) девятого (1530) октября 30 ден(ь) Великого Князя татаринъ Темешъ Кадышов от Салтана к Великому Князю приѣхал, а привез к Великому Князю от Салтана грамоту. А се грамота от Салтана к Великому Князю с Темешем. А се вверху писано золотом: „Слово Великого Бога Превѣчна, Чистотна, Неподвижна". А се золотом жо писано: „Предвеликочестному милостивѣйшее слово доброю мыслью, великое защищение, светлѣйшая планита, помощь наша Магмет Мустофа, которого Богъ упокоил и всего его рода и безчислеными обогатил его чюдотвореніи, и кото-
л. 332. рые при нем бывшая друзи: ‖ Абубекир, Омеръ, Осман, Алій, то есть всѣх тѣх милост(і)ю своею Бог помиловал, упокоил всѣх тѣх чюдотворцев души ег(о) чюдотвореніем и милостію". А се в нишану писано: „Сюлейман шаг, сынъ Салим шаг Царевъ, силы находец, Царь гамаюн". А се писано в черных строках после нишану: „Сынъ Великог(о) Государя, земской властелин, достойный вѣнцу царствія, на земли Бож(і)я сѣнь, иж(е) осѣняет вселенную, бѣломорскій, и черноморскій, и румскіе земли, анатал(і)йскій, караманскій и римскіе земли, давагкадырскый, вадаякберскій, курдусканскій, ваазыр-
л. 332 об. банзянскый, азямскій, шамскій, халяпскій, мисюрскій, мекенскій, ‖ мединейскый, ярусолимскый и всея арабскые земли, и еменскые земли, да еще великог(о) Багдада.

---

[1]) Обѣ грамоты писаны, очевидно, одновременно съ грамотой къ Султану—въ декабрѣ.

Божіимъ просвѣтлѣн(і)емъ и помощью, гнѣвом многомъ побѣдител(ь) бых нѣколиким
землям, и яко огнем саблею нашею потребишас(ь) нашим побѣжен(і)емъ, яко ж(е)
отци наши нѣкоторые земли повинушса(ь): Салтанъ Баязыт, Царевъ сынъ, Салтан
Селим Царь, Солтан Селим Царевъ сынъ, Солтан Сулейман Царь! А ты русскіе земли
корол(ь), Княз(ь) Василей еси! В се время вселенскаго заступленія счястливому
пашему порогу грамоту свою прислал еси с своим человѣком, что у вас не стало
нашег(о) человѣка Саки Искиндеря. И ты куны ег(о) всѣ, которые при нем были
там, деѳтерь учинив, написати велѣл еси. И тот деѳтер(ь) запечатав с тѣм своим
человѣком ко мнѣ прислал еси, и, как нам про то вѣдомо учинилося, твой человѣкъ
тѣ куны нам привез. И мы по велико ‖ му своему государьству тому твоему чело- л. 333.
вѣку, которой к нам пришел, волю дали и назад есмя ег(о) в твою землю отпустили.
Такъ бы еси вѣдал. Іюл(я) мѣсяца в начале лѣт(а) цлѕ. Писан великого государства
нашего дворѣ в Костянтинополи". И лѣт(а) ҂зма (1532) ноября 5 дня писал к Вели-
кому Князю из Смоленска боярин и намѣстник княз(ь) Александръ Андреевич Ростов,
что идет к Великому Князю турского Салтана человѣк Ахмат. И Князь Великій велѣл
ему ѣхати к Москвѣ. И как Ахматъ приѣхал на Москву, и Княз(ь) Великій велѣл у
него быти в приставех под(ь)ячему Ивашку Щекину, а велѣл его поставити на литов-
ском дворѣ. ‖ И ноября 12 дня велѣл Княз(ь) Великій Ахмату, Салтанову человѣку, л. 333 об.
быти на дворѣ, а посылал по него пристава ж Ивашка Щекина. И как пріѣхал на
двор, и Княз(ь) Великій велѣл ему итти к Благовѣщен(ь)ю в паперть. А встрѣчи ему
не было. Дождался его у дверей у избных дьяк Мен(ь)шей Путятин и шел с ним в
избу к Великому Князю. И как Ахмет вшел в избу к Великому Князю, и явил его
Великому Князю челом ударити Мен(ь)шей ж. И Ахмат правил Великому Князю от
туретцкого Салтана поздравленіе да подал грамоту. И Княз(ь) Великій позвал его к
руце, а сѣсти ему не велѣл, да звал его ѣсти и велѣл ему итти в набережную полату
ждати стола. И ѣл того дни Ахмат у Великог(о) Князя. А за столомъ против его
сидѣл ‖ пристав же Иван Щекин. А после стола потчивал его па подвор(ь)е медом л. 334.
Ивашко ж Щекин. А се грамота от туретцког(о) Салтана сь ег(о) человѣкомъ с Ахма-
том. А се вверху написано: „Господинъ Богъ". А в нишану напи(са)но: „Салим шагъ
Царевъ сынъ, Сюлейман Царь, силы находець, Государемъ Государь!" А опосле
строка бол(ь)шая: „Милостію Бож(і)ею яз Великій Государь, начал(ь)ны(й) Царь-Царемъ,
и велик(і)й гамаюн, Салтан Сюлейман Царь, всѣм землям ру(м)ским и караманским, и
наталѣйским, и арменскимъ, ‖ и арабъским, и азбяским, и всѣмъ землям приморским, л. 334 об.
и ру(м)ским, и караманским, и наталѣйским, и раманѣйским, и сербъским, и аеменским,
и всѣм землям арабскимъ, и мѣсту славному Мисюрю, и всѣмъ землям азямской, и
всѣм землям передреченым, и иным многим землям восточным и западным Царем
Царь, Государем Государь. Пишет высота царства ми. Подает тобѣ многое здравіе
и веселие и радость высотѣ кралевства ти, мудрому и благородному, всякой чести и
славѣ достойному и Богомъ подарованному нашему ласковому и доброму приятелю и
любимому сусѣду, великому кралю, Великому Князю Васил(і)ю, Государю московскому,
и рускому, и болгарскому, еще югорскому, и владимерскому, смоленскому, ноугород-
цкому, ‖ тверскому, и пермьскому, и иным многим землям западным Государю. Да еще л. 335.
б вѣдомо было кралевству твоей высости: как прежних временах и до сѣхъ мѣсть
времен межи нас обѣихъ надѣяся вел(ь)ми, яко приятел(ь)ству любви, и такое стро-
ител(ь)ство помысливши, на надоб(ь)я великого царства ради моег(о) потреб надобе:
не(с)кол(ь)ко портищь собол(ь)их, неколико птиц кречатов. И того ради царства ми

высота послал слугу своег(о) во всѣмъ под(ч)теннаго раба царства ми, именем Ахмата, з готовыми аспрами, там к земли свѣтлости кралевства ти; з Бож(і)имъ повелѣніемъ как вышереченный нашъ раб к тобѣ придет с почтенною нашею грамотою, къ свѣтлости кралевства ти, и твоег(о) кралевства свѣтлость посмотришъ приятельства пер-
л. 335 об. ваго и учиниш(ь) ‖ любов(ь) кралевства твое о тѣх вещех, о которых послан нашъ раб— от кожухов от собол(ь)ихъ. Вышереченному рабу нашему царства ми ослободиш(ь) купити нам, (что) надобе, по ег(о) воле, скол(ь)ко он похочет, по нашему приказу безо всякого закоснѣнья. А как отдѣлаетца по моему приказу, что ему надобе искупит, и ты б однолично дал ему волю итти к нам назад, кудѣ похочет итти. А как учнет торговати, и ты бы ему дал пристава по его надоб(ь)ю, кто б ему торговал, что ему надобе; а доколе не изторгует, и ты б его из своей земли не высылал. А как изторгует и похочет итти, и твоя бы кралевская милость по старому обычаю, кудѣ захочет итти, и ты бы тудѣ ему волю далъ итти. И велѣл бы еси его по дорозѣ однолично
л. 336. поберечи, чтоб ему дорогою со всѣми ‖ своими люд(ь)ми, и с кунами, и со всѣмъ своим товаромъ здорово итти, чтоб Божіею милостію до нас здорово дошел. И тобѣ от нас великое благодарен(ь)е будет. А мой ему приказ купити соболей и кречатов, скол(ь)ко возможет купити. Так бы вѣдал благородство[1]) твое. Писан въ стол(ь)нѣ Цари-Градѣ". И бил челом Ахмат Великому Князю, чтоб Княз(ь) Великій дал ему людей и ослободил ему купити, что потребная, и Княз(ь) Великій ему людей велѣл дати и ослободил ему товар купити. И жил Ахмат на Москвѣ от ноября до маія мѣсяца лѣта
л. 336 об. ,зма (1533). ‖ И как Ахмат изторговался, и Княз(ь) Великій говорил з бояры, что ему пригож туретцкого Салтана человѣка к Салтану отпустити, а с ним послати к Салтану своя грамота. И маія 26 дня Князь Великій Ахмата к Салтану отпустил, а послал с ним к Салтану свою грамоту. А се грамота к Салтану съ его человѣком с Охматомъ: „Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣк сый и нынѣ есть, (и Отецъ), и Сынъ, и Святый Духъ. Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію един правый Государь
л. 337. всея Русіи, и иным многим землям восточным и сѣверным ‖ Государь, и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугородцкій, псковскій, смоленскій, тверскій, югорскій, перьмскій, вятцкій, болгарскій и иных, Сюлейман шаг Салтану, Государю костянтинопол(ь)скому, и беломорскому, и черноморскому, и наталейскому, и румскому, и караманскому, и иных земел(ь) Государю, брату и доброму приятелю. Присылал еси к нам торговца своего и слугу Ахмата с своею грамотою, а в грамоте в своей к нам писал еси, что еси торговцу своему Ахмату велѣл купити на собя нѣкоторая потребная—шуб и соболей и кречатов. И нам бы ослободити Ахмату в своих государствех купити на тобя потребная, и человѣка бы намъ своег(о) торговца на то ему дати.
л. 337[2])об. И мы в своих государствех Ахмату ослободили все купити, ‖ что ему на тобя надобе потребная, и торговца есмя ему на то дали. И как Ахмат изторговал и похотѣл из наших государствъ къ тобѣ ѣхати, и мы его отпустили безо всякого задержанія, и проводити есмя его велѣли по своим землямъ. Писана в нашем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ. Лѣта ,зма (1533)".

---

[1]) Въ рукописи: „благодарство".

[2]) Пропускъ въ нумераціи листовъ вызванъ пустыми листами.



Труды того же автора.

I.

По исторіи искусства:

1. «Русское искусство въ памятникахъ Сѣверо-Востока». (Распродано).
2. «Кострома въ ея прошломъ и настоящемъ по памятникамъ искусства».
3. «Сѣверно-русское гражданское и церковное зодчество. Городъ Вологда».
4. «Сольвычегодскій Введенскій монастырь».
5. «Городъ Сольвычегодскъ». Историко-культурный очеркъ.
6. «Соловецкая обитель». Историко-культурный очеркъ.
7. «Деревянное зодчество сѣверо-востока Костромской губерніи».
8. «Городъ Устюгъ-Великій».
9. «Русскій Барокко. Строгоновскія церкви Нижняго-Новгорода и Сольвычегодска».

Готовятся къ печати:

«Путеводитель по Сѣверу», «Архангельскъ», «Холмогоры», «Тотьма», «Каргополь», «Соликамскъ», «Чебоксары», «Городецъ», «Балахна» и «Нижній-Новгородъ».

II.

По исторіи литературы:

а) «Пр. Максимъ Грекъ и греческая идея на Руси въ XVI вѣкѣ».
б) «Воскресенскій лѣтописецъ и его продолженіе».
в) Библіотека старо-русскихъ повѣстей (точное воспроизведеніе оригиналовъ):

1. «Повѣсть о матросѣ Василіи». Ц. 35 коп.
2. «Повѣсть о горѣ-злосчастьѣ». Ц. 40 коп.
3. «Повѣсть о Бовѣ-Королевичѣ». Ц. 50 коп.

Печатаются:

4. «Повѣсть о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобеевѣ».
5. «Повѣсть объ Еруслано Лазаревичѣ».

Готовятся къ печати:

6. «Повѣсть о Саввѣ Грудцинѣ».
7. «Повѣсть о Петрѣ и Θевроніи» и др.
